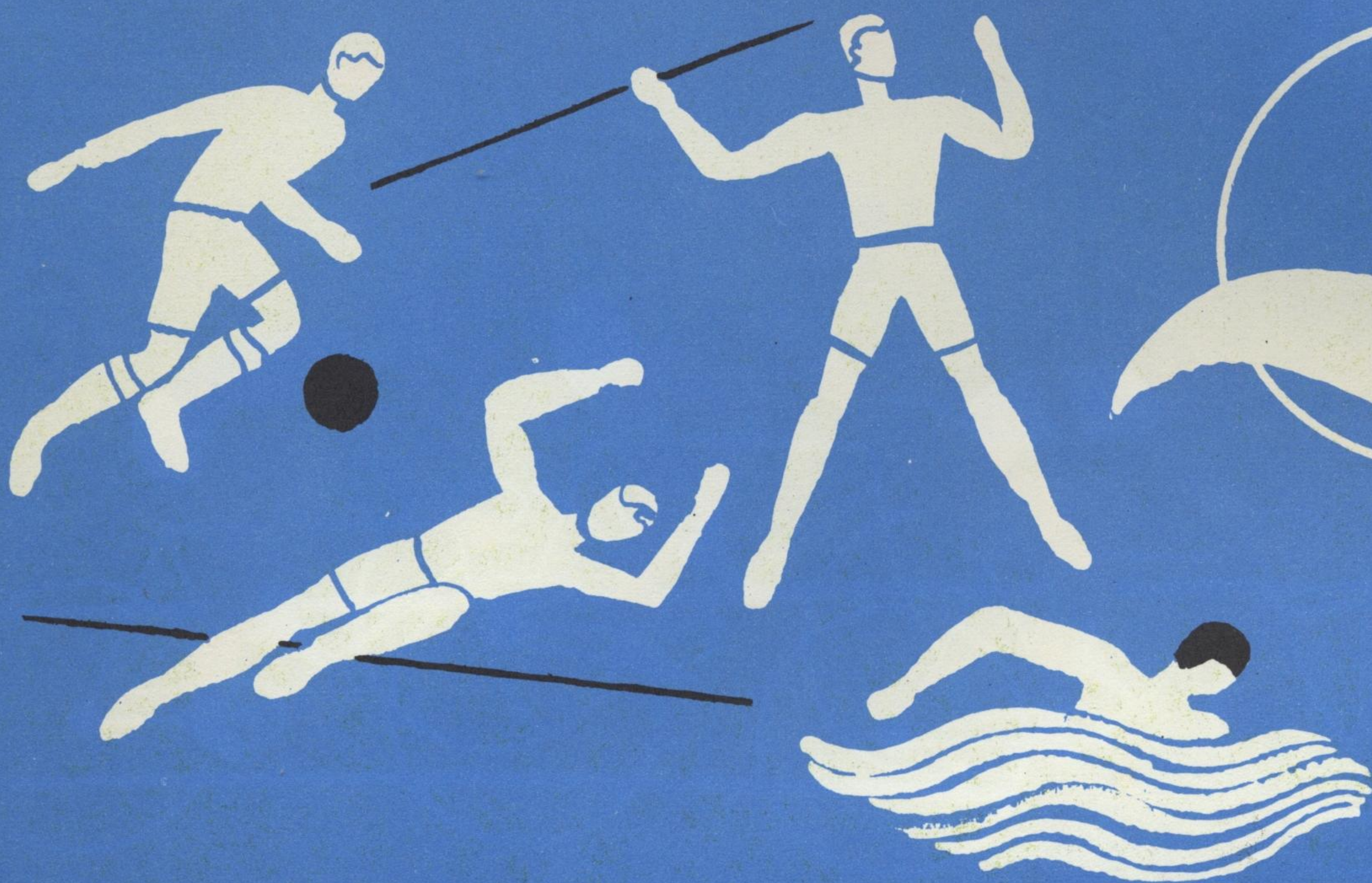

ПИОНЕР 7

ИЮЛЬ • 1976 • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

До открытия XXI летних Олимпийских игр остались считанные дни. Уже совсем скоро запоют серебряные олимпийские фанфары. Тысячи людей на монреальском большом стадионе, миллионы — а может, и миллиарды! — у телевизоров будут смотреть, как на беговой дорожке появляется спортсмен. Белая майка, белые трусы, в руках факел — олимпийский огонь.

Огонь этот негасимо был пронесен почти по всему земному шару. И вот остались последние метры — лестница, не более сотни ступеней... Секунда, вторая — вспыхивает огромная чаша. Теперь ровно две недели она до краев будет полна олимпийского мирного огня, как этот стадион, этот город до краев полны будут благородной спортивной борьбы.

Парад команд-участниц. Удивительное, неповторимое зрелище. Шагают лучшие спортсмены мира — самые красивые, самые стройные, самые сильные. И самые упорные. И самые талантливые.

Эй! Инопланетяне! Смотрите! Вот как удивительно прекрасны жители земного шара!

Вместе с другими шагает советская олимпийская дружина, одна из самых многочисленных. В ее рядах больше, чем в любой другой, чемпионов мира и Европы, чемпионов прошлых Олимпиад. Она, как всегда, главный претендент на общекомандную победу.

Удачи вам, советские олимпийцы! Вы будете сражаться — каждый на своем спортивном ристалище, а мы будем за вас болеть, как только умеем, горячо, от всей души!

Наверное, на эти две недели будут отложены все неотложные дела. И спать нам придется меньше — некогда, надо болеть!.. Вдруг все станут знакомыми. В автобусе, в очереди, на улице можно будет запросто обратиться к любому: «Ну как там наши?» И тебя тотчас поймут, и улыбнутся, и начнут рассказывать.

Олимпиада! Она объединяет, делает друзьями спортсменов. Объединяет она и болельщиков! Вдруг тебе становится совершенно понятно, что наша огромная планета не так уж и велика. И все мы, все люди (расисты, пиночеты и прочая нелюдь в расчет не идут!), все люди, в сущности говоря, — одна большая семья.

В 1980 году
Москва
будет встречать
участников
XXII Олимпийских игр.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
и Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации имени В. И. Ленина

ИЮЛЬ 7

Издательство «Правда»

Москва 1976 г.

Людмила ТУРИЩЕВА,
абсолютная чемпионка мира
и Олимпийских игр.

к звездам

трудности

Через

ВРЕМЯ ЖИВОЕ И МЕРТВОЕ

Июль, разгар лета. И, что бы там ни говорили, это самое хорошее время года. Особенно для школьников: полная у тебя свобода. Что хочешь, то и делай!

И я очень рада, что мои заметки напечатаны в журнале именно летом. Потому что на свободе можно немножко подумать о своей жизни. А я как раз очень хочу и надеюсь, что эти заметки заставят вас задуматься.

О чем же?

Сейчас я обращаюсь конкретно к тебе, к тому (или той), кто держит в руках журнал. Сколько тебе лет? Ну, скажем, двенадцать. Образование? Шесть классов. Как учишься? Допустим, неплохо: четверки, тройки, пятерки... Что еще? В танцевальном кружке пробовал за-

В советской команде вместе с другими нашими спортсменами пройдет по олимпийскому стадиону заслуженный мастер спорта, прославленная наша спортсменка Людмила Турищева.

В редакцию приходит много писем. Ребята просят рассказать о Турищевой, о ее тренировке, образе жизни, о том, как она сумела добиться таких необыкновенных успехов в спорте.

Сегодня мы печатаем рассказ Людмилы. В нем ответы на многие читательские вопросы, размышления, советы.

ниматься. В баскетбольную секцию ползимы ходил... Все!

А знаешь, это ведь очень мало. Самый-самый крохотный минимум. И твоих усилий здесь почти не требовалось. Попробуй-ка в школу не пойти — живо застыдят. Ну, а учение... В общем-то шло, как получится. Значит, выходит так: течение жизни несло некую щепочку и вот выплеснуло на берег июля 1976 года. И не более того!

Наверное, ты сейчас насупишь брови: «Надо же, какая умная эта Людмила Турищева! А учиться что, легко? А домашние задания?... Да у меня почти каждая минута на счету!»

Нет, я с тобой не могу согласиться. Особенно насчет «каждой минуты». Куда там минута — часы не учитываем, недели! И я тебя сейчас «изобличу» в два счета! Кто едва ли не каждое воскресенье валяется до десяти? Кто целые вечера простаивает в парадном за пустопорожними какими-нибудь разговорами? Кто часами болтается по магазинам — из «Тканей» в «Галантерею», из «Галантереи» в «Обувь»?.. На свете есть множество способов «убить время». Неважно, угадала я твой любимый или нет. Главное, что речь здесь идет действительно про настоящее **убить**. И не думай, что это лишь так говорится для красного словца. Время и в самом деле «умирает» — прошло впустую, промелькнуло, и ничего у тебя не осталось: ни в жизни, ни в душе, ни в памяти. Как не жил!

Говорят: береги честь смолоду. А мне хочется добавить: и время тоже смолоду береги. Пока его еще много.

ГВОЗДИ РЕЖИМА

Но как его беречь? С чего тут надо начинать? Я думаю, с учета. То есть, иными словами, с составления режима дня. Отнесись к этому делу серьезно, все как следует прикинь, взвесь. Ведь этот режим тебе придется выполнять!

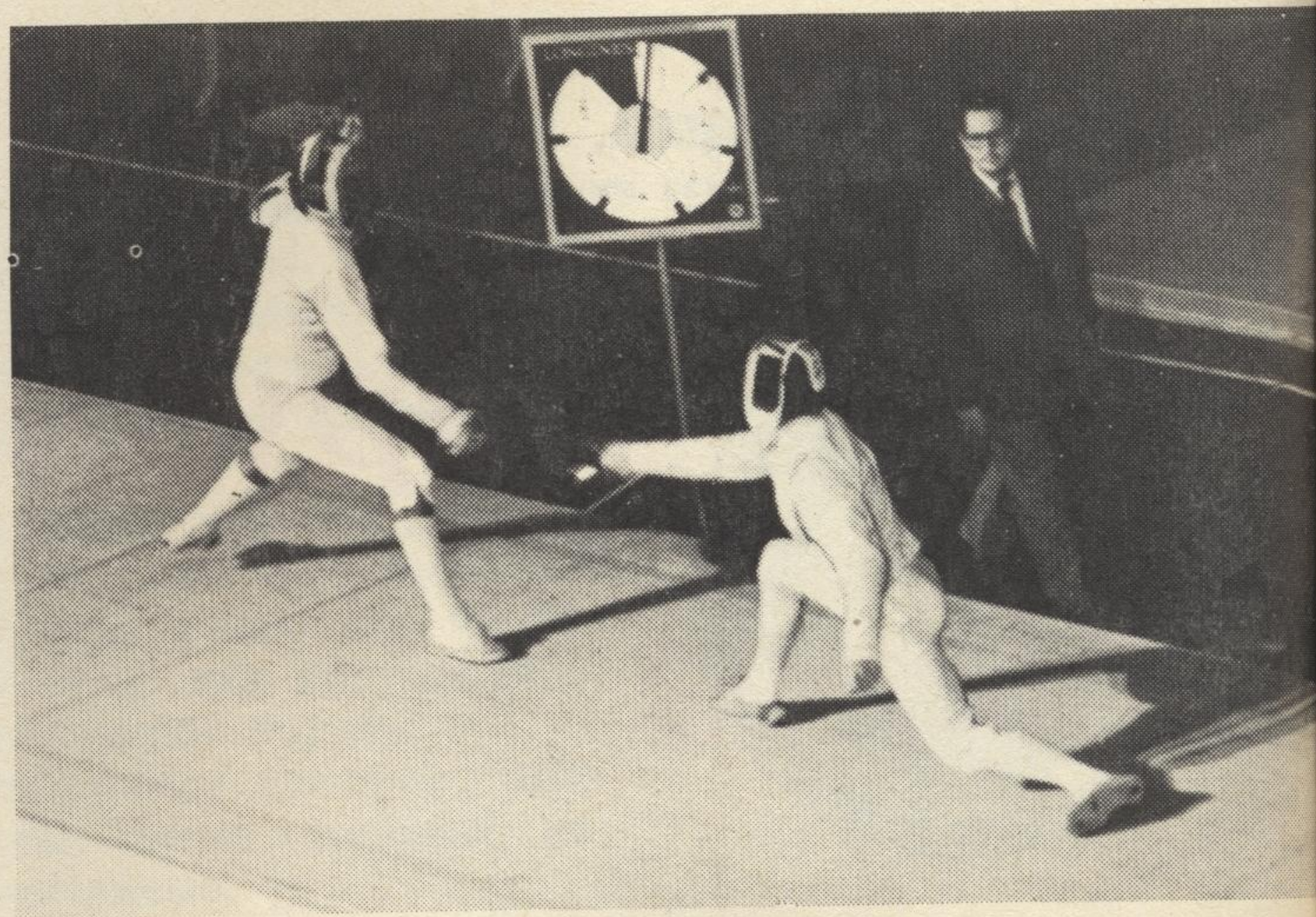
Но, честно говоря, даже и хорошо продуманный режим не такая уж простая вещь, особенно на первых порах и особенно, когда привык гранжировать время. Потом, конечно, втягиваешься, начинаешь ощущать какую-то особую энергичную радость оттого, что живешь правильно, с пользой, деятельно, оттого, что много стала успевать, оттого, что время подчинилось тебе.

Режим, понятно, дело индивидуальное. Но два пункта должны быть в нем обязательно. Первый — зарядка... Нет, здесь надо остановиться на минуту. Я так и вижу скептические физиономии некоторых (или даже многих) ребят: «Ну вот, опять про зарядку!»

А я не представляю себе полноценного дня без зарядки. Это первейший и, может быть, самый главный гвоздь, на котором держится режим. Сделаешь ее — становишься бодрым, резвым. Кстати, зарядка будит не только тело, но и мозг, но и чувства. Ты готов к действию, к активной мысли... Стоишь под душем и с удовольствием говоришь себе: «Сперва не хотелось, а все-таки я ее сделала. Значит, есть у меня воля и самодисциплина. Никто меня не заставлял, я сам встал и сделал!»

Зарядка — человек победил лень. А это немало. И с победы, между прочим, очень хорошо начинается день!

Зарядка... Я вам скажу сейчас совершенно серьезно, что без ежедневной зарядки мне бы ни за что не выиграть ни одной своей медали. Хотя, естественно, я не собираюсь утверждать, что стала олимпийской чемпионкой с помощью одной зарядки. Это было бы просто глупо с моей стороны. Да вы, конечно, и сами так не думаете. Поэтому неправы ребята (чаще всего мальчишки), которые говорят: «Хочу стать сильным, делаю зарядку. А сильным что-то не становлюсь». И не станешь. У зарядки другие задачи. А чтобы стать сильным... Но об этом речь впереди.

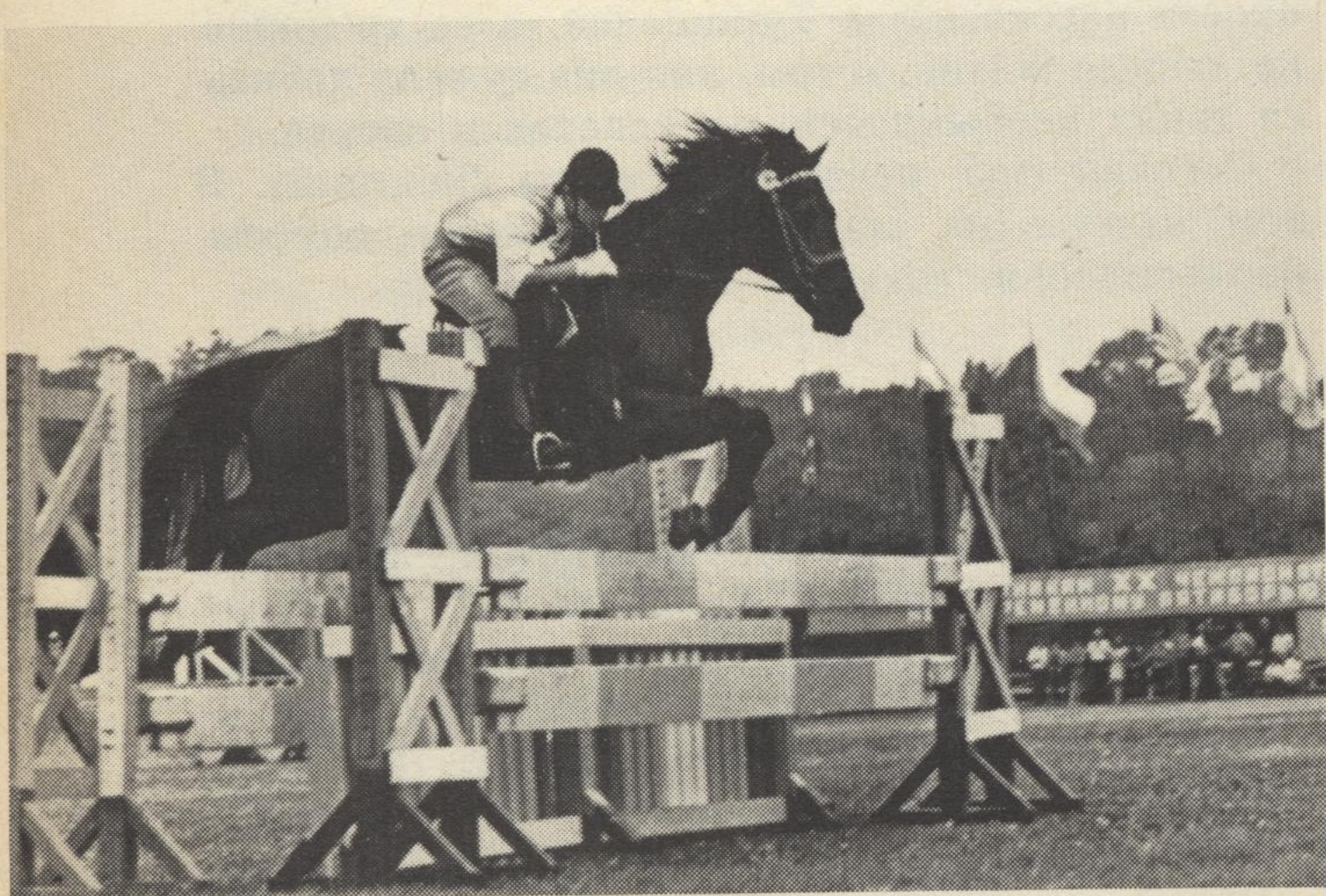

мгновенная реакция,

Второе важное и неперемное в режиме — это питание. Оно как будто бы не имеет отношения к потерянному времени. Но на самом деле имеет. Ошибается тот, кто думает: «Побольше поешь, здоровее будешь». Такие рассуждения безнадежно устарели. Есть надо как раз немного, но зато аккуратно — по режиму. Кстати, настоящие спортсмены (которым приходится тратить энергии раз в пять больше, чем «обычному человеку») очень строго ограничивают себя в еде, чтобы не терять времени на апатию, сонливость. Вообще, когда желудок становится твоим хозяином, это очень опасное дело!

А ГИМНАСТИКА ЛУЧШЕ!

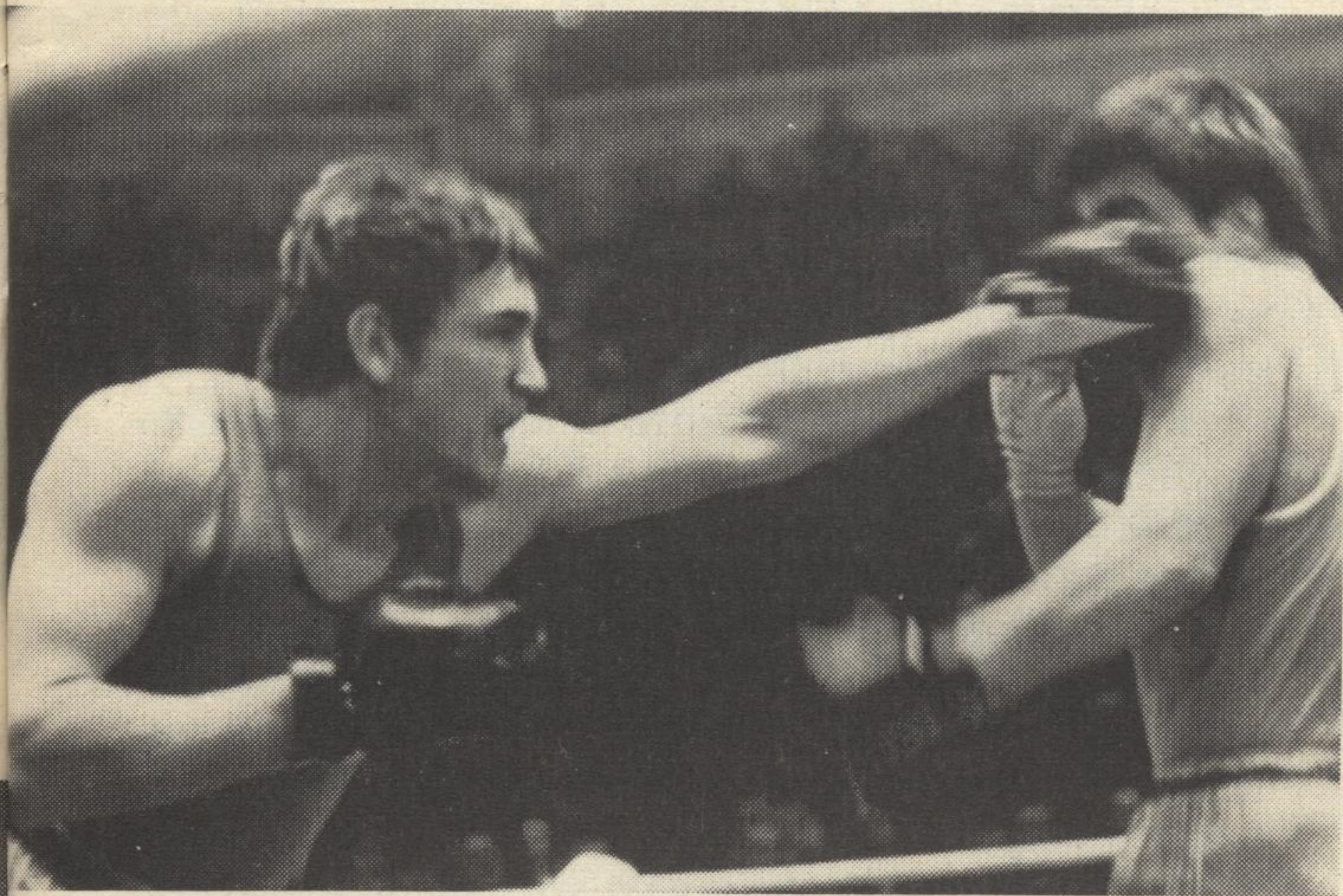
Теперь хочу поговорить с тобой о спорте, о своей любимой гимнастике: когда же еще начи-

Спорт — это уверенность в себе,

нать занятия спортом, как не летом. Сейчас целый мир — физкультурный зал!

Я говорю: «Занимайся спортом». Ты отвечаешь: «Времени много уходит». Да, если записаться в секцию, часика два с половиной обязательно надо. Много? Многовато... Однако стой! У нас же теперь режим. На кровати ты попусту не валяешься — это час как минимум, в подъездах стены не оттираешь — еще час. Так что время найдем! Было бы желание...

мужество,

А желание должно появиться уже после первых занятий, когда придет к тебе это чудесное чувство мышечной радости, когда сердце забьется ровно и сильно, когда, наконец, ты чему-нибудь сумеешь научиться. Даже самому простому — ну, скажем, кувырку через голову: уже не шлепнешься на мат, словно жаба, а раз, два, три — и перекувырнулся!.. Нет, правда, в спорте есть огромная притягательная сила. Стоит только начать!

Я не хочу обижать другие виды спорта и уверена, что Ирина Роднина о фигурном катании, Александр Мальцев о хоккее, Олег Блохин о футболе могли бы написать целые поэмы. На мой же взгляд, прекраснее всего гимнастика. Она — само движение. Она и сила и гибкость, она и мужество и элегантность. Когда я смотрю на своих подруг по сборной и кто-то из них на ковре выполняет вольные, я думаю: да разве это не настоящее искусство? Причем живое, ртутное, рождающееся прямо на глазах! В нем и большое чувство и большая мысль. Только надо это суметь увидеть и понять.

Я была очарована гимнастикой с самых первых своих шагов в спорте. И никогда уже с нею не расставалась, никогда уже ей не изменяла...

Это было в 1963 году, я училась в третьем классе. Однажды к нам на физкультуру пришел человек — высокий, плотный, широкоплечий. По строю пронесся шепот: «Тренер, из

коллективизм.

спортшколы...» Был он тогда совсем не такой седоволосый и морщин раз в два поменьше, и ступал он легко-легко — Владислав Степанович Растороцкий. Мой первый и единственный тренер.

РАЗГОВОР С БУДУЩИМ ОЛИМПИЙЦЕМ

Здесь опять я хочу отвлечься на минуту... Мне пришла в голову одна странная мысль. В середине 1963 года десятилетняя «неумелочка» (как выражаются гимнасты) вошла в спортзал. Через пять лет она была в олимпийской сборной... Это, как ты понимаешь, я сказала про себя. Правда, на Играх в Мехико я заняла, как говорится, «скромное 24-е место». Но дело не в том (кстати, мне малость и не повезло). Я хочу обратить твоё внимание на тот факт, что у тебя сейчас сходная ситуация. До московской Олимпиады-80 четыре года... Правда, у меня было пять. Ну и что! Современные методы тренировки удивительно прогрессировали. Это я совершенно честно говорю. Так что в принципе задача вполне реальна!.. Кстати, вот и пример. Наташа Шапошникова, моя младшая подружка, занимается четыре года. Сейчас ей четырнадцать. Весьма вероятно, что она попадет в Монреаль.

Наташа это смогла. А ты?

...А странно все-таки. Вот ты сидишь сейчас, читаешь журнал. Но проходит четыре года, и стройно, подтянуто, четко ты шагаешь среди олимпийцев СССР...

Стоп, стоп! Это что же получается? У журнала полтора миллиона тираж. Значит, прочитывают его еще несколько миллионов человек. Так неужели же все эти несколько миллионов попадут на Олимпиаду? Нет!.. А ты попадешь. Поставь себе такую цель и попадешь. Только помни, время не ждет. Два дня тебе на раздумье, третий — начало работы... Сначала все разузнать. Где секция? Какая? Когда принимают?.. Наверное, осенью. Отлично! Значит, есть время для подготовки, чтобы поступить туда без сучка, без задоринки.

Мне ужасно хотелось бы договориться с тобой: через четыре года, в канун следующей Олимпиады, напиши мне в журнал «Пионер», что у тебя все-таки получилось.

ИДУ К ЦЕЛИ

Идти к намеченной цели. Для меня, например, это интересный и притом единственно возможный способ жить. Многим, однако, он кажется скучным. Говорят: «Что это за жизнь такая — по плану? Скука! Все, что будет, уже знаешь».

А мне кажется, в том, что человек знает свою цель, ничего плохого нет. Просто я иду не наобум, а сознательно. И разве это не интересно: наблюдать и видеть, как день за днем, по кирпичику, по два растет здание, замысленное тобой год назад, два года назад.

Жить по плану... Да это жутко интересно! Только это трудно очень. Потому что каждый день ты должен выполнять свою норму. Значит, режим, самодисциплина... Но ведь осмысленно жить — вообще дело трудное. И здесь тебе надо решить одну, так сказать «краеугольную», задачу. Либо ты живешь для того, чтоб отдыхать, либо отдыхаешь, чтобы жить — работать.

У меня была одна знакомая семья, довольно симпатичные люди. Так они весь год существовали в ожидании будущего отпуска, отдыха... Я прямо с ужасом на них смотрела: сколько же люди жизни теряют — одиннадцать месяцев из двенадцати!

Отчего же так у них вышло? Оттого, что когда-то поставили себе неправильную жизненную задачу, теперь занимаются делом, которое их не интересует. Цель самая жалкая — отдых. Самодисциплины, естественно, никакой... Я с ними раззнакомилась!

РУКА ДРУГА

Но вот у тебя намечен план, скажем, на ближайший год. Поставлена задача (например, стать гимнастом второго разряда), есть режим, ты готов твердо шагать к цели день за днем. Здесь я очень советую тебе: постарайся найти себе старшего друга — взрослого опытного человека, такого, который был бы искренне заинтересован твоими делами, тобой.

Для меня таким другом стал тренер мой — Владислав Степанович Растороцкий... Сколько раз он сумел уберечь меня от неверного шага! Сколько раз поддерживал, ободрял, когда я уставала от нелегкой своей четкой жизни день за днем... Он учил меня, а я ему верила. И теперь могу твердо сказать: ни разу за эти годы я не уступила ни трусости, ни лени!

Очень важно научиться глубоко верить своему учителю, доверять. А мы, между прочим, часто придерживаемся того мнения, что и сами с усами. И ляпаем ошибку за ошибкой, глупость за глупостью. Но отступать уже неловко, признавать собственную несостоятельность стыдно. И с ослиным упрямством мы стоим на своем, а ситуация все запутывается, усугубляется...

Не бойся быть слишком послушным, смейся в глаза тем, кто обзывает тебя пай-ребеночком. Помощь, совет старшего друга — как броня на танке: убери ее, и каждый снаряд — в танкиста,

в тебя... А жизнь, сам знаешь, посылает очень много разных снарядов.

ВЕСЕЛЫЕ И СТРАШНЫЕ СОРЕВНОВАНИЯ

Когда я встречаюсь с ребятами — в школах, в домах пионеров, — меня часто просят: «Расскажите о самом своем смешном соревновании». Или наоборот: «Расскажите о самом страшном соревновании».

Не было у меня таких. Не было и не будет.

Соревнования — только ответственные. Хотя выступаешь на Олимпийских играх, хоть на первенстве школы. А тот, кто относится к ним слишком легко, со смехом, никогда не победит. И кто боится, никогда не победит... Волнение — да! Оно естественно. А как же иначе, если ты отчитываешься за дело твоей жизни. Ну пусть даже не всей, пусть трех-четырёх лет упорного, самозабвенного труда. Разве это мало?

Но волнение надо уметь направить. Сделать волнение вдохновением!

Мне вспоминается 1972 год, Олимпиада в Мюнхене. Готова к соревнованиям я была очень здорово. И вдруг буквально в последний момент узнаем: больше чем наполовину меняется состав нашей женской гимнастической команды, я неожиданно становлюсь ее лидером, меня избирают комсоргом и капитаном... Мы с Владиславом Степановичем готовы к этому не были. Огромная ответственность (на меня равняются все девочки) сделала меня скованной. Раньше я могла бы рискнуть, блеснуть. Теперь должна была работать только наверняка — для команды. Естественно, впечатление от моих выступлений было несколько не то. Борьба в личном первенстве сразу сделалась более упорной. С Карин Янц, отличной гимнасткой из ГДР, нас разделяли сотые доли балла.

И вот предпоследний вид. У меня бревно. Выхожу на помост — в это время Ольга Корбут делает упражнение на брусках, на ее любимейших брусках... И вдруг ошибка! Грубая!.. Тут я разволновалась, на этот раз совсем не вдохновенно, а просто со страшной досады... Комбинацию на бревне сделала неудачно, были мелкие ошибки, оценка 9,4. И сразу поняла: Карин Янц мне не победить!

Нахожу глазами Растороцкого, он сидит на трибуне среди зрителей (тренеров во время олимпийских соревнований на помост не пускали). А у нас существует с ним особый «тайный» язык жестов. И вдруг смотрю, тренер мне показывает: «Ничего не потеряно. При таком накале борьбы оценка для бревна хорошая... Но вольные нужны блестящие!»

Я знала: Владислав Степанович говорит правду. Не утешает, а именно выдает мне точную информацию. Так у нас заведено: говорить одну правду. Дело это, кстати, не всегда легкое. Но, я бы сказала, удобное. Попробуй! Только без единого исключения (вранья). Получается совершенно другая жизнь!

Дала Растороцкому знак: «Все поняла. Не волнуйтесь!..» Когда вышла на вольные, ничего

не чувствовала, кроме радости и необыкновенной легкости... Зал принял мое упражнение, что называется, на ура!

Схожу с помоста — ничего не вижу, ничего не понимаю: напряжение все же огромное! Меня целуют, тормошат, уже тут как тут фотографии... Полина Астахова трясет меня за плечи:

— Ты чемпионка, Люда!

А я говорю: «Да что вы, Полина Григорьевна. Этого быть не может». Поверила только, когда, стоя на пьедестале, услышала Гимн Советского Союза...

PER ASPERA AD ASTRA!

С недавних пор меня стали спрашивать: «А правда, что вы уходите из большого спорта?» Правда. Этого требует мой жизненный план. Я поступила в аспирантуру. Впереди три года научной работы. Тема: спортивная педагогика, психология спорта. Меня спрашивают: «Трудно расстаться с гимнастикой?» Невозможно! Я и не расстанусь с ней. Буду по-прежнему ходить в свой такой знакомый зал ростовской спортшколы № 7, буду помогать Владиславу Степановичу тренировать маленьких девочек. Может, и сама стану тренером...

Впрочем, об этом еще рано! Впереди олимпийский Монреаль! Я выступала там однажды. Были крупные международные соревнования. Я выиграла тогда многоборье и потом все четыре снаряда.

Говорю это не из хвастовства, а лишь для того, чтоб напомнить себе: Монреаль мой счастливый город!.. Ведь спортсмены немного суеверны.

Соперницы? Да! Соперницы будут на этот раз удивительно сильные. Но, собственно, это нормальное положение дел. А если б в спорте все было легко, я бы давно ушла, правда! Там, где легко, начинается опасность — лень, трясина...

Только не думайте, пожалуйста, что я одна такая неповторимая любительница трудностей. Вот моя подруга по сборной — Ольга Корбут. Ее можно назвать настоящим новатором, открывателем в гимнастике. Все время она ищет какое-нибудь усложнение — новую связку, необычный элемент. И только освоит их, только почувствует, что стало легко, сейчас же снова искать... Ищет трудное, находит... прекрасное. «Per aspera ad astra!» — «Через трудности к звездам!» Вот этим путем как раз и шагает Оля.

Теперь хотя бы кратко я хочу поговорить о том, что же конкретно дает человеку спорт.

И здесь я скажу довольно странную вещь: спорт дает человеку все!

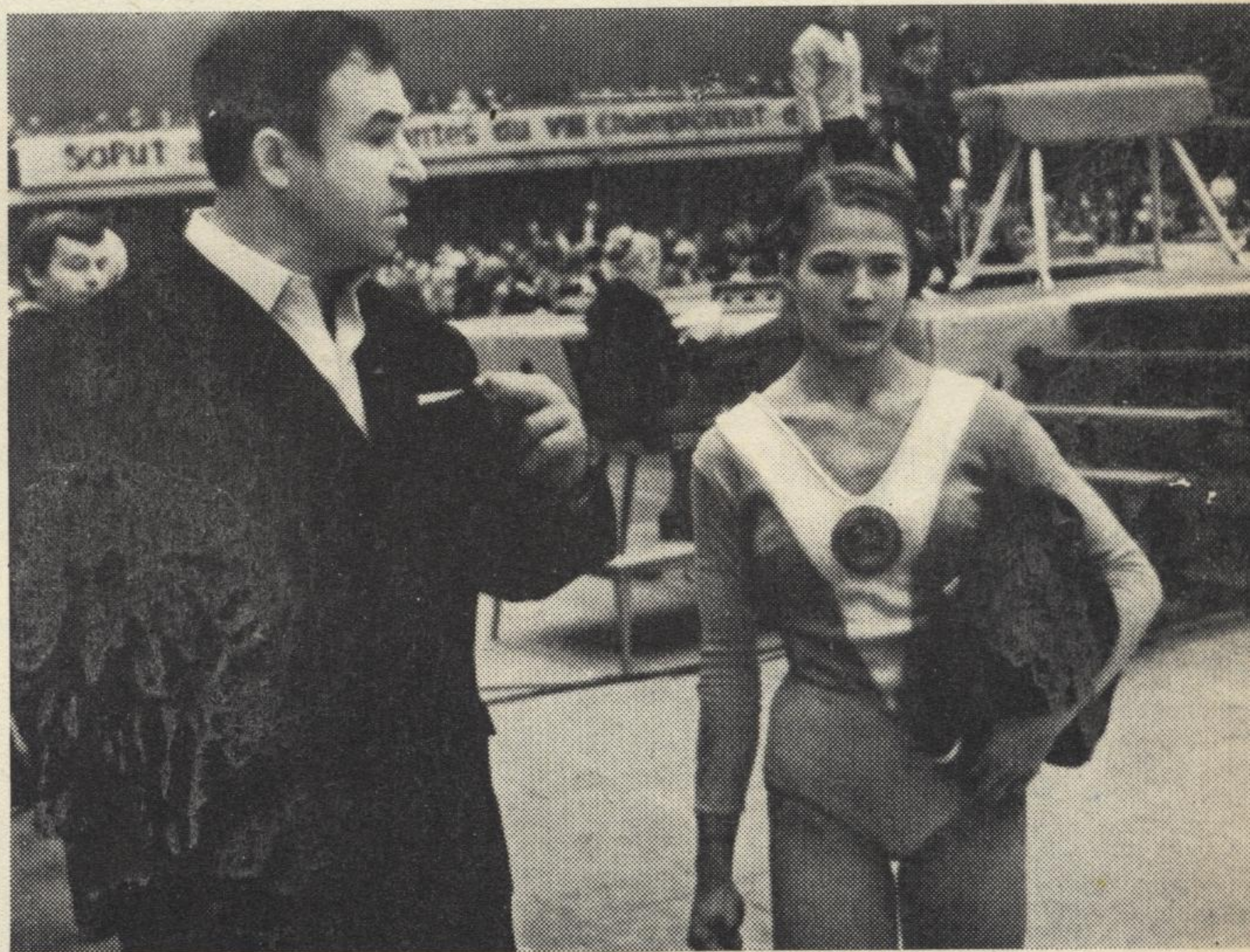
Здоровье, силу — это уже как бы само собой. А еще уверенность в себе, радость победы, радость борьбы, азарт, хорошее настроение... И еще он обладает одним свойством.

У спортсменов есть такое понятие: тесты Купера. Это, грубо говоря, набор тех или иных упражнений, которые определяют твою степень тренированности, готовности к соревнованию. И вот я подумала, что спорт сам является тес-

том, определяющим (и точно!) твою жизненную характеристику. После двух-трех состязаний ты сможешь судить о силе своего характера, о своем упорстве, об умении быть терпеливым, о своей смелости, о том, хороший ты товарищ или нет, — да практически обо всех чертах характера. Спорт выявляет и обнажает их.

Но в отличие от простых контрольных тестов спорт еще и формирует, совершенствует твой характер. Так же, как он совершенствует твоё тело. Скажем, ты поработал полгода с гантелями и — ого! — мускулы стали рельефней, живот подтянулся. И не знаешь того, что крепче стали мускулы у твоей воли, распрямило плечи твоё благородство, твердой стала поступь у твоего мужества.

Поверь мне: сильными духом (как и сильными телом) не рождаются, а становятся. Спорт, борьба, преодоление куют характер. А твердый,

Тренер и его ученица.
Эту пару знает весь спортивный мир.

честный характер необходим любому. Поэтому, собираешься ты попасть на Олимпиаду-80 или не собираешься, займись все-таки спортом. Увидишь, тебе не придется жалеть ни об одном часе, потраченном на тренировку, на состязание!

Летом этого года в Артеке пройдет финальная часть соревнований «Старты надежд». Многие известные спортсмены учредили свои призы. Будет там и мой приз. Очень хочу надеяться, что он достанется достойным!

В конце хочу пожелать вам вот чего. Будьте всегда здоровы, старайтесь жить полной жизнью, чтобы каждая минута проходила сознательно, то есть так или иначе была отдана делу, мысли.

И ни мгновения лени! И, выражаясь высоким слогом, стремитесь к совершенству. «Per aspera ad astra!»

Вот чего я желаю вам сегодня — быть может, на старте вашего первого серьезного и сознательного четырехлетия.

А вы пожелайте мне монреальской удачи!

КРАСНАЯ ТЕТРАДКА

НА ОСТРОВЕ ЗА ВОЛГОЙ

Дорогая редакция!
Я живу в Красноармейском районе Волгограда, у первого шлюза Волго-Донского канала. У нашего поселка нет рядом леса. Вот я и выбрал себе участок для охраны за Волгой, на одном из островов Волго-Ахтубинской поймы.

Основную работу на участке выполняю я сам. Весной развешиваю гнездовья, подсчитываю количество птиц и зверей и т. д. На каникулах мы работаем вместе с моим лучшим другом Сережей Науменко.

Этим летом мы будем уже шестером: двое ребят со станции юннатов, два моих двоюродных брата, Сергей и

я. Так что работать будет веселее.

Валентина Борисовна Верховская со станции юннатов помогает нам в определении птиц, зверей, растений. Есть у меня еще знакомый плотник, страстный любитель птиц — Геннадий Петрович Касимов. Он охотно помогает делать гнездовья. А у моего соседа по дому дяди Павлика есть лодка. На ней мы и перевозим за Волгу гнездовья, саженцы, корм для птиц.

Границы своего участка мы определили легко — он окружен тропинкой. На участке я собираю мусор, хворост.

В прошлом и позапрошлом годах я посадил 50 саженцев дуба и 100 саженцев тополя.

Фотографии В. ПОСТНИКОВА.

Рисунки

В. КОСТИЦЫНА.

Эта старая ива
растет на берегу озера,
в самой глубине участка,
над которым шефствует
Виктор Чернявский.
Здесь Виктор не стал
развешивать домики для птиц —
дерево и так было «живое»,
птицы заселили все его
старые дупла...

Птицам для укрытия гнезд
посадил 30 кустов боярышника
и пять кустов шиповника.

Ежегодно вывешиваю синичники-дуплянки, но птицы
в них поселяются редко: в лесу
очень много дуплистых деревьев.

На участке — три озера, где
встречается чилим, но его мало.
Постараюсь развести его
в других озерах.

...Работы очень много, но я
не унываю.

**Я предлагаю в Красной тетрадке
открыть страничку
хищных птиц.**

На нашем участке обитают
две пары хищных птиц — сокол-сапсан
и неизвестная мне хищная птица. **Я очень прошу
Справочное бюро «Ау» ответить мне, что эта за птица.**

Весной, когда остров
затопляет вода,
Виктор на лодке добирается
до самых дальних уголков,
помогает
зверям и птицам,
попавшим в беду.
Прошлой весной он перевез
в безопасное место гнезда
диких уток.

Она подолгу парит в небе.
Хвост вильчатый, оперение
темное. Гнездо 50×50 сантиметров,
сложено из толстых сучьев тополя
диаметром 1 сантиметр. Посередине
гнезда земля, подстилки нет.

Мне хотелось уберечь гнезда
хищных птиц, и я отпилил нижние
ветки на деревьях — выше
человеческого роста, чтобы не
забрались по ним.

По письмам и рисункам Виктора
наш художник В. Костицын
нарисовал его участок.
Посмотри, какие красивые и богатые
места — здесь и старый лес,
и молодые посадки, и озера,
и луга, и болота... А на
схемке сверху Виктор показал,
как расположен его родной
город Волгоград, пометил район,
где живет, и свой подшефный остров.

Грачи охотно селятся в густых молодых посадках — вон сколько гнезд на ветках!

Привязал дощечку с надписью о том, какую пользу приносят хищные птицы.

До сих пор гнезда этих птиц целы.

На нашем острове — богатое пернатое население. Мы видели очень многих птиц. Я назову некоторых из них: обыкновенная кряква, кулик-сорока, сокол-сапсан, дупель обыкновенный, вальдшнеп, горлица, вяхирь, перепел, ушастая сова, зеленый дятел, большой пестрый дятел, кукушка, угод, сизоворонка, полевой жаворонок, иволга, соловей и другие. Какой вид соловья, я не мог определить.

Точно знаю, где находятся гнезда почти всех птиц, это я показал на карте.

У меня есть еще вопрос. В сентябре я повстречал у куста стайку чижей. На том же кусте было гнездо. Может быть, это родители с птенцами? А может быть, они прилетели на зимовку? Не знаю,

живут ли чижи у нас в Поволжье?

Из млекопитающих на участке живут хорек лесной, ондатра, лесная сова, зайцы, лисы, енотовидные собаки, изредка заходят лоси, кабаны.

Совсем не встречаются на участке летучие мыши. **У меня к вам вопрос: можно ли как-то привлечь этих защитников леса?** Мы хотим сделать гнездовья для летучих мышей, но заселят ли они их? Мы уже наметили места, где хотим повесить дуплянки-мышатники, но дело за вами.

Еще меня очень волнует молодой кленовый лесок. Деревья посажены тесными полосами, по-моему, слишком густо. Между молодыми деревцами расстояние всего полтора-два метра. Подлесок и наземный покров сплошь состоят из поросли клена.

Видимо, они посажены механической сеялкой. **Надо ли производить прореживание полос?** Жду вашего ответа.

Виктор ЧЕРНЯВСКИЙ,
г. Волгоград.

О чижах и летучих мышах

Дорогой Виктор! Привлечение птиц — полезное и нужное дело. Хорошо, что ты умеешь точно определять птиц — пишешь, скажем, что это не просто кулик или дятел, а кулик-сорока и дятел зеленый. Что касается **соловья**, то вид, который живет на Волге, называется восточным.

Чижи в Поволжье не гнездятся. Они встречаются севернее — на Каме. И еще — чижи гнездятся на высоких деревьях, на ели, березе, сосне, не ниже десяти метров. В сентябре выводки чижей соединяются вместе и откочевывают в центральные и южные области нашей страны. Эти сентябрьские кочевки напоминают перелеты. Обратное движение чижей происходит в феврале.

Ты много делаешь по изучению птичьих гнезд, но хочу предупредить тебя и других ребят. **Надо быть очень осторожными с гнездами птиц.** От частого посещения человека птица обычно бросает гнездо, а некоторые виды птиц бросают гнездо сразу, как только его обнаружили.

Летучие мыши, безусловно, должны быть на вашем участке. Они вылетают на охоту в сумерки, а некоторые — ночью. Летают бесшумно. Любят охотиться над водоемами. Но не водятся там, где для них нет убежищ — дуплистых деревьев, пещер, чердаков, башен.

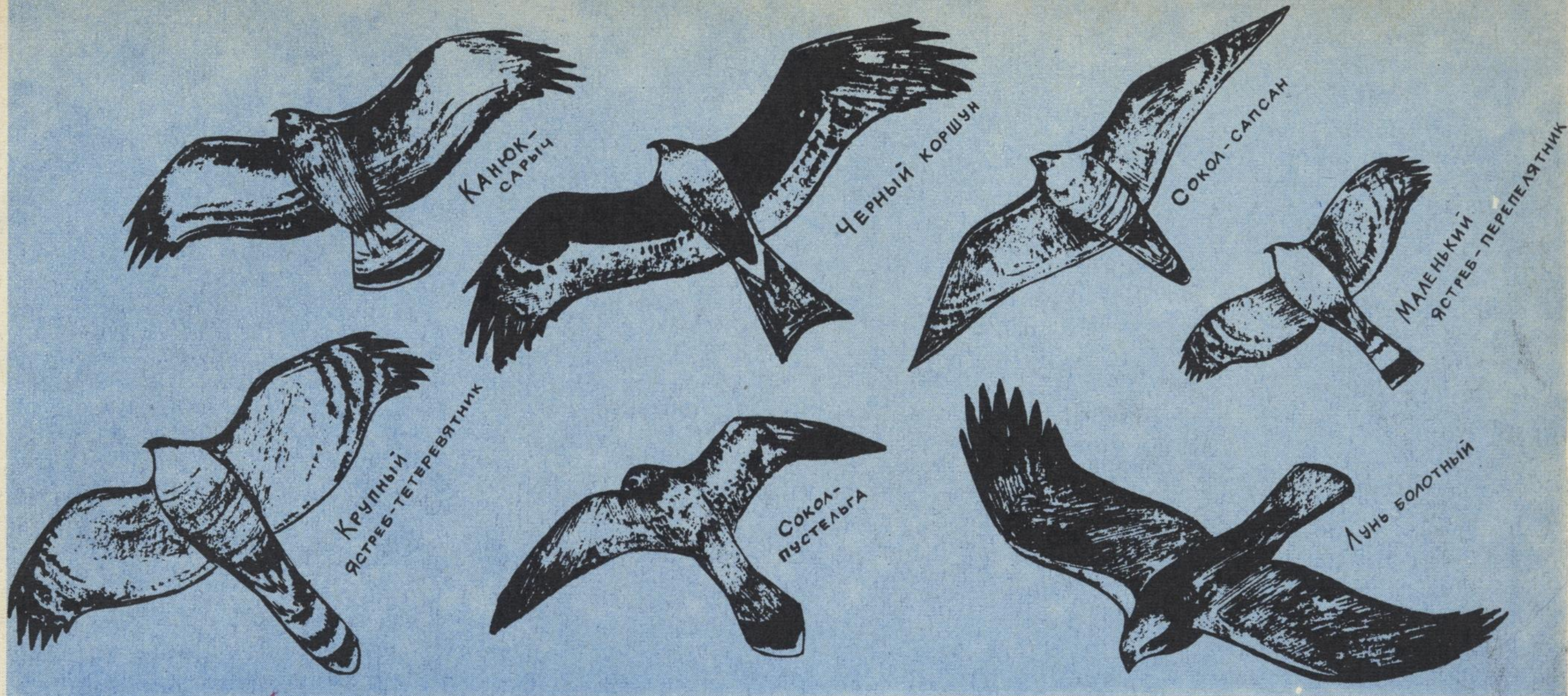
Постарайся привлечь летучих мышей на свой участок. Дуплянки для них делают двух видов: с круглым летком (5 сантиметров в диаметре), причем леток должен быть в нижней части дуплянки, тогда она похожа на перевернутый домик для птиц.

Второй вид дуплянки — с продольной щелью и продольными перегородками внутри. Об этом можно прочитать в книге А. П. Кузякина «Летучие мыши».

Что касается **молодого кленового леса** — обязательно узнай, кто и когда его посеял. Обычно за молодыми посадками наблюдают специалисты. Расстояние между деревцами должно меняться в зависимости от их возраста. Не надо самому разреживать посадки. Это сделают те, кто сеял лес, а кроме того, сами деревья производят изреживание.

Пиши нам о своих планах и делах. Желаю тебе успехов!

Т. А. АДЛЬФ, зоолог,
кандидат биологических наук

Как же их не беречь!

Вид хищной птицы можно безошибочно определить по ее контуру в полете. Только у коршунов хвост вильчатый, с вырезкой в середине, и только **черный коршун** водится в РСФСР. **Коршун** всеяден, ловит мышей, а бывает, и птенцов, крупных насекомых. Он санитар: с воды берет снулую рыбу.

В твоём письме упомянут **сокол-сапсан**. Вот это ценная находка! Сейчас в Европе и Северной Америке значительно уменьшилась численность сапсанов. Местами они исчезли совсем. Определить соколов в полете нетрудно: они не парят, их полет быстр, крылья у них острые, у некоторых видов довольно длинный хвост. Когда сокол бьет в воздухе когтем свою добычу, он развивает скорость до 180 километров в час.

Среди соколов есть очень полезные виды — это **мелкие соколки** (с голубя и меньше): **пустельги** и **кобчик**. Рыженькую пустельгу легко узнать в полете. Она то быстро летит над полем, то вдруг останавливается (заметила добычу!), трепещет крыльями, словно подвешенная на невидимой нити. Падение — и вот уже в ее когтях серенький грызун. Кобчики — совсем маленькие соколки, они тоже ловят грызунов, но предпочитают им крупных насекомых.

Чтобы поддержать твоё предложение о страничке хищных птиц в Красной тетрадке, хочу продолжить наш разговор.

На таблице — наиболее распространенные хищные птицы нашей страны. Наверное, тебе и другим ребятам интересно узнать о них, чтобы помогать в их охране.

Коршуны — самые обычные наши хищные птицы, встречаются чаще других.

Нередки и **канюки**. **Мохноногий** — на севере, **сарыч** — по всей лесной зоне, **канюк-курганник** — в степях. Как и коршуны, они средних размеров, а в парении их легко отличить по хвосту (он веером без вырезки). Все канюки — мышееды и поэтому очень полезны.

В степной зоне можно увидеть и **крупного степного орла** с широкими крыльями и веерным хвостом. Вся жизнь степных орлов связана с сусликами. Орлы прилетают с юга весной, когда просыпаются суслики, и улетают, когда они впадают в спячку. С высоты орлы только высматривают колонии сусликов, а охотятся пешком. Орел сидит совершенно неподвижно среди норок. Чуть отойдет суслик подальше от норки, орел бежит ему наперерез и хватает его своей когтистой лапой. За лето каждый орел ловит около тысячи сусликов. Как же не беречь этих замечательных птиц!

Сейчас степные орлы находятся под охраной закона, а раньше их и стреляли и разоряли их гнезда на земле.

Еще одна группа полезных птиц-мышеедов — **луни**. Слышал поговорку «седой, как лунь»? Самцы этой птицы действительно «седые» — серебристо-белые. И чем птица старше, тем светлее. Полевой лунь летает низко над землей, высматривает полевков. При случае схватит и зазевавшегося жаворонка или перепела.

В Европе почти исчезла птица-рыболов **скопа**. Когда она в полете, заметны большие белые пятна у основания крыльев. Скопа заметно крупнее канюка. Увидеть ее можно около большой реки или озера.

Среди хищных птиц широко известны **ястребы**. Это лесные птицы и на глаза человеку попадают нечасто. Ястреб не парит, у него короткие крылья, но

в полете он быстр и поворотлив. **Крупный**, с курицу размером, **тетеревятник** — гроза рябчиков, тетеревов, куропаток. **Маленький ястреб** — **перепелятник**, кроме перепелов, ловит всяких мелких птиц, более всего дроздов, воробьев.

Раньше считали, что ястребы и болотный лунь — вредные птицы для охотничьего хозяйства, и истребляли их. Но оказалось, что хищники отлавливают в первую очередь слабых, больных птиц. И там, где нет ястребов, среди дичи начинаются поваральные болезни. Так случилось в Норвегии с белыми куропатками, когда отстреляли всех ястребов. Так получилось в Голландии. Пришлось голландским охотничьим организациям купить 20 молодых ястребов-тетеревятников в Федеративной Республике Германии. Была объявлена награда тому землевладельцу, на земле которого ястребы начнут гнездиться и дадут потомство.

С 1964 года в РСФСР все дневные хищные птицы и совы находятся под охраной закона.

Ну, а что делать, если тетеревятник повадится летать в село и что ни день станет уносить курицу или цыпленка? Такого, конечно, придется отстрелять. Но это сравнительно редкий случай.

Видите, не так уж много хищных птиц, которые могут оказаться вредными в хозяйстве человека! Большинство из них помогают человеку бороться с грызунами.

Птиц-мышеедов (дневных хищников и ночных — сов) можно привлечь на поля. Впервые это было сделано в нашей стране, в Западной Сибири. Для этого на поле расставляют шесты с перекладиной или сооружают полуметровой высоты столбы из дерна. Хищники садятся на них и высматривают добычу. Практически они способны полностью очистить поле от этих нахлебников.

В степной зоне у нас кобчики и пустельги охотно гнездятся в старых сорочьих гнездах. Сохранение этих гнезд помогает сохранить и соколов.

В других местах можно соорудить на деревьях каркас из палок и проволоки. Хищные птицы охотно строят гнезда на такой искусственной основе.

К. Н. БЛАГОСКЛОНОВ,
орнитолог, кандидат
биологических наук, доцент
МГУ.

ЗАДАНИЕ УЧЕНЫХ

Хищные птицы — защитники полей

На рисунках присадочные шесты для хищных птиц.

Такие шесты особенно нужны осенью, после уборки урожая.

Хищные птицы, летящие на юг, надолго могут задержаться, если для них будет много пищи — грызунов. Помогите им — соорудите шесты, и птицам будет удобно выслеживать грызунов с такого наблюдательного пункта.

Очень важно ставить шесты не на самом поле и не рядом с ним. О колья можно поломать сельскохозяйственные машины при работе на полях. На самом поле лучше ставить временные треноги из тонких жердей (2—3 метра длиной). Вверху связать их проволокой.

Часто по краям полей остаются валы после расчистки бульдозером от кустарника. Именно здесь зимуют и собираются летом полевые мыши, обыкновенные полевки и другие грызуны. Тут-то больше всего и нужен контроль хищников.

В безлесных местах устанавливать шесты лучше всего у бровки оврага. Расстояние между шестами — 50 метров.

Наблюдать надо не только за птицами, которые будут вести охоту с шестов, но время от времени осматривать землю под ним. Если ваш опыт удался, под шестом обязательно появятся овальные комочки из мышиной шерсти и костей — непереваренные остатки пищи хищника, погадки. Собирать погадки не нужно, а сосчитать стоит.

Обязательно сообщите нам, как у вас прошел этот опыт.

ВСЕМИ ВСЕМИ ВСЕМИ

Пишите нам о своих летних делах! Вслед за Витей Чернявским открывайте новые страницы Красной тетрадки!

Лесное справочное бюро «АУ»

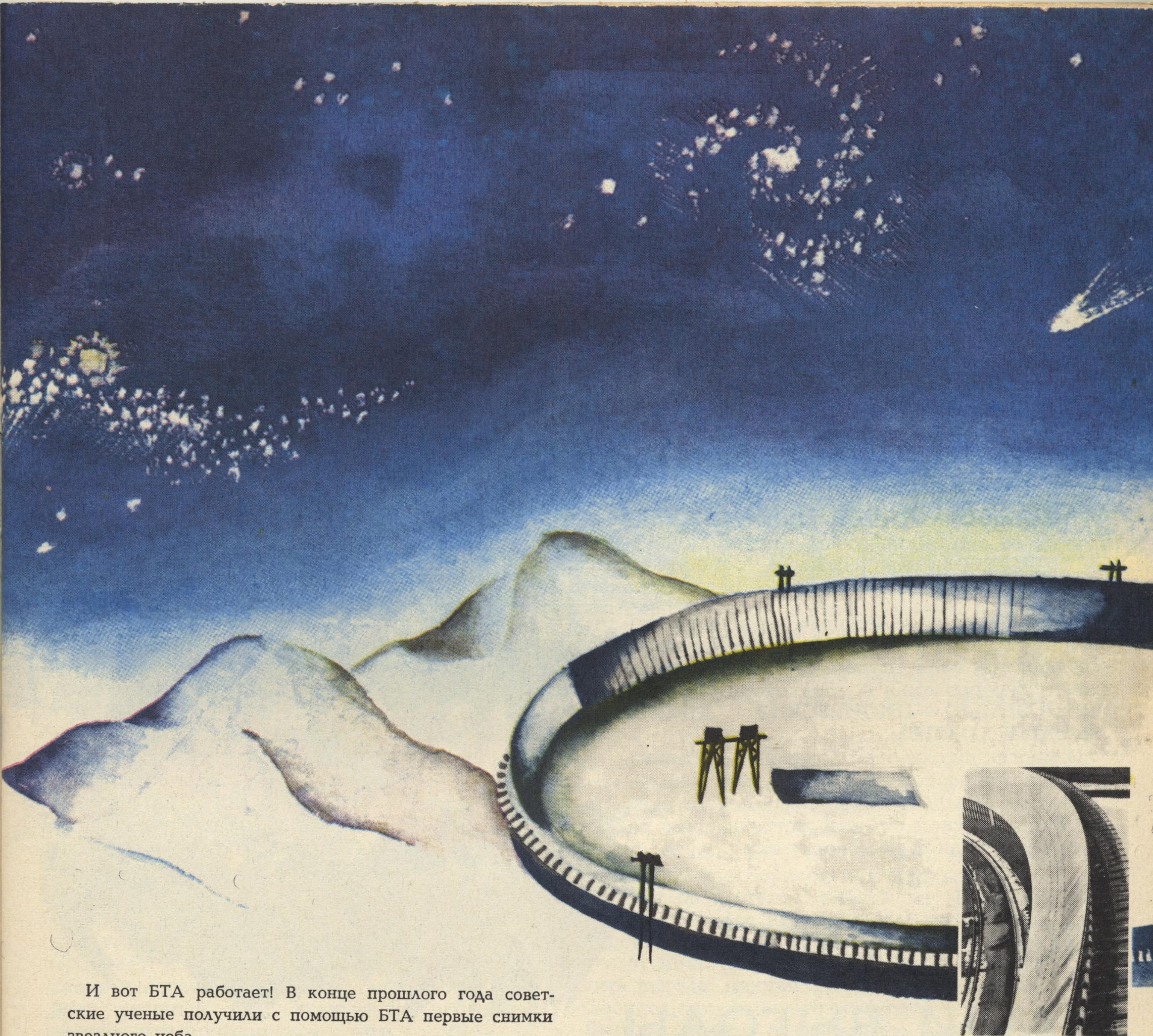

РАВНЫХ ИМ НЕТ

Большой азимутальный телескоп (БТА) — грандиозное сооружение! Пристально смотрит в звездное небо труба телескопа весом почти в триста тонн. Смотрит и поворачивается вслед за движением звезд и планет. С большой точностью это движение регулирует другая машина — подвижная часть телескопа. Специальная цифровая управляющая машина наводит телескоп на нужную звезду и следит за ее передвижением по небу.

Главное зеркало БТА не имеет себе равных в мире. Диаметр его — шесть метров, вес — сорок две тонны.

Представляешь, как трудно было изготовить такое зеркало! А для доставки его на место постоянного жительства — в горы Северного Кавказа, неподалеку от станции Зеленчукская, — пришлось изготовить специальный автотягач: ни в вертолете, ни в вагоне зеркало не помещалось... Несколько лет назад, когда зеркало с величайшей осторожностью доставляли на Кавказ, «Пионер» подробно рассказывал об этом удивительном путешествии (№ 3 за 1973 год).

И вот БТА работает! В конце прошлого года советские ученые получили с помощью БТА первые снимки звездного неба.

В своем поздравлении специалистам, принимавшим участие в изготовлении БТА, Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев писал:

«Создание уникального телескопа — крупное достижение отечественной науки и техники. Перед советскими учеными открылись возможности еще шире развернуть научный поиск, более глубоко проникнуть в тайны Вселенной, внести новый вклад в сокровищницу познаний человечества».

Там же, на Северном Кавказе, строится сейчас еще одно замечательное сооружение — радиотелескоп «Ратан-600».

Почему же пришлось строить второй телескоп, если есть БТА?

БТА — оптический телескоп, его зеркало улавливает только световые лучи. А звезды посылают в пространство не только свет, но и огромное количество других излучений — радиоволны, рентгеновские, инфракрасные лучи и т. д. Радиоволны улавливаются специальными приборами — радиотелескопами. В отличие от своих оптических собратьев радиотелескопы помогают ученым обнаружить такие небесные объекты, которые не излучают света и поэтому не видны на небе.

Посмотрите на рисунок. Новый радиотелескоп похож на стадион диаметром в шестьсот метров. Вот откуда цифра «600» в его названии.

Подобно трибунам стадиона, по окружности радиотелескопа расположены его антенны. Их восемьсот девяносто пять — алюминиевых рефлекторов-зеркал. Каждое величиной в полтора десятка квадратных метров.

По своим размерам и чувствительности «Ратан-600» в несколько раз превосходит самые крупные радиотелескопы на Земле. Его антенны делятся на четыре сектора, и два из них уже работают. Они принимают так называемое реликтовое излучение, все еще идущее к нам от тех Галактик, которые существовали в далеком прошлом. Вот какие поразительные возможности для изучения истории Вселенной открывает новый радиотелескоп!

...Выросли в районе станицы Зеленчукской два астрономических сооружения, равных которым нет в мире. Гигантские телескопы ловят идущие от далеких миров излучения, помогают астрономам раскрывать загадки мироздания.

С. ЗИГУНЕНКО

Рисунок Ю. ПОЖАРСКОЙ.

**НЕЧЕРНОЗЕМЬЮ —
ПИОНЕРСКИЕ ШКОЛЫ
УМЕЛЫХ ХОЗЯЕВ!**

В этом номере «Пионера» производственная пионерская бригада из села Карабиха, Ярославской области, обратилась ко всем ребятам Нечерноземья с предложением: **«НЕЧЕРНОЗЕМЬЮ — ПИОНЕРСКИЕ ШКОЛЫ УМЕЛЫХ ХОЗЯЕВ!»**

И многие школы это обращение поддержали. Наш корреспондент И. Голубева побывала в селе Панфиловском, Муромского района, Владимирской области, встретила с ребятами. Вот какой разговор у них получился.

ПОСЧИТАЕМ НАШИ ВЫГОДЫ...

Ребята, с которыми шел разговор, не новички в пионерской производственной бригаде. Каждый проработал в ней уже по три года. Инна Лобанова, Вася Меркутов, Володя Сосунов, Таня Красовитова, Таня Фоницева, Люда Пьянова сказали, что за свои советы отвечать могут.

Каждое дело, говорят они, должно строиться так, чтобы, работая, человек учился. Учился хозяйствовать. Это и есть учеба в Школе Умелых Хозяев.

Что же это значит? Начнем сначала. Пять лет бригада ставила на своем участке опыт, в результатах которого был заинтересован колхоз «Панфиловский», — опыт с луком. Возвращаясь к прошлому, ребята вспоминают, о чем они думали прежде всего... Как все организовать? Кажется, просто: вышли все вместе и за лопату! Энтузиазма много, а толку мало. Нет, работа начинается до того, как

они вооружились лопатами и лейками. До того, как выйдешь в поле, надо все обдумать и распределить.

У звена, в котором тридцать человек, — свой участок. Всем тридцати сразу выходить на поле нет смысла. Во-первых, будут толкаться и мешать друг другу. Во-вторых, лето в разгаре: кому-то к бабушке надо уехать в соседнюю деревню, кому-то на экскурсию в Москву, кто-то в пионерский лагерь собрался — лето есть лето, все надо успеть. А лук как же? Лук — огородное растение. За ним каждый день уход нужен. Они сделали так: разделились на группы по шесть человек. Каждая работает по две недели. Первая

Рисунки
Ю. БОНДАРЕНКО,

группа приготовила почву, высадила лук, через две недели передала свой участок из рук в руки следующей группе. Все лето участок под присмотром. И это **первая выгода**.

Каждую работу можно делать так, что сил, времени, денег уйдет меньше, а результаты будут лучше. Так говорили ребята из Карабихской школы. А как работают в Панфиловской? Вот взялась очередная группа вносить азотные удобрения в почву, от которых лук растет лучше. (В этом и состоит смысл опыта. Азотные удобрения увеличивают урожай на десять — двенадцать центнеров с гектара.) Распределили, кто чем занимается. Два человека идут впереди вдоль ряда и маленькими лопатками копают ямки, двое следом засыпают в эти ямки удобрения, двое за ними ямки закапывают.

Или такая трудная работа, как пропалывание. Для кого-то одуванчики — цветы, а на поле — это враг, крепко уцепившийся за землю длинными корнями. И опять: двое идут впереди — землю рыхлят, двое одуванчики выдергивают, двое складывают их в корзины и уносят (оставлять нельзя, опять прорастут.) И так можно упростить и облегчить все. Только нужно, чтобы прежде эти шесть человек собрались и решили, как они примутся за дело. И вот **вторая выгода**: работа сделана быстро и, что особенно важно, тщательно. Лук — растение нежное, привередливое. Каждую луковицу надо обработать отдельно маленькими лопатками.

Если делать все точно так, как делали до тебя, то, пожалуй, это скучно. Всегда можно придумать что-то свое, и станет интереснее. Собирает звено огурцы. Чего проще: рви да клади в корзинку. Но представишь, что впереди длинный ряд, усыпанный огурцами, знаешь, что провозишься с ним до обеда, да еще солнышко припекает, какая уж тут творческая работа. Они решили соревноваться: кто быстрее уберет свой ряд? Но, если поторопился и оставил хоть несколько огурцов, победителем не будешь. Нужна не только скорость, но и качество. Результаты такие: то, что раньше заканчивали только к обеду, теперь — к одиннадцати часам утра уже сделано. Это и есть **третья выгода**.

Чтобы из дела вышел толк, надо его как следует изучить. Именно поэтому ребята вместе с преподавателем биологии Лидией Кирилловной Сосуновой и главным агрономом колхоза Зоей Ивановной Коротовой изучают особенности почвы, свойства удобрений, сорта овощей. Как взрыхлить, как посадить, как полить и удобрить. Это не так просто, как может показаться, и это надо знать. Занимаются они всю зиму и весну. И вот она **четвертая выгода**. Оттого что взялись за дело, зная его, были настойчивы и терпеливы, работу распределили правильно, все заранее рассчитали, опыт удался. В это лето колхоз «Пан-

филовский» сажает лук по способу, который ребята проверили на своем опытном участке. Теперь уже точно ясно: азотные удобрения в данных условиях повышают урожай лука от ста двадцати семи центнеров с гектара до ста сорока.

Стремиться получить результаты опытов только для того, чтобы проверить свои силы и знание биологии, неразумно, считают они. Нужно, чтобы опыт принес пользу и другим людям. Вот поэтому они договариваются сначала с колхозом: что хозяйству сейчас больше всего нужно. Выращивает колхоз лук, — они взялись за опыт с луком. И теперь, когда пора браться за новое дело, они опять советуются с колхозниками. А колхоз «Панфиловский» и все колхозы района переходят на новый способ посадки картофеля — гребневой. Раньше картофель сажали в ложбинку между двумя земляными гребнями, а теперь решили наоборот — сажать его на гребень. Больше воздуха к корням попадет, больше питательных веществ они получают, больше будет клубней. Вот и решили ребята проверить этот «гребневой» способ на опытном участке производственной бригады. Колхоз ждет результатов, и это еще одна, **пятая выгода**.

Даже если все идет неплохо, нельзя жить только своими заботами и достижениями, говорят ребята. Больше пользы, когда знаешь, как живут и работают другие. «Мы не самая лучшая бригада в районе, — считают они. — Но мы знаем, какой опыт ставит на своем участке бригада Борисовской школы, как добиваются результатов ребята из Чаадаева. Мы интересуемся их работой и перенимаем лучшее из того, что они придумали и сделали. И сами никогда не отказываемся помочь». Опять **выгода, шестая**. Не нужно изобретать велосипед, который уже существует.

Выгоды можно подсчитывать без конца. Нужно ли это? «Нужно», — сказали в Панфиловской школе. Нехорошо, когда человек подсчитывает свои личные выгоды, от которых только ему хорошо, а другим, возможно, и плохо. А вот подсчет, от которого польза и школе, и колхозу, и стране, — нужен. Потому что он учит разумно хозяйствовать, экономить силы, время, государственные деньги и добиваться качественных результатов. Без этого невозможна учеба в Школе Умелых Хозяев, которая готовит к будущей взрослой работе.

Владислав КРАПИВИН,

лауреат премии
Ленинского комсомола

ПОВЕСТЬ

Рисунки **Е. МЕДВЕДЕВА.**

КОВЕР-САМОЛЕТ

Глава первая

Детство я провел в северном городке на берегу большой реки.

Городок был деревянный, с дощатыми тротуарами вдоль тесовых заборов, с хитрыми узо-

рами на древних, покосившихся воротах. За такими воротами скрывались просторные дворы. Они зарастали мягкой травой и одуванчиками, а по краям — непролазным репейником и крапивой.

На улицах стояли главным образом одноэтажные и двухэтажные деревянные дома. Были они, впрочем, совсем не деревенские — большие, с окнами двухметровой высоты.

*Моему маленькому
барабаничку Павлику*

Улицы выходили к речному обрыву. На обрыве поднимался каменный монастырь, построенный по приказу царя Петра. Это был не просто монастырь, а крепость с высокими стенами, с башнями, в которых темнели узкие прорезы бойниц.

Над стенами и башнями, над церковными куполами возносилась белая колокольня с черными круглыми часами. Часы были громадные — метра три в диаметре. Жаль только, что они стояли.

Остановились они давным-давно, в девятнадцатом году, когда был бой между красными и белыми. Говорят, что на верхнем ярусе колокольни засел белогвардейский пулеметчик и держал под обстрелом полгорода. Никак его не могли выбить. Наконец из-за Каменного мыса выполз буксирный пароход, переделанный в канонерскую лодку «Мировая революция». С «Мировой революции» по колокольне шарахнула трехдюймовка.

Что там стало с пулеметчиком, никто не знает. А часы остановились, прощально позвенев колоколами. Их потом и не пытались чинить.

Да о ремонте никто и не думал, были дела поважнее: строили судовой верфь и новый порт. Потом началась война, а после войны хватало других забот.

Вот так и получилось, что целых сорок лет на большущем циферблате, который висел над городом, как черная луна, стрелки показывали без пяти минут час.

Но даже и с такими часами колокольня, похожая на маяк, была красива и знаменита. Особенно любили ее капитаны. Все теплоходы, которые шли вниз по реке, держали от Каменного мыса курс на колокольню. Она была на всех лоцманских картах.

Теплоходы проходили часто. Я и Виталька засыпали и просыпались под их протяжные, немного печальные гудки.

Мы с Виталькой жили вместе. По крайней мере летом. С тех пор, как подружились. А подружились мы целую вечность назад — за два года до случая с ковром. Мне тогда не было и восьми лет, а Виталькины годы едва подтягивали к девяти.

Он спас меня тогда. Это целая история, которая началась печально, а кончилась хорошо.

Когда меня еще не было на свете, мой отец воевал с фашистами. Он вернулся живой, но с пробитыми легкими. Сначала болезнь его не очень мучила. Он стал работать учителем физики, женился. Затем родился я. Годы шли спокойно. А потом вдруг болезнь открылась, и врачи ничего не смогли сделать.

Почти три года мы с мамой прожили вдвоем. А когда я кончал первый класс, у нас дома появился дядя Сева. Всеволод Сергеевич. С пятилетней Ленкой.

Он работал в управлении речного порта и носил фуражку с якорем.

Но ни эта фуражка, ни сам он мне не понравились. А тут еще Ленка! Сразу прилепилась к

моей маме. Будто бы век была ее дочерью! И говорить стала «мама». Я каждый раз вздрагивал, словно мне за шиворот падал таракан. Мама однажды взяла меня за локти, поставила перед собой и тихо сказала:

— Олечка, Олечка... Она же маленькая. А свою маму она и не помнит. Разве ты не понимаешь, как плохо без мамы?

Я понимал. Это я прекрасно понимал! Поэтому я проглотил комок и кивнул.

Но хоть сто раз кивни, а ничего не поделаешь, если не проходит обида.

Ленку я не обижал. Иногда приходил даже в детский сад за ней. А один раз показал, как делают из бумаги двухтрубные паровозики. Но когда Ленка без спросу взяла моего фарфорового котенка и нечаянно грохнула о половицы, я не выдержал. Молча давясь слезами, я собрал осколки в газету (может, потом склею) и достал из-под дивана заброшенный школьный ранец.

Кроме осколков котенка, я уложил в ранец свитер, книжку «Снежная королева», бутылку с водой, полбуханки хлеба, нарезанную ломтиками колбасу, спички и папику медаль «За победу» на черно-оранжевой ленточке. Потом вытащил из шкафа школьную форму — штаны с аккуратной заплаткой на левом колене, гимнастерку с пуговицами, похожими на военные, только без звездочек, и ремень с латунной пряжкой. Без теплой одежды в дальней дороге пропадешь.

— Ты в школу пойдешь? — подавленно спросила Ленка.

— Дура, — мстительно сказал я. — Кто это ходит в школу, когда каникулы?

Я вытер глаза, щелкнул пряжкой и сунул ноги в мамины резиновые сапоги.

Я решил пойти за реку, в дальние леса. Там среди корней старого дерева я вырою землянку. Буду спать на подстилке из пахучей лесной травы, охотиться на зайцев, а по вечерам сидеть у маленького уютного костра, беседовать с верной собакой и читать ей сказку про снежную королеву.

Целый квартал я шагал довольно бодро. Потом решительность моя пропала. В глубине души я прекрасно понимал, что едва ли сумею выкопать настоящую землянку, годную не только для летней жизни, но и для зимовки. Чувствовал, что одному у ночного костра будет жутко. А кроме того, мне ужасно жаль убивать симпатичных добрых зайцев, про которых я знал целую кучу сказок.

Но больше всего (чего уж скрывать-то!) мне жаль было покидать маму.

Верная собака Джулька (не моя, а общая, уличная) предательски бросила меня, как только я скормил ей последний ломтик колбасы. Я растерянно остановился на перекрестке. Как же быть, в самом деле?

Я был бы просто счастлив, если бы сейчас меня увидела мама и дядя Сева: они как раз должны были возвращаться из кино. А прийти домой сам я не мог. Такой позор, такое поражение.

Но мамы и дяди Севы не было. Оставалось лечь в канаву рядом с тротуаром и умереть от горя. Однако умирать здесь было неудобно. Во-первых, меня увидели бы прохожие, во-вторых, несмотря на вечернее время, стояла жара, и я совсем измучился в своем походном снаряжении. Попробуйте лежать, дожидаясь смерти, когда такая духота! Долго пролежите?

Ничего не оставалось, как продолжать путь. И я побрел.

— Э, Олег! Ты куда?

Это был Виталька. Он катил по краю тротуара обруч от бочки.

Мы были знакомы, но никогда не дружили. Просто иногда играли в одной компании. Я даже не знал, где он живет.

Но случилось так, что именно он встретился на моем горьком пути.

— В лагерь? — спросил он.

Я чувствовал, что, если начну говорить, разревусь. И покачал головой.

Виталька перестал смеяться. Уже другим голосом поинтересовался:

— В лес?

Я кивнул.

Виталька стал серьезным. Надел зачем-то через плечо обруч, осмотрел меня от сапог до ранца, торчавшего над плечами, и тихо спросил:

— Насовсем?

Он был мудрый человек, даже в те годы. Он сказал:

— Чего тебе в лесу делать одному? Айда ко мне.

Если бы я не боялся говорить, я заспорил бы. Ну чего я пойду к нему, к почти незнакомому? Ему, наверно, влетит, скажут: что за бродягу привел с улицы?

Но разговаривать я не мог, а молча стоять было глупо. И я, понурившись, зашагал рядом с Виталькой.

Он привел меня в старый дом. Из прихожей по скрипучей лесенке мы поднялись в невысокую комнатку, похожую на чердак.

Виталька стащил с меня ранец и сказал:

— Гляди-ка, ты весь мокрый. Вылезай из своей шкуры и айда умываться.

Я с облегчением выбрался из походных доспехов. Виталька дал мне вместо сапог свои старые тапочки и повел вниз, к умывальнику. Умывальник оказался в точности такой же, как у нас: голубой, эмалированный, с длинным болтиком внизу вместо крана. Надавишь болтик снизу — и в руки бьет струйка. Такой знакомый, просто родной был умывальник, что я поспешил уткнуть лицо в ладошки с водой.

Когда умылся, стало легче. «Может, все еще наладится в жизни?» — подумал я. Виталька, видно, почуял, что я ожил. Он припечатал свою мокрую ладонь к моей спине в круглом вырезе майки и бодро сказал:

— Топаем!

Мы «протопали» в комнату с хрустальной люстрой. Люстра горела, хотя вечер за окнами был совсем светлый. Только это стеклянное сверкание я и заметил в первый момент.

— Тетя Валя, это Олег. Ты нас покорми. Ладно? — сказал Виталька.

И я увидел тетю Валю.

— Здравствуйте... — перепуганно пискнул я.

Тетя Валя смотрела на нас поверх очков. Она была высокая, горбоносая, в синем платье с воротничком, стоячим, как у офицерского кителя. Волосы у нее были местами темные, а местами седые. Гладкие, собранные сзади в тугую валик.

Таких дам, худых и строгих, я видел в английском фильме про мальчишку по имени Давид Копперфильд, когда мы ходили с мамой в клуб речников.

В ответ на мое «здрассе» она кивнула, а Витальке сказала:

— Покормить? Гм... А руки мыли?

Виталька вытянул вперед растопыренные ладошки и повертел ими. А я не решился. Тогда он взял мои руки и тоже протянул тете Вале.

— Ничего не поделаешь, — сказала она. — Ступайте на кухню.

Потом мы ели сосиски с горячей картошкой и пили холодное молоко. Я помнил мамины уроки, как держать себя в гостях, и сидел прямо, локти на стол не ставил, старался аккуратно орудовать ножом и вилкой.

А Виталька болтал ногами и шумно втягивал в себя молоко.

— Ты поучился бы у мальчика вести себя за столом, — заметила тетя Валя.

— Он просто стесняется, потому что первый раз, — бесстрашно возразил Виталька. (Увы, будущее показало, что он был прав.)

— Ты издалека? — обратилась ко мне тетя Валя.

— Да что ты! — торопливо вмешался Виталька. — Он с нашей улицы, из дома номер четырнадцать, где собака Джулька. Знаешь?

Я ожидал, что тетя Валя возмутится: с чего это она должна помнить всяких Джулек? Но она кивнула.

— Он у нас переночует, — как-то очень уж обыкновенно сказал Виталька.

Тетя Валя слегка подняла брови. «Сейчас начнется», — с замиранием подумал я и приготовился к расспросам. Тетя Валя глянула на Витальку, опустила брови и сказала:

— Унеси наверх вторую подушку.

...Мы улеглись на Виталькином топчане. Было тесновато, но ничего...

— Рассказывай, — велел Виталька.

Я не стал притворяться и спрашивать: «А чего рассказывать?» От разговора все равно не уйдешь.

Сперва я рассказывал просто так, а потом, конечно, разревелся. Виталька не успокаивал, только переспрашивал иногда, если я замолкал. Выслушал все и мудро сказал:

— Ну, ладно. Это бывает...

«Да, бывает! — подумал я. — А как же там дома?» — И отбросил одеяло.

— Ты куда?

— Мама ищет, наверно...

Виталька натянул на меня одеяло.

— Мама знает. Тетя Валя сходила и сказала. Завтра пойдешь.

Я почувствовал, что измучился до полусмерти. Благодарно уткнулся носом в острое Виталькино плечо и тут же уснул.

Рано-рано я проснулся, оставил спящего Витальку, осторожно спустился в прихожую и отодвинул на двери щеколду.

Ух как мчался я домой!

Мама не спала. Ждала меня у калитки. Она взяла меня за плечи, и ладошки у нее были сухие и горячие.

Я глупо улыбнулся и стал смотреть на свои ноги в Виталькиных тапочках.

— Олечка, — сказала мама. — Давай договоримся. Не отправляйся больше в дальние экспедиции без предупреждения. Ладно?

— Угу... — сипло сказал я и ткнулся лицом в мамину кофточку.

В тот же день я побежал к Витальке. Наверно, он ждал меня. Сидел на крыльце под узорным навесом и нетерпеливо смотрел, как я подхожу.

— За вещами пришел? — спросил он.

— Да нет. Я так... Можно?

Он заулыбался и сразу стал не старшим, а таким же, как я.

— Полезли ко мне на вышку!

...Вечером мы уговорили маму, чтобы я опять ночевал у Витальки.

— У него подзорная труба есть, мы будем на луну смотреть, — умоляюще говорил я и даже пританцовывал.

— И солдатики у нас недоделаны, — вторил Виталька.

Мама почему-то вздохнула и согласилась.

...Вещи мои так и остались у Витальки. Даже мамины сапоги. Даже папина медаль. И ружье и кинжал. И котенок. Его склеил Андрей Николаевич, Виталькин отец, когда вернулся из рейса. А потом он сколотил второй топчан — напротив Виталькиного. Натянул мне на уши свою фуражку (такую же, как у дяди Севы) и сказал:

— Живите, люди...

Глава вторая

Андрей Николаевич Городецкий был капитаном грузового теплохода «Тобольск» и плавал по рекам от нашего города до самого моря. А иногда и по морю. Вместе с ним плавала и Виталькина мама — не то поваром, не то буфетчицей. Они отправлялись в плавание на месяц и больше, потом появлялись дома на несколько дней и снова уходили в рейс. И так от весны до ледостава. Виталька и тетя Валя в это время жили вдвоем. (А потом прибавился я.)

Жили в просторном старом доме. Его еще в годы своей молодости купил тети-Валин дед. Тетя Валя рассказывала, что дед вовсе не хотел связываться с покупкой, но его назначили директором гимназии, а директору было неприлично жить в казенной квартире: в маленьком городке он считался очень важным лицом. Потом деда прогнали из директоров, потому что в доме его стали собираться польские повстанцы, посланные царем на север. А дом до самой революции все равно назывался «директорским». Власти считали его «опасным гнездом».

В доме было много старинных вещей. Часы с кукушкой. Кукушка — большая, в настоящих перьях — каждые полчаса не выпрыгивала, а вываливалась из окошечка, повисала на тонкой пружине и хрипло орала не то «ку-ку», не то «ква-ква». От этого нечеловечьего крика мы с Виталькой иногда просыпались по ночам. А тетя Валя не просыпалась, хотя спала в комнате с часами. У нее был очень крепкий сон. Это, кстати, часто спасало нас от неприятностей.

На кухне царствовал большущий самовар с медалями, выбитыми на медном брюхе. Андрей Николаевич, когда бывал дома, любил «раскочегарить эту систему», и тогда всем делалось весело, и мы до самой ночи сидели у стола, а самовар шипел, пыхтел и притворялся сердитым.

А граммофон с большущей трубой был совсем безработный, и мы его жалели. Когда тети Вали не было дома, мы ставили граммофон на пол, отцепляли трубу, закручивали до отказа пружину и по очереди садились на оклеенный малиновым бархатом диск. Граммофон раскручивал нас. Вначале медленно, потом быстрее, быстрее...

Виталька, вставая, всегда деловито щупал сзади штаны: не провертел ли дырку штырек для пластинок? И говорил:

— Ну, тренировочка! Будто у летчиков-испытателей!

Сейчас бы любой мальчишка сказал: «Как у космонавтов». Но тогда космонавтов еще не знали. Мы с Виталькой познакомились за три месяца до запуска первого спутника.

Тетя Валя, по-моему, догадывалась о наших проделках с граммофоном. Она вообще о многом догадывалась и многое прощала, потому что лишь на вид была строгой.

Кстати, Витальке она приходилась не тетей, а двоюродной бабушкой. Виталькин отец был ее племянником. Он рано стал сиротой, и тетя Валя его воспитала. А сейчас воспитывала Витальку и заодно меня, потому что в летние месяцы я пропадал у них днем и ночью.

Впрочем, как воспитывала?

Если уж мы очень ей надоедали возней и проделками, она говорила:

— Виталий и Олег! Вы совершенно невозможные люди.

Это означало, что тетя Валя сердится всерьез. Пора, значит, притихнуть и обдумать свое поведение. А если мы все-таки не притихали, тетя Валя заявляла:

— Я выставлю вас из дома, и ночуйте на дворе, пока не станете приличными людьми.

Но ни разу в жизни она не намекнула мне, что ее дом — это вовсе не мой дом и что я не должен про это забывать. И я, по правде говоря, забывал.

Мама тревожилась и огорчалась. Ей казалось, что я убегаю из дома из-за дяди Севы и Ленки. Но теперь уже не в этом было дело. Мы с Виталькой просто не могли друг без друга. Не могли, вот и все.

Мама наконец поняла это. Но ее беспокоило и другое. Плохим аппетитом я не страдал, а обедал, завтракал и ужинал у тети Вали чаще, чем дома.

— Как она кормит вас на свою пенсию? — волновалась мама.

Мое сообщение, что, кроме пенсии, есть зарплата Виталькиных родителей, ее не успокоило. Я узнал потом, что мама пыталась даже предложить тете Вале деньги за мое «содержание», а тетя Валя с улыбкой, но твердо сказала:

— Оставим это.

Тетя Валя вообще была немногословна. Если жизнь текла без особых происшествий, мы знали заранее, какие фразы когда от тети Вали услышим. Утром она стучала шваброй в потолок и сообщала:

— Граждане! Солнце встало! Вставайте и вы!

Перед завтраком она обязательно спрашивала:

— Надеюсь, вы умылись хотя бы символически?

А вечером, когда мы возвращались с улицы после многотрудного дня, она неизменно говорила:

— Боже мой, на кого вы похожи!

На кого мы были похожи? Ну, на своих мам и пап, конечно (хотя своего папу я теперь видел только на снимках). Немножко друг на друга. На всех обыкновенных мальчишек. И больше всего — на самих себя.

Виталька был повыше меня, белобрысый, вечно не стриженные на шее волосы косичкой. Глаза у него были длинные, серо-зеленые, рот большой и толстогубый, а нос тонкий, с чуть заметной горбинкой. На горбинке сидели пять желтых веснушек. Эти глаза, губы, нос, если смотреть на них отдельно, как-то не подходили друг для друга. Но когда все вместе — как раз и получался Виталька.

Себя я почти не помню. С той поры у меня сохранилась только одна фотокарточка. Я на ней с мамой, дядей Севой и Ленкой. Причесанный, лупоглазый и удивительно примерный. Виталька говорил, что совсем на себя не похожий, только оттопыренные уши похожи. А в зеркало я почти не смотрел.

Правда, одно зеркало все время попадалось на пути: оно стояло в прихожей, там, где началась лестница. Мутное, пятнистое. Высокое — от пола до потолка. Когда я брал разбег, чтоб взлететь по ступенькам, в зеркале этом,

как в узкой темной двери, проскакивал рядом со мной щуплый, тонконогий пацаненок с облезшими от загара плечами.

Но я ни разу толком не разглядел себя: некогда было. Я спешил наверх — в нашу каюту, в наш с Виталькой штаб, в нашу крепость, наше царство. В наш мезонин, который мы с Виталькой называли вышкой.

Кстати, знаете, что такое мезонин? Это когда на дом как бы ставят еще один домик. Получается второй этаж, только поменьше.

Наш мезонин состоял всего из одной комнатки. Стены были обшиты некрашеными досками. Доски потрескались от старости, и в щелях жил разный мелкий народ: какие-то паучки, жуки, сверчки. Мы их не боялись и не обижали.

На стенах висело мое деревянное оружие и Виталькины картины. Не все, конечно, а самые лучшие. Мне особенно нравились «Летучий голландец» и «Восстание гладиаторов».

«Летучий голландец» — это темный, таинственный фрегат с изодранными парусами. В дыру на парусе проглядывает острый угол месяца. На корме слабо горит желтый огонек.

А «Гладиаторы» были еще лучше. Они восстали прямо на арене римского цирка и теперь гнали по мраморным лестницам богачей в длинных одеждах. А еще на стене висели карманные большущие часы тети-Валиного деда. Это была серебряная «луковица» старинной французской фирмы. Тетя Валя дала их нам, чтобы мы научились ценить минуты. Но трогать их она не разрешала и заводила сама.

В комнате было два окна: одно на юг, другое на север. В южное окно целые дни светило веселое солнце, а в северном окошке по вечерам висела посреди светлого неба большая звезда, названия которой мы не знали. С восточного края в это окно иногда заглядывала розовая ноздреватая луна.

Мы разглядывали луну в маленький медный телескоп, который тоже достался тете Вале от деда. Раньше, давным-давно, в такие телескопы наблюдали планеты гимназисты.

Несмотря на древний возраст, телескоп работал исправно. Луна в нем казалась громадным румяным караваем. Близким-близким. Хоть рукой трогай. И у нас замирало дыхание.

...Чужой, до ужаса таинственный мир рывком приближается вплотную. Выпуклая пустыня в каменных кольцах и воронках...

Что там? Кто там? Узнаем ли когда-нибудь?

Мы с Виталькой твердо верим, что полеты в космос начнутся скоро. Может быть, завтра. Ведь уже несколько спутников кружат над Землей. Но тайна от этого не становится меньше.

— На Луне людей точно нет. А вот на Марсе... Если есть...

— Ну и что? — говорит Виталька.

— Если есть... Значит, мальчишки тоже есть?

— Ну?.. Наверно... Ну, конечно.

— А играют они в солдатиков?

Глава третья

Солдатики — это была наша любимая игра. Мы ее затеяли в то лето, когда подружались. А через два года у нас в больших коробках из-под обуви накопились громадные армии — тысячи три пехотинцев, конников, артиллеристов и разведчиков. Храбрые солдаты ростом с мизинец. Мы рисовали их на картоне и вырезали маникюрными ножницами.

Вернее, рисовал Виталька. Он уже тогда был почти настоящий художник. И главное, он придумывал здорово! Столько разноцветных мундиров, шлемов с перьями, барабанов, знамен...

Зато я изготовил всю артиллерию для обеих армий. Тетя Валя отдавала нам катушки от ниток, и они сразу превращались в оружейные стволы и колеса. Стреляли пушки горохом, сухой рябиной и стеклянными шариками бус, которые тоже отдала тетя Валя. Бусинки считались тяжелыми, особо опасными снарядами.

Артиллерия безжалостно косила картонные войска, и приходилось для защиты возводить брустверы, ставить редуты и бастионы.

Пол в мезонине сколочен был из могучих плах какого-то нездешнего дерева. От времени мягкая древесина источилась и выветрилась, и сверху осталось лишь переплетение твердых жил. Ползать на четвереньках по ним было больно. Однако в боевом азарте мы не думали о себе. Меняя позиции, кидаясь от пехоты к пушкам, от фланга к флангу, мы всеми суставами грохались об пол — так, что внизу у тети Вали звенел в буфете старинный хрусталь, а на наших локтях и коленках глубоко отпечатывались красные древесные узоры.

Эти отпечатки и ссадины мы считали боевыми ранениями и даже гордились ими. А тетя Валя, разглядывая нас после очередного сражения, покачивала головой и жалостливо щурилась. Женщины всегда жалеют тех, кто пострадал в боях. Кроме того, я думаю, тетя Валя жалела свои хрупкие рюмки и графинчики. И однажды она сказала:

— Уважаемые полководцы! Я хочу спасти вас от увечий, а дом от разрушений.

Мы переглянулись. Неужели мы довели бедную тетю Валью до такого отчаяния, что она решила нас выселить с вышки?

— В чулане у меня есть ковер, — сообщила тетя Валя. — Конечно, не очень новый, но... Если выбить из него пыль, почистить, можно постелить у вас наверху. Тогда будет гораздо меньше грохота и синяков.

Ковер? Ура! На ковре можно устраивать соревнования по классической борьбе (и не по классической тоже). Можно просто лежать рядышком друг с другом и болтать про все на свете. Можно вытащить ковер на крышу и загорать там, не боясь расцарапать пузо о кровельные листы. Можно сделать из него чум или кибитку и жить, будто кочевники!

Ковер, свернутый в большую трубу, стоял в самом углу чулана. Мы, конечно, бывали здесь не раз, но не обращали на него внимания: он был полузаваLEN всякой рухлядью. Пока мы добрались до ковра, я успел поцарапаться о сломанную птичью клетку, а Витальке на голову упал дырявый шелковый абажур.

«Труба» выглядела внушительно: толстая, как бревно, высотой метра в два.

— Тяжеленный, наверно, — вздохнул я.

Ковер оказался поразительно легким.

— Как из пенопласта! — изумленно сказал Виталька.

Мы без труда выволокли ковер на двор и развернули на траве. Он был большой: длиной метра три, а шириной — около двух. Грязно-серый. Пахло от него плесенью и старыми мешками.

— Жуть, — сказал Виталька и выдернул у забора могучий стебель прошлогоднего репейника. А я отыскал у крыльца палку от швабры.

Мы врезали по ковру с двух сторон, и пыль поднялась, словно облако над вулканом. Ковер пружинил и подпрыгивал, как живой, мы чихали, хохотали, а тетя Валя с крыльца уговаривала нас пылить не так сильно, иначе соседи вызовут пожарную машину.

Наконец мы выдохлись. Прочихались. Ветерок унес пыльное облако. И тогда мы разглядели узор на ковре. Ну, узор, как узор. Ничего особенного. Какие-то зубчатые треугольники по краям и угловатые загогулины, а в середине — два больших квадрата, положенных друг на друга так, что получилась восьмиугольная звезда. А в этой звезде была другая, похожая на шестерню. Ковер после чистки остался серым, а рисунок был красновато-коричневый, выцветший и расплывчатый.

Чуланный запах мы выбили из ковра не до конца. А ворс там, где он не вытерся от старости, стал после наших ударов ершистым и колючим на вид.

Не все ли равно! Мы так устали. Мы посмотрели друг на друга и разом бухнулись на ковер.

Я падал зажмурившись. Поэтому первое ощущение было особенно удивительным. Казалось, что я упал не на старый ковер. На что-то другое — мягкое, шелковистое, теплое. Живое.

Я изумленно открыл глаза и сел. Мои ладони скользили по ковровой щетине. Казалось, что я глажу ласкового зверя с короткой, но пушистой шерстью.

Виталька сидел на корточках и обалдело смотрел на меня.

Я ему ничего не сказал. Я лег ничком и прижался к теплому ковру голыми руками, ногами, щекой. Я купался в этой ласковости. И вдруг почувствовал, что от ковра пахнет не только плесенью и мышами. Пробивался запах чего-то незнакомого, южного, загадочного. Словно кто-то втер в ковровую ткань семена заморских трав.

Вздохнул я и открыл глаза. И увидел, что Виталька лежит, как и я. Носом ко мне.

— Вот это да, — сказал он, улыбаясь и не отрывая щеки от ковра.

Я промолчал, потому что в самом деле «вот это да».

— Наверно, дед тети Вали его из какой-нибудь Персии привез, — проговорил Виталька. — Тетя Валя говорила, что дед в молодости много путешествовал.

— Наверно, его делали старые мастера, а теперь этот секрет утерян, — сказал я.

— Наверно... — сказал Виталька.

Мы немедленно перевернулись на спину.

— А тетя Валя? — спросил я. — Разве она не знала, что он... такой?.. В чулан зачихнула.

— Может, знала, да забыла, — откликнулся Виталька. — Она же... ну, в общем, не молодая уже. Пожилые люди про многое забывают.

— Память у нее хорошая, — заступился я.

— Ну, хорошая... А может, она и не понимала, какой это ковер. Она ведь на нем не валялась, как мы.

— Почему? — удивился я.

Виталька хмыкнул:

— А ты видел ее фотокарточку, когда она девчонкой была? Платье чуть не до пяток, кружева всякие, бант на спине, ботинки высоченные с пуговицами. Попробуй, поваляйся.

Я пожалел тетю Валью, которая лишена была такого удовольствия, сладко вытянулся на ковре и опять погладил его.

— Как живой, да? А мы его, бедного, палками...

*Ковер оказался поразительно легким.
Мы без труда выволокли его во двор.*

— Ничего, — утешил Виталька. — Зато чистый стал... А мы с тобой — наоборот.

Он согнул потемневшую от пыли руку и подал на нее. А я увидел на его локте красную капелю.

— Смотри, поцарапался, — сказал я.

Виталька улыбнулся и тронул каплю мизинцем. Она разломилась пополам, выпустила прозрачные крылышки и улетела в густую траву.

— Божья коровка, улети на небо... — запоздало сказал Виталька.

— А по правде они могут на небо улететь? Высоко, как самолеты? — спросил я.

— Не-а, — сказал Виталька. — Им зачем? Они же травяные жители.

— Ну а если захочет?

— Она не захочет, — сказал Виталька. — Это ты, может, захочешь, потому что ты человек. А она же просто божья коровка.

Я лежал, раскинув руки. Левая ладонь оказалась в траве, и между пальцами попал высокий стебелек одуванчика. Я машинально теребил его, а сам думал вот о чем: если бы я даже был божьей коровкой, все равно попробовал бы лететь выше и выше. Конечно, там, на высоте, давление другое, холод, воздуха мало, но я летел бы, пока хватит дыхания.

Я представил, что вот так, лежа на спине, начинаю медленно подниматься к одинокому облаку, насквозь просвеченному июльским солнцем.

Показалось мне, что шевельнулась под ковром земля, а все пространство слегка сдвинулось. Так бывает, когда голова на миг закружится. Стебель одуванчика, который я держал, скользнул вниз, пушистая головка проскочила между пальцами, растеряв семена. Потом я увидел, что уходит вниз разохшаяся бочка, стоявшая неподалеку.

— Мама! — заорал я и бухнулся в траву.

Крепко бухнулся. Потому что от ковра до земли было уже метра полтора...

Даже сейчас, когда я вспоминаю тот случай, мне делается неловко. Ведь что ни говори, я испугался и оставил Витальку. И слегка утешает меня лишь, что Виталька поступил так же: заорал и плюхнулся на землю. Только с другого края ковра.

Мы сидели в примятой траве и перепуганно таращились друг на друга.

— Ты чего? — сказал Виталька.

— Чего «ты чего»? — сказал я.

— Как это ты? — спросил он.

— Я никак. Я ничего, — ответил я, потому что понял наконец: Виталька думает, что это мои шуточки.

Ковер плавно, как большой бумажный лист, опустился между нами.

Я икнул и сказал:

— Это он.

Виталька задумчиво осмотрелся, зачем-то заглянул под ковер и опять вопросительно уставился на меня.

В моей голове стремительно прыгали всякие

догадки и фантастические мысли: «Может, было незаметное землетрясение и нас плавно трянуло?... Может, у нас обоих сон или гипноз?... Может... Может...»

А что «может» в конце концов?!

Я опять икнул и спросил Витальку:

— Попробуем?

— Н-ну... давай... — сказал он без восторга.

Мы осторожно, как на горячую плиту, сели на ковер.

— Н-не поднимается, — сообщил Виталька.

— Значит, показалось.

— Обоим?

Я икнул третий раз и потер ушибленное место. Ничего себе «показалось».

— Ты что-нибудь делал, когда он... это самое? — шепотом спросил Виталька.

— Ничего я не делал. Я о нем даже не думал.

— А о чем думал? — требовательно спросил Виталька.

— Сейчас... Ну, кажется, о божьей коровке... Долетит она до облака или нет.

— Значит, о полете, — обрадованно сказал Виталька. — Значит, так... Попробуем!

Он прищурился и скомандовал:

— Вперед! Полетели!

Ковер не шелохнулся.

— Вперед! Старт! — повторил Виталька и даже поерзал, словно подгоняя ковер.

Тот не двигался.

— Хочу подняться до крыши, — сказал Виталька почти жалобно.

И мне захотелось. Страшновато было, но все равно захотелось, чтобы ковер шевельнулся, чтобы стена дома плавно заскользила вниз и узорчатый карниз под крышей оказался перед нашими глазами.

И тогда...

Тогда это случилось!

Нас приподняла ласковая сила, и мы увидели перед собой кромку железной крыши и старое деревянное кружево карниза: хрупкие завитушки и зубцы с круглыми отверстиями. Из одного отверстия, как из иллюминатора, озадаченно глядел на нас воробей.

В первый миг я хотел повторить старый трюк: завопить и свалиться. Виталька ухватил меня за майку.

— Стой! Высоко...

Я замер.

Ковер медленно опускался.

— Вот так, — прошептал Виталька. — Нельзя же каждый раз прыгать. Привыкать надо.

Под эти слова мы приземлились.

— Если бы знать, отчего он летает, — все еще шепотом сказал Виталька. И опять потребовал:

— Ну, давай! Вверх!

А я догадался... Нет, в самом деле, я, кажется, понял!

— Не надо командовать! Надо просто захотеть. Ну, понимаешь, надо просто представить, что летишь... Подожди...

Я глянул на заросли полыни и репейника у

забора и подумал, что вот сейчас приподнимемся и заскользим над самой травой к этим зарослям...

И мы заскользили!

Я мысленно сделал разворот у забора и представил бреющий полет по кругу. И ковер-самолет послушался!

«Скорей», — не скомандовал, а пожелал я. Зашелестел встречный ветер, мелькнула поленница, крыльцо, сарай, опять поленница... Потом я опустился посреди двора. Сердце бухало, как барабан.

Виталька сидел, вцепившись в мое плечо.

— Попробуй сам, — великодушно сказал я. — Знаешь как? Подумай, что летишь. Как будто сам летишь, вот и все.

— Ага, — торопливо сказал он. — Я... сейчас.

Нас опять мягко приподняло, ковер наискосок пересек двор, мягко взмыл перед забором и пошел над улицей. Я заметил, что по дороге мчится под нами квадратная тень.

— Ты что! Увидят! — крикнул я.

Мы опять влетели во двор и плавно сели на прежнее место.

— Слушается... — с тихим восторгом сказал Виталька.

— «Слушается!» — упрекнул я. — Чего тебя на улицу понесло? Заметят же...

Виталька заулыбался и пожал плечами.

— Пускай. Все равно это сон...

Он завалился на спину и, мечтательно болтая в воздухе ногами, проговорил со сладким вздохом:

— Хороший сон. Подольше бы не просыпаться.

Я поглядел на его отросшие вихры, ухватил белобрысую прядь и довольно беспощадно дернул.

— У-ы-а! — взревел Виталька. — Ты чего, жабомыра с повидлом?!

— Видишь, не спишь, — сказал я.

И вдруг испугался: а если это я сплю?

— Ну-ка, щипни.

Виталька отплатил мне полновесным щипком выше локтя. Я заорал не только от боли, но и от радости: не сплю!

Глава четвертая

Мы постелили ковер у себя на вышке, между топчанами. Затем испугались: а вдруг он больше не станет летать? Сели и попробовали подняться к потолку.

Поднялись!

Ура!

Тетя Валя стучала в потолок:

— Воины! Обед остывает!

За столом в этот раз мы вели себя так примерно, что тетя Валя заволновалась: может быть, мы с пылью наглотались микробов и заболели? Потрогала наши лбы, успокоилась и велела после обеда отправляться на рынок за картошкой. Это было самое нелюбимое дело — тащить через весь город по жаре тяжелую корзину. Однако мы с радостью ухватились за него.

Лишь бы скорее бежало время. Лишь бы скорее пришла ночь!

Только ночью ковер-самолет можно испытать как следует. А если днем, — представляете, какой шум поднимется в городе!

Конечно, мы не ждали полной темноты. В середине лета ночи у нас серебристые, словно в воздухе рассеяна алюминиевая пыль. Иногда можно даже книжку читать, особенно если буквы крупные. Однако ночью пустеют улицы и меньше риска, что нас увидят.

Да что такое случилось со временем? Застряло оно, что ли? Просто издевательство какое-то.

Мы улеглись в постели еще до захода солнца и этим снова напугали тетю Валю. Она опять принялась трогать наши лбы. Пришлось сочинить, что мы очень устали, играя в футбол. Тетя Валя покачала головой и ушла.

— Как же все-таки он устроен? — шепотом сказал Виталька.

Он уже тысячный раз об этом спрашивал.

— Как да как! Самое главное, что летает!

Виталька не обратил внимания на мою сердитость.

— Нам всю жизнь объясняли, что сказка — это сказка. Значит, ковер-самолет не сказка?

— Нет, сказка. Только по правде, — возразил я.

— А может, это такой аппарат? Помнишь, в книжке «Тайна желтой звезды»? Там у жителей такие летательные аппараты были, мыслями управлялись. Мыслелеты! У них эта была изобретена... как... ну, против тяжести!

— Антигравитация, — вспомнил я мудреное слово. — Ну так это же на той планете! А у нас откуда?

— Может быть, когда-то космонавты с другой звезды прилетали и позабыли. Давно-давно...

— Знаешь, Виталька, не городи чушь. Если бы это было с другой планеты, то было бы уж получше что-нибудь. Думаешь, там дураки? Они бы сиденья сделали, иллюминаторы, кабину...

— А может, им это не надо. Может, на той планете вообще сидений нет!

— Ну ладно. А где установка, чтобы антигравитацию делать? Из шерсти, что ли, она вырабатывается?

— Вот это и есть загадка, — хмуро сказал Виталька. — Это что-то новое для науки... А раз новое, значит, мы должны ученым сообщить. В Академию наук. Чтобы они изучили и разгадали.

Это мне и в голову не приходило! Но Виталька прав: надо писать в Академию. Иначе получится, что мы скрыли важное научное открытие.

— Только тогда уж нам коврика не видать. Заберут, — печально сказал я.

Все-таки выход нашелся!

— Виталька! А для науки его испытывать будут? Надо же ученым знать, как он летает?

— Конечно!

— А кто будет испытывать?

— Ну кто... Летчики-испытатели.

Я победно сказал:

— Летчики-испытатели умеют самолеты водить. А на коврах они ни разу не летали. Мы-то уже пробовали, а они нет! У них и не получится, они к разным рукояткам привыкли да к педалям!

Эти рассуждения успокоили нашу совесть. Мы решили, что лето посвятим испытаниям ковра-самолета, а осенью расскажем о нем ученым.

Пока мы спорили и решали, окна слегка потемнели, и тети-Валина кукушка прокричала внизу одиннадцать раз.

Мы выждали еще полчаса.

Потом осторожноенько натянули штаны и футболки.

Южное окно мезонина выходило на плоскую крышу задней части дома. Эта крыша стала нашей стартовой площадкой. Мы расстелили на ней ковер-самолет.

Первый старт был неудачным. Ковер толчком поднялся в воздух, боком скользнул к забору и сел на упругие верхушки репейника. Я скатился в колючки.

— Чего это он? — шепотом спросил Виталька.

— Это ты «чего», — сердито сказал я. — Ты куда хотел лететь?

— Через забор, на улицу.

— А я хотел сперва круг по двору сделать! Ковер же не разорвется, чтоб сразу двоим угодить.

Сердиться было глупо, мы это быстро поняли. Просто надо было договориться, чтобы ковром управлял кто-то один.

— Давай ты, — великодушно сказал Виталька. — У тебя пока лучше выходит.

Мы опять уселись на ковре, и я представил, как медленно, плавно скользим мы вдоль забора, мимо крыльца, мимо поленницы. Идем по кругу, постепенно набирая высоту...

Ковер приподнял края, упруго поднял нас и пошел, пошел, пошел...

Мы перелетели через забор. Пересекли улицу. Поднялись до высоты печных труб и тихо полетели над огородами. Я сидел, крепко обхватив за плечи Витальку. Мы молчали. Виталька часто дышал, и под майкой у него быстро-быстро стучало сердце. Ковер мягко прогибался под нами, и мы сидели, как в шелковистом гамаке. Я отпустил Виталькины плечи и пододвинулся на край: хотел посмотреть, что под нами. Кромка ковра стала тверже и слегка приподнялась.

— Охраняет. Вот молодец, — шепотом сказал Виталька.

Осторожно-осторожно я сел на краю и свесил ноги. Равновесие не нарушилось. А край ковра

совсем затвердел, еще сильнее выгнулся вверх и упруго поддерживал меня под коленками. Виталька спустил ноги с другой стороны. Опять сказал: «Вот молодчина» — и погладил ковер. Потом спросил:

— А если вместе сесть?

— Перевернемся.

— Давай тихонечко попробуем?

Он стал осторожно перебираться ко мне и наконец сел рядом. Ковер летел и летел без всякого крена. Видимо, обычные законы равновесия на него не действовали. Виталька снова уполз к середине. Встал на четвереньки, потом на колени и, наконец, поднялся во весь рост. Постоял, балансируя, и весело сказал мне:

— Все нормально. Вставай.

Я добрался до Витальки, ухватился за его футболку и распрямил колени (а они слегка вздрагивали).

Ковер мягко продавливался под босыми ногами, но стоять было можно — летели мы ровно, как по ниточке.

И я понял, что ковер летит сам по себе! Я давно уже не управлял им. Значит, он может сам? Значит, надо ему только показать направление? А вдруг ковер-самолет просто заманил нас на себя и теперь унесет в тридевятое царство, за темный лесной горизонт? Я моментально решил сделать разворот! И ковер послушался. В тот же миг.

— Вот умненький, — ласково сказал я и от радости опять обхватил Витальку за плечи.

Ощущение полной безопасности радостно захлестнуло меня. Я прибавил скорость, и на этой скорости мы стали круто подниматься над городом.

Зашумел, ударил в грудь встречный воздух, откинул назад наши волосы. Мы покачнулись, но опять крепко встали, держась друг за друга. И снизу, и сверху, и по сторонам была пустота, но она не пугала. Мы сразу и крепко поверили в надежность ковра-самолета. Он был наш друг и не мог нас обмануть.

Мы летели, прошивая светлый ночной воздух. Он лежал пластами — теплыми и остывшими, вперемешку. Мы попадали то будто в нагретую вату, то в продутый осенними сквозняками коридор. А иногда случалось так, словно движешься по пояс в теплой воде, а локти и шея — в пупырышках от колючей свежести.

Внизу под нами разрастался город с россыпью светящихся квадратиков-окошек, с тонкими бусами фонарей вдоль главных улиц. Они горели, хотя ночь была совсем светлая.

С трех сторон город обнимала широкая река. В ней отражалось серебристое небо и желтоватая заря — она не гасла над северным горизонтом.

Я вдруг подумал, что с земли мы теперь кажемся не больше почтовой марки. И все-таки...

— А если увидят? — прошептал я. — Небо-то вон какое светлое!

— Кто увидит? — откликнулся Виталька. — Улицы пустые.

— Но не совсем же пустые...

— Ну и пусть видят, — беззаботно сказал Виталька, — подумают, что это марсианская летающая тарелка.

— Четырехугольных тарелок не бывает.

— Это у нас не бывает. А на Марсе?

Мы оба засмеялись. А ковер-самолет уносил нас в светлую высоту, где, как жидкие огоньки, переливались две самых ярких звезды.

Глава пятая

Я проснулся с улыбкой и жалостью. С улыбкой — потому, что целую ночь снился чудесный сон про ковер-самолет. А с жалостью потому, что сон кончился.

Пока не забылись все подробности, надо рассказать его Витальке.

Виталька тихо посапывал, лежа носом к стене. На его заросшем затылке сидел пушистый солнечный зайчик.

Я скрутил в тугую муфту подушку, взвесил ее в руке и прицелился. А для верности левой рукой уперся в пол.

Ладонь легла на что-то шелковистое и удивительно мягкое. Я вздрогнул и уронил подушку. Она упала на шерстяной серовато-коричневый узор.

Ковер лежал на полу между нашими топчанами!

Братцы, за что нам такое счастье привалило?! Мы от радости были готовы обнять всю землю. Мы хотели всем людям делать только хорошее. И сами хотели быть хорошими.

А день только начинался. Для начала мы решили сбегать на реку, окунуться.

И побежали.

И повстречали на углу Ветку.

Так ее звали — не Светка, а Ветка. Она, как и я, перешла в четвертый класс, только училась не со мной, а в параллельном. Девчонка как девчонка — невысокая, худая, волосы по ушам подстрижены. Обыкновенные такие волосы — не темные, не светлые, прямые, как струнки. На школьных утренниках она часто выступала с танцами. Я к танцам был равнодушен и к девчонкам тоже, поэтому на Ветку я бы и не обращал внимания. Но она нравилась Витальке. Он мне про это не раз говорил.

— Что в ней хорошего? — спрашивал я. — Она даже и не красивая. Курносая, и рот, как у лягушки.

— Жабокряк бесхвостый! При чем здесь красота?

Ну и ладно. Мне-то что?

Ветка шагала, опустив голову и поддавая коленками большую клеенчатую сумку. Из сумки торчали зеленые перья лука.

Если бы я шел один, то не остановился бы. Ну, пробормотал бы «здорово», а то и молча прошел бы. Мы ведь почти незнакомы были. Но Виталька быстро посмотрел ей в лицо и сказал:

— Что с тобой?

Ветка остановилась, подняла голову. По щекам у нее тянулись следы от слезинок.

— Что с тобой, Ветка? — опять спросил Виталька, будто у хорошей знакомой, хотя она, может быть, его и не помнила.

Ну и правильно. Раз у человека следы от слез, не все ли равно — знакомый он или нет? Два года назад мы с Виталькой тоже почти не знали друг друга, а он спас меня.

Ветка поглядела на нас, узнала и шепотом сказала:

— Велосипед отобрали.

— Кто??!! — сказали мы.

— Да там один... Разиков.

— Из какого класса? — деловито спросил я.

Ветка чуть-чуть улыбнулась своим большим, слегка лягушачьим ртом.

— Что вы... Он большой. Старый. Иван Иванович...

— Что за Иван Иванович? — грозно спросил Виталька.

— Ну... человек такой. Раньше он пожарниками командовал, а теперь на пенсии. Ко всем придирается...

Что же это на свете делается? У одних людей счастье, а у других какой-то Иван Иванович Разиков отбирает велосипед! Где же справедливость?

— Почему он отобрал?

— Да я по краешку тротуара проехала, потому что на дороге яма. А он как заорет: «Хулиганка! Правила нарушаешь! А еще девочка!» Схватил за багажник и говорит: «Не отдам, ведь родителей!»

— Ну и веди, — сказал я. — Разве они не заступятся?

— Может быть, заступятся, а от мамы все равно попадет. Она не велела на базар на велосипеде ездить.

— А ну, пойдем, — сурово сказал Виталька. — Какое он имеет право!

Ветка послушно повернулась.

Мы дошли до угла, и Ветка вдруг остановилась.

— Вон он, Разиков...

Тощий, высокий дядька в старом зеленом пиджаке чинил скамейку у калитки. У него был косявый лысый череп и хрящеватое лицо.

Мы присели за палисадником.

— Ничего ему не докажешь, — прошептал Виталька. — Помнишь, мы в разведчиков играли, а он за Вовкой Рыбиным погнался?

Я помнил.

Ветка растерянно смотрела то на меня, то на Витальку.

— Ничего, — сказал он. — Придумаем. Велосипед он где спрятал?

— Во дворе у крыльца поставил... Туда не проберешься, там такой барбос на цепи...

— Ничего, — опять сказал Виталька. — Сейчас мы тебя проводим, посмотрим, где живешь. А через час машина будет у тебя.

— А как?

— Слушай, — слегка торжественно произнес Виталька. — Вот его зовут Олег Лапников. А меня — Виталий Городецкий. Если мы что-нибудь обещаем — значит, не бойся.

Ветка жила недалеко, в небольшом доме с палисадником, на улице Челюскинцев. Мы достали ей тяжелую сумку и побежали к себе.

Я сразу понял, что задумал Виталька.

— Увидят, — на ходу сказал я.

— Мы незаметно пролетим под самыми заборами. А потом только разик взлетим, спикируем, схватим велик и айда!

— А барбос? Он как прыгнет да как схватит!

Виталька перешел с бега на быстрый шаг.

— Боишься? — спросил он.

— Мозги у тебя из гороха, — обиделся я. — Кто боится? Просто все обдумать надо.

— Мы из веревки лассо сделаем. На руль накинem и подтянем. Пускай барбос прыгает.

— Гавкать будет.

— Пускай гавкает.

— Хозяин прибежит.

— Ну и что?

— Что «ну и что»? Крик подымет! А потом жаловаться побежит.

— Кому? — злорадно спросил Виталька. — И что он скажет? «Прилетели два хулигана, схватили велосипед...» «На чем прилетели?» «На ковре-самолете!» Ему скажут: «Иди, дядя, в больницу, проверься!»

Я засмеялся. В самом деле, кто поверит?

У нас на вышке среди разного имущества хранился бельевой шнур. Мы вытащили его из-под лежака и сделали на конце петлю. Потом вынесли на крышу ковер и расстелили.

— Я поведу. Я знаю, как, — прошептал Виталька.

— Давай.

Мы спланировали во двор, перемахнули через забор в соседний огород и повисли за кустами смородины. Огляделись. Никого поблизости не увидели. Мы заскользили в тени, снова «перепрыгнули» через изгородь. Потом заметили, что в соседнем переулке тоже никого нет, и пронеслись по нему вдоль длинного забора, у самой земли — так, что трава шелестела под ковром.

И опять — дворы, огороды, тень заборов и шорох кустов.

Двор Ивана Ивановича Разикова был обширный. Дом стоял посреди двора. От крыльца до калитки тянулась проволока, на нее была надета цепь, а на цепи сидел грязно-серый пес громадных размеров и свирепого вида.

Мы скользнули в дальний угол и притаились в тени сарая. Разикова не было видно. У крыльца стоял голубой мальчишечий велосипед-подросток. Виталька приготовил веревку.

— Поехали!

Мы взмыли на высоту и повисли рядом с крышей, над велосипедом. Тень от ковра упала на пса. Он поднял голову, присел, молча прыгнул почти на метр, шлепнулся и зашелся булькающим лаем.

*Веревочная петля затянулась
на изогнутой рукоятке велосипеда.
Пес бесился.*

— Тявкай, тявкай, — хладнокровно сказал Виталька.

Он опустил веревочную петлю к рулю и дернул. Петля затянулась на изогнутой рукоятке. Пес бесился. Виталька стал подтягивать велосипед. Я вдруг испугался, что ковер не удержит лишнюю тяжесть, но он удержал. Даже не шелохнулся.

От калитки, махая молотком, бежал Иван Иванович.

— Помоги, — сказал Виталька.

Я тоже вцепился в веревку. Мы медленно пролетели над двором. Велосипед, вертясь на веревке, двигался в метре от земли.

Разилов хотел ухватить его за колесо, но про-

махнулся. Только тогда он понял, что происходит невероятное.

— Ай! — громко сказал он и сел, раскинув тощие ноги в шлепанцах.

Мы подтянули велосипед и уложили его на ковер. Иван Иванович вдруг задребезжал мелким смехом и погрозил нам пальцем. А потом бросил в нас молоток.

Молоток упал обратно и стукнул его по ноге. Иван Иванович Разилов тихонько завыл, держась за шлепанец. Так мы его и оставили. Нырнули в соседний двор и прежней дорогой помчались к дому.

Едва мы опустились на своем дворе, как на крыльцо вышла тетя Валя.

— Мальчики! Что вы делаете с ковром?

— Решили еще почистить, — торопливо соврал Виталька и зашлепал по коврику ладошками.

— А откуда велосипед?

— Это одной девочки, она просила починить.

— Это прекрасно, — заметила тетя Валя. — Но зачем грязный велосипед укладывать на ковер? Особенно, если вы его чистите.

Мы убрали ковер-самолет на вышку. Затем для вида повозились у велосипеда и вывели его за калитку. Виталька сел в седло, а я — на раму. Через три минуты мы были на улице Челюскинцев.

— Вет-ка-а!

Она открыла окно и выпрыгнула в палисадник.

— Ой...

Глаза у нее сделались счастливые. Блестящие такие, зеленые глаза. И заулыбалась она так хорошо. Почему это я решил, что у нее лягушачий рот? Нисколько.

— Как это вы сделали? — тихонько спросила она.

Виталька вопросительно посмотрел на меня. Я пожал плечами: «Как хочешь».

— Никому не скажешь? — спросил он у Ветки. — Это такая тайна...

Если бы Ветка начала обещать изо всех сил и давать всякие клятвы, мы бы что-нибудь наврали. Но она просто сказала:

— Что вы! Я не болтливая.

— Ладно, — решил Виталька. — Пойдем.

И стало нас трое.

Глава шестая

Она оказалась отличной девчонкой. С виду такая тихая, даже испуганная немного, а на самом деле ничуть не боязливая и характер твердый.

...В тот день мы показали ей ковер-самолет, а в полночь прилетели за ней.

— Ой, я так волнуюсь, — шепотом сказала она, когда выбралась из окна.

— Не пугайся, — успокоил Виталька. — Мы сперва не будем высоко летать, а потом привыкнешь.

Она махнула рукой.

— Я не про это. Вдруг мама проснется...

Мы засмеялись: не полета боится, а мамы.

Она посмотрела на нас по очереди, поворачивая по-птичьи голову на тонкой шее, и тоже засмеялась...

Мы взлетели от Веткиного палисадника прямо в ясное небо. Высоко! И опять мчался мимо нас шелестящий воздух — то теплый-теплый, то колючий от свежести. И опять разворачивался внизу город, опоясанный светлой рекой. Черные кораблики на реке мигали красными и зелеными огоньками. На телевизионной вышке горели

большие рубиновые огни. А в домах, где еще не спали, и на улицах — огни неяркие, желтые.

Мы остановили полет. Воздух перестал шуметь и трепать наши рубашки. Ласковый и мягкий, он окутывал нас и согревал.

И было тихо-тихо.

Мы взяли Ветку за горячие ладошки, и она встала рядом с нами.

— Какая красивая земля, — сказала она. — И небо. Небо даже лучше...

На севере, за рекой, над темным туманом лесного горизонта, светила желтая зорька. Над ней повисло прозрачное облако, а чуть в стороне от него — еле видный, похожий на серебряную нитку месяц. А выше, где небо было синевато-серым, полыхали две белых звезды.

Мы медленно-медленно поплыли к северу.

— А я учила для праздника танец «Звездочка», — вдруг шепотом сказала Ветка. — Знаете, почему я вспомнила? Потому что эти звезды увидела.

— А ты станцуй, — серьезно сказал Виталька. — Если «Звездочка» — значит, это танец для неба.

Она не стала по-девчоночьи отнекиваться и стесняться. Только сказала:

— Как же без музыки?

— А ты вспомни, — посоветовал я, — и представь, будто играет.

— Я-то представляю... А вы?

— Мы тоже.

— А... вы это по правде? Смеяться не будете?

— Ты что! — сказал Виталька.

Мы отодвинулись на самый край ковра-самолета. Ветка встала на другом краю. Он сразу же заботливо приподнялся.

Конечно, ей было страшно с непривычки на такой высоте. Пока мы держали ее за руки — еще ничего, а сейчас она одна оказалась среди пустоты. Огоньки да небо... Но она была храбрая девчонка. И может быть, она в самом деле представила себя звездой. Или ей подумалось, что это сон, а во сне страх высоты иногда пропадает.

Сначала Ветка постояла, обняв себя за плечи, а потом вскинула руки и закружилась.

Я не знаю, хорошо ли она танцевала. И музыки никакой я представить не мог. Ветка была в желтом платье, и казалось, что громадная светлая бабочка трепещет над кромкой ковра-самолета...

Ну, бабочка так бабочка. Все равно я на всю жизнь запомнил, как в темном негаснущем небе летней ночи, высоко-высоко над уснувшей землей танцует девчонка...

Мы летали каждую ночь. Иногда с Веткой, иногда одни. Ветка все-таки боялась, что дома узнают про ее ночные приключения. Отец у нее был спокойный и добрый, а мамаша — сердитая. Даже не верилось, что Ветка — дочь этой крикливой краснолицей тети.

Сначала Ветка постояла, обняв себя за плечи, а потом вскинула руки и закружилась.

Мы понимали, что Ветке может крепко влететь, и поэтому не каждый раз брали ее в полеты.

Не думайте, что просто катались над городом на высоте. Мы испытывали ковер-самолет. Во-первых, на быстроту. Мы ложились ничком, крепко хватались за передний край ковра и наращивали скорость. Скорей, скорей, скорей! Встречный воздух становился обжигающим и холодным, он пытался содрать с нас одежду, а самих нас оторвать от ковра и сбросить на землю. Виталька называл такую быстроту «ухоотривательная скорость».

Долго с такой скоростью мы лететь не могли — захлебывались ветром и уставали. Начали болеть уши.

Один раз мы предприняли высотный полет. Натянули свитеры, лыжные брюки, зимние шапки и рванули с крыши прямо в зенит.

Сначала было все, как раньше. Но мы уходили все выше и выше. Мы не боялись, потому что верили в полную надежность ковра-самолета, но все же сердце стучало у меня все чаще и чаще. Может быть, потому, что воздух становился реже?

Не знаю, высоко ли мы поднялись. Ведь приборов у нас не было. Город с высоты выглядел почти так же, как и в прежних полетах, только огни телевышки ушли далеко вниз и смешались с другими огоньками. Горизонт сделался совсем расплывчатым и начал выгибаться вверх, словно край громадной чаши. Над этим туманным краем невозмутимо висел тонкий месяц, такой же, как всегда.

Стало трудно дышать, и воздух сделался холодным, даже зимой запахло. Ледяной холод стал просачиваться сквозь свитеры.

Несколько минут мы еще упрямо летели вверх, потом Виталька выдохнул:

— Хватит... Ковру-то что! Он, наверно, и до луны долетит, а мы...

— Если бы высотные скафандры достать... Тогда хоть в космос... — пробормотал я и стукнул зубами.

— Где их взять...

Высотный скафандр не маскарадный костюм. Из картона не склеишь. Мы это прекрасно понимали.

Ну что же, ковер был не виноват. Мы сами не могли дальше подниматься. Даже у летчиков есть свой потолок.

И мы круто пошли вниз: в теплый воздух, к ласковым деревьям, к огонькам в домах, к доброй земле, без которой мы не могли жить...

Несколько раз мы встречали в небе восходы.

Горизонт был размытым и сливался с небом, по краям которого лежали слоистые облака. Они сначала были светло-серыми и сизыми, а потом делались разноцветными — золотистыми, оранжевыми, бордовыми. А некоторые, наоборот, темнели и становились густо-лиловыми. Потом из-за самого нижнего облачного слоя выростала малиновая горбушка солнца. Она быстро светлела, делалась ослепительной и выбрасывала в середину неба прямые белые лучи. И незаметные облака в зените сразу наливались солнечным светом.

И к нам прилетали лучи.

— Ура! — кричали мы, а потом Виталька вскакивал и начинал петь. Он сам тут же придумывал песню:

Мы летаем над городом,
и никто нас не достанет!
Потому что мы летаем выше всех!
Да здоровствует солнце,
потому что мы его увидели
самыми первыми!
Мы летучие бродяги,
потому что умеем догонять ветер!
У нас уже солнце,
а в городе еще темно!
А здесь уже утро!

Город и в самом деле еще спал в предрассветных сумерках. Лучи не касались крыш, и даже высокая колокольня была в тени.

А у нас было солнце!

Виталька, оранжевый от лучей и загара, стоял на краю ковра, махал руками и пел свою песню.

Один раз я подумал, что Виталька похож на веселого петуха, который раньше всех встречает песней рассвет. Я это без насмешки подумал, а с радостью. У Витальки горели от солнца волосы.

Виталька — Золотой петушок...

Тетя Валя изумлялась:

— Сколько можно спать? Я не могу вас добудиться!

Еще бы! Мы засыпали на рассвете.

Если даже мы летали недолго и укладывались пораньше, то все равно не могли сразу уснуть. В каждой жилке у нас звенела радость полета. Каждая клеточка кожи, обдутаая теплым ветром, была словно прошита электричеством. Закроешь глаза — и начинает опять поворачиваться перед тобой громадная земля с огоньками, рекой и темными лесами по краям. Зашуршит сверчок — и кажется, что тихонько смеется Ветка...

Во время завтрака мы чуть не падали головами в тарелки, и тетя Валя опять пугалась:

— Что с вами происходит?

Один раз Виталька мотнул головой, чтобы отряхнуть с волос крупинки гречневой каши, и строго спросил:

— Тетя Валя, а что бы ты сказала, если бы у нас появился ковер-самолет?

Я обмер.

Тетя Валя усмехнулась:

— Я сказала бы: не забывайте чистить его. Вы ужасные неряхи...

— Нет, я серьезно, — сказал Виталька, не обращая внимания на мои пинки под столом. — Ты сильно испугалась бы?

Тетя Валя внимательно посмотрела на Витальку и задумчиво сказала:

— Я не испугалась бы. В детстве у многих бывает свой ковер-самолет.

— А у тебя был?

Тетя Валя засмеялась, нажала Витальке на нос указательным пальцем и вышла из комнаты. Виталька повернулся ко мне.

— Ну вот. А ты лягаешься.

— Все-таки не стоит ей пока говорить, — сказал я. — Это она сейчас так рассуждает, пока не знает. А увидит нас в полете и перепугается.

— Это я и сам понимаю, — согласился Виталька.

— Путешествовать надо днем, — сказал Виталька. — Ночью все равно ничего не видать.

— И можно к черту на рога залететь, — согласился я.

Мы стали думать, как быть.

Проще всего, конечно, улететь к лесу до восхода, пока город спит. А как встанет солнце — отправляться в путешествие по лесам. Там уж никто не увидит, а если и увидит, — не поверит своим глазам.

Но попробуйте исчезнуть до завтрака. Тетя Валя постучит в потолок, а нас нет. Ого!

Виталька придумал. Он сказал, что можно летать и днем. Надо только выбирать переулки, где меньше людей, и лететь над самой землей, по верхушкам травы. Если кто окажется близко, надо плюхнуться на траву — будто просто сидим на ковре. А если спросят, можно сказать: понесли в химчистку и решили отдохнуть по дороге.

А может, и не спросят.

Ведь никто нас не заметил, когда мы летали выручать Веткин велосипед.

Мы решили рискнуть и попробовать. После завтрака стартовали с нашей крыши, махнули через забор и полетели по Якорному переулку. Ниже палисадников, над самыми одуванчиками, растущими вдоль тротуаров.

Потом переулочек совсем опустел, мы осмелели и полетели к перекрестку прямо над дорогой.

Тишину резануло милицейским свистком. От неожиданности мы остановились. Откуда он взялся, этот милиционер?

— Нарушаем? — не совсем уверенно сказал он.

— *Нарушаем? — не совсем уверенно сказал милиционер.*

Мы сперва втянули головы в плечи. Но милиционер был молодой и, кажется, не очень строгий. Виталька довольно нахально спросил:

— Как это нарушаем? Мы по правой стороне двигались.

— А права у вас есть?

— Какие права? Это же не автомобиль!

— А что это? — язвительно спросил милиционер. — Телега? Тогда где лошадь?

— А если автомобиль, тогда где колеса? — сказал Виталька.

Мы висели в полуметре от земли. Милиционер заглянул под ковер, выпрямился и заморгал. Тихо спросил:

— Как это вы, парни? А?

— На воздушной подушке, — нашелся Виталька.

— И еще эта... антигравитация. Которая против тяжести, — добавил я.

— Разве изобрели уже? — с уважением спросил милиционер. — Я думал, это пока фантастика... Вы из Дома пионеров?

Было страшновато:
вдруг ковер
обидится на уколы
толстой иголки
или мы его нечаянно
повредим.

— Ага, из кружка юных техников, — бойко сказал Виталька. — Пробную модель испытываем.

— Ну... вы осторожнее... На проезжей-то части не болтайте зря.

— Ладно, не будем! — весело крикнули мы и устремились к дому. А милиционер остался на углу, полный уважения к современной науке.

— Нет, уж лучше на высоте летать, — сказал Виталька. — Если повыше забраться, может, и не заметят. Взрослые вообще редко в небо глядят, у них на земле забот полно.

— А ребята? — сказал я.

— Ну и что... Ну, подумаешь, летает что-то квадратное... Может, змея запустили!

— Без хвоста?

— Ну, сделаем хвост! Долго, что ли?

Это была мысль!

Мы разодрали на полосы старый мешок и соорудили хвост, как у правдашнего воздушного змея, только громадный: метров пятнадцать длиной. Пришили его к углам ковра толстыми нитками.

Было страшновато: вдруг ковер-самолет обидится на уколы толстой иголки или мы его нечаянно повредим. Поэтомушили, взлетев над полом. Мы думали, что если ковра не понравится наша выдумка, он сразу приземлится. Но ковер перенес операцию, не дрогнув.

Я оставил Витальку на крыше, а сам взлетел и поднимался, пока Виталька не сделался крошечным, как солдатик из картона. Из-за лесов шел теплый плотный ветер. Он подхватил хвост из мешковины, развернул его и заполоскал.

Я впервые оказался на такой высоте под солнечным небом. Громадная зеленая земля распахивалась на тысячи километров. Она была яркая и веселая. Мне все-все хотелось рассмотреть. Но Виталька-лилипутик скакал на нашей крошечной крыше и махал руками: опускайся скорей!

Пришлось опускаться.

— Здорово! — крикнул он. — Как настоящий змей! Только зачем ты уселся на край? Разве на змеях кто-нибудь сидит?

Мы решили позвать Ветку и отправиться в первый большой полет при свете дня.

Но Ветка прикатила сама. Она позвякала у калитки велосипедным звонком и крикнула:

— Видели, какой змей летает?!

Мы расхохотались. «Змей»! Вот потеха! Значит, правда, похоже!

— Вы чего? — удивилась Ветка.

— Это не змей! — радовались мы. — Не змей! Понятно?

— Как это не змей? Смотрите сами. Да не туда смотрите! Вон там!

Мы озадаченно повернулись.

На фоне кучевых солнечных облаков парил пестрый прямоугольник с тонким раздвоенным хвостом.

Я впервые
оказался
на такой высоте
под солнечным
небом.

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Ракетный крейсер на всей скорости подошел к берегу и развернулся бортом к причалу. Медленно поднялись жерла пушек, нацелились в небо ракетные аппараты. Залп!

Многолюдная толпа на берегу вздрогнула. Кое-кто от неожиданности свалился в воду...

Впрочем, «пострадавших» тут же с хохотом вытащили на берег. Раздались громкие аплодисменты.

Так закончились Всесоюзные соревнования юных конструкторов моделей кораблей и судов. Проходили они в Виннице, на пруду в городском парке. А грозный ракетный крейсер был одной из моделей, сконструированных на Калининградской станции юных техников.

Корабли, принимавшие участие в стартах, были совсем как настоящие. Они ловко маневрировали, вздымая белые буруны волн, стреляли, по команде уходили под воду и всплывали в заданном квадрате юркие подводные лодки.

А на берегу за всеми их действиями следила строгая и неумолимая судейская коллегия: спортсмены с мировым именем, прославленные капитаны, известные кораблестроители...

ЗАЧЕМ ПОДЛОДКЕ САХАР?

В самом деле, зачем?

Если бы Олега Новичкова всего год назад спросили об этом, он тоже ничего не смог бы ответить. А сегодня...

Сегодня Олег, ученик пятого класса Болшевской школы, знает вещи и посерьезнее.

Правильно ли работает таймер?

Ю. БЕХТЕРЕВ

Море зовет

Фотографии
В. ПОСТНИКОВА.

Рисунки А. БОРИСОВА.

С сахаром же было так.

Олег мечтал о подводной лодке. Чтобы была она такой же, как на почтовой марке, где изображена легендарная субмарина Великой Отечественной войны — подлодка «Комсомолец».

— Что ж, подлодка так подлодка. Интересная модель, и вполне тебе по силам, — одобрил преподаватель судомодельного кружка Анатолий Александрович Митрохин. — А сахар ты приготовил?

— ???

И тогда Олег что называется «с ходу» познакомился с одной из хитростей моделизма.

Сами понимаете, подлодка — корабль особый. Она должна не только плавать по воде. Она еще должна опускаться под воду. Заставить модель сделать это куда проще, чем настоящий корабль. Не надо заполнять водой балластные цистерны, чтобы лодка стала тяжелее. Достаточно повернуть рули глубины, завести мотор, и лодка сама нырнет в глубину. А вот как добиться, чтобы она всплыла, да не тогда, когда кончится завод, а тогда и там, где надо?

На очень сложных моделях ребята устанавливают так называемые таймеры — моторчики, которые, повинаясь пружинке, точно отсчитывают, через сколько секунд пора давать команду на всплытие — поворачивать рули глубины. Таймеры укрывают от воды, герметизируют. Капризничают они основательно, и на соревнованиях незадачливому конструктору приходится иногда по многу раз нырять — разыскивать застрявшую среди коряг модель.

А как быть, если подлодка простая — с резиновым мотором, без всякой герметизации?

Пассажирский катер, буксир, сухогруз, ракетный крейсер.

С каждым годом занятий модель становится все сложнее:

Трудно сказать, кто первый додумался до этого. Но вот уже много лет ребята закладывают между пружинкой, которая стремится повернуть рули глубины, и рулями кусочек сахара. Попадает сахар под воду, намокнет, растворится — повернутся рули, и всплывай, лодочка!

На следующее занятие Олег явился с куском рафинада. Но прошло еще много дней, пока ему пришлось пустить сахар в дело.

Олег Новичков.

Сегодня он строит модель теплохода.

У КОГО РЕБЕР БОЛЬШЕ: У КИТА ИЛИ У... КАТЕРА?

Олег Новичков теперь моряк бывалый: его таким вопросом уже не удивишь. А вот Коля Тимохин — он пришел в тот же кружок — даже обиделся на ребят, когда услышал о китовых ребрах.

Но ребята подвели Тимохина к большому-большому столу, к крышке которого кнопками были прикреплены чертежи. На специальной подставке-стапеле на столе стоял... макет кита, прямо как в Зоологическом музее, только перевернутый и вырезанный из тоненьких фанерок.

— Вот тебе твой катер!

Коля не поверил сначала. В пионерлагере он уже строил катера и яхты, долбил их корпуса из деревянных брусков или склеивал кораблики из наборов-посылок. Такие модели делать было очень интересно: плавают они совсем как настоящие, ребята построили целую флотилию и проводили соревнования.

На больших же спортивных стартах выступают другие модели — наборные. Корпус может быть разный — из тонкой фанеры, из жести или склеенный из стеклоткани. Но внутри, как на самом настоящем корабле, для прочности обязательно размещают ребра — шпангоуты. Соединяются они продольными «позвоночниками» — стрингерами.

Когда Коля по привычке немного, на многих столах он увидел заготовки шпангоутов и стрингеров — остоны будущих моделей. И работу над своим катером Коля начал с ребер-шпангоутов...

САМЫЙ БОЛЬШОЙ ФЛОТ

Положа руку на сердце могу сказать: ни одна страна в мире не имеет такого обширного и разнообразного флота, какой собирается на все-союзных соревнованиях моделлистов.

Здесь и **парусники** (есть даже радиоуправляемые яхты со сложнейшими механизмами уборки парусов, смены галсов, поворотов руля). Есть **скоростные модели**, которые движутся по кругу, удерживаемые прочной кордовой нитью — проволокой. На них ставят двигатели внутреннего сгорания, которые гонят по воде глиссер или катамаран со скоростью выше 150 километров в час. Наконец, есть **модели-копии** кораблей и судов разного назначения, внешне подобные настоящим крейсерам, пассажирским лайнерам, труженикам-танкерам. И не только внешне. Судейская коллегия требует от моделлистов, чтобы скорость их кораблей была во столько же раз меньше настоящей, во сколько меньше сама модель, чтобы каждая деталь ее была сделана точно в принятом масштабе.

Вершина вершин моделизма — **радиоуправляемые модели**. Это самые разные корабли и суда, способные лавировать по водной глади, повинаясь воле капитана, который с радиопередатчиком остается на берегу. Излюбленное соревнование с моделями этого класса — преодоление сложной трассы, обозначенной воздушными шариками. Кто быстрее пройдет ее и при этом проколет форштевнем наибольшее количество шариков — тот и победитель.

Словом, каждый, кто приходит в судомодельный кружок, не жалеет об этом. За годы учебы он успевает построить три-четыре модели — от простой подводной лодки до сложнейшей копии современного корабля, вроде той, которая «обстреляла» зрителей на соревнованиях в Виннице. Изучит теорию кораблестроения, приобретет такую рабочую сноровку, какая и не снилась его сверстникам, даже если они отлично успевают на уроках труда.

И, конечно же, ребятам-судомоделстам не приходится долго выбирать, в какой бы вуз податься, на какой бы пойти завод. Поверьте мне на слово, никто из юных корабелов уже никогда не расстанется с морем.

Что ни говори, а лучшей дороги к морю, чем та, что ведет через судомоделлизм, еще пока никто не придумал.

Что за моряк без формы!
Что за соревнования без парада!

«ЮНИОР»

Модель этой подлодки может построить каждый. С виду она кажется простой, но плавает по воде и под водой совсем как настоящая.

На чертеже показаны основные размеры модели. Каждая клеточка — квадратный сантиметр. Чтобы получить рабочий чертеж, надо разграфить лист ватмана на сантиметровые клеточки и аккуратно перенести на него очертания деталей и их размеры.

Теперь — за дело. Подбери деревянный брусок подходящей величины (лучше, если это будет береза или липа) и, прикладывая заготовку к своему чертежу, выстругай рубанком и перочинным ножом корпус модели. Снизу и сверху стамеской сделай прорезы для груза и рубки. Рубку выпиши из фанеры толщиной 5 миллиметров и вклей в корпус. Груз — свинцовая пластина подходящего размера. Его придется подбирать по весу и передвигать вдоль модели во время пробных запусков до тех пор, пока лодка не погрузится точно по ватерлинию и не будет опускаться ни нос, ни корму.

В корпусе просверли отверстия для осей рулей глубины.

Детали лодочного мотора и руль поворота вырежь из жести и согни, как показано на втором рисунке. Оси и крючки — из латунной проволоки толщиной 1—2 миллиметра. По размерам они должны быть точно такими, как на рисунке. Винт надо припаять к оси.

Мотор — резиновая нить квадратного или плоского сечения. Длину и количество нитей подбери сам, исходя из того, что длина нескрученного резиномотора вдвое длиннее лодки. А для надежной работы такого мотора достаточно двух слоев плоской или четырех квадратной резины.

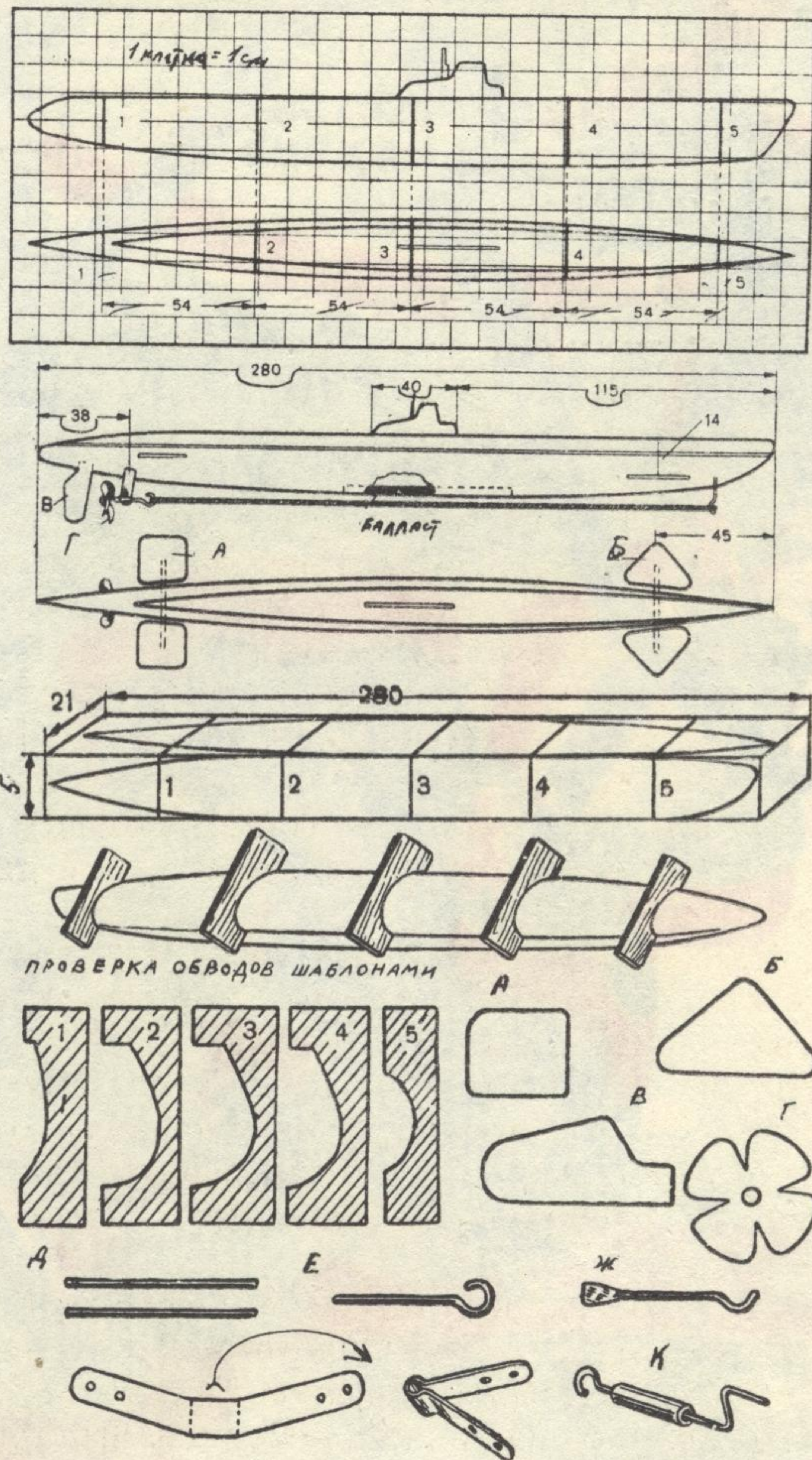
Интересно провести соревнования и узнать, чья лодка быстрее пройдет отмеренную дистанцию по воде и под водой, чья дольше удержится под водой и точнее придет к намеченной цели.

Чтобы модель дольше сохранилась, не пожалей времени на ее отделку. После сборки тщательно обработай корпус наждачной бумагой, пропитай горячей олифой и покрась. Верхняя часть лодки, до ватерлинии, серого цвета, нижняя — красного. Полезно покрыть модель нитролаком, предварительно обезжирив рули и кронштейны резиномотора, чтобы не ржавели.

Интересно провести соревнования и узнать, чья лодка быстрее пройдет отмеренную дистанцию по воде и под водой, чья дольше удержится под водой и точнее придет к намеченной цели.

Условные обозначения:

А и Б — рули глубины, В — румпель, Г — винт, Д — оси рулей глубины, Е — ось винта, Ж — крючок крепления резиномотора, И — кронштейн крепления оси винта, К — рукоятка закрутки резиномотора.

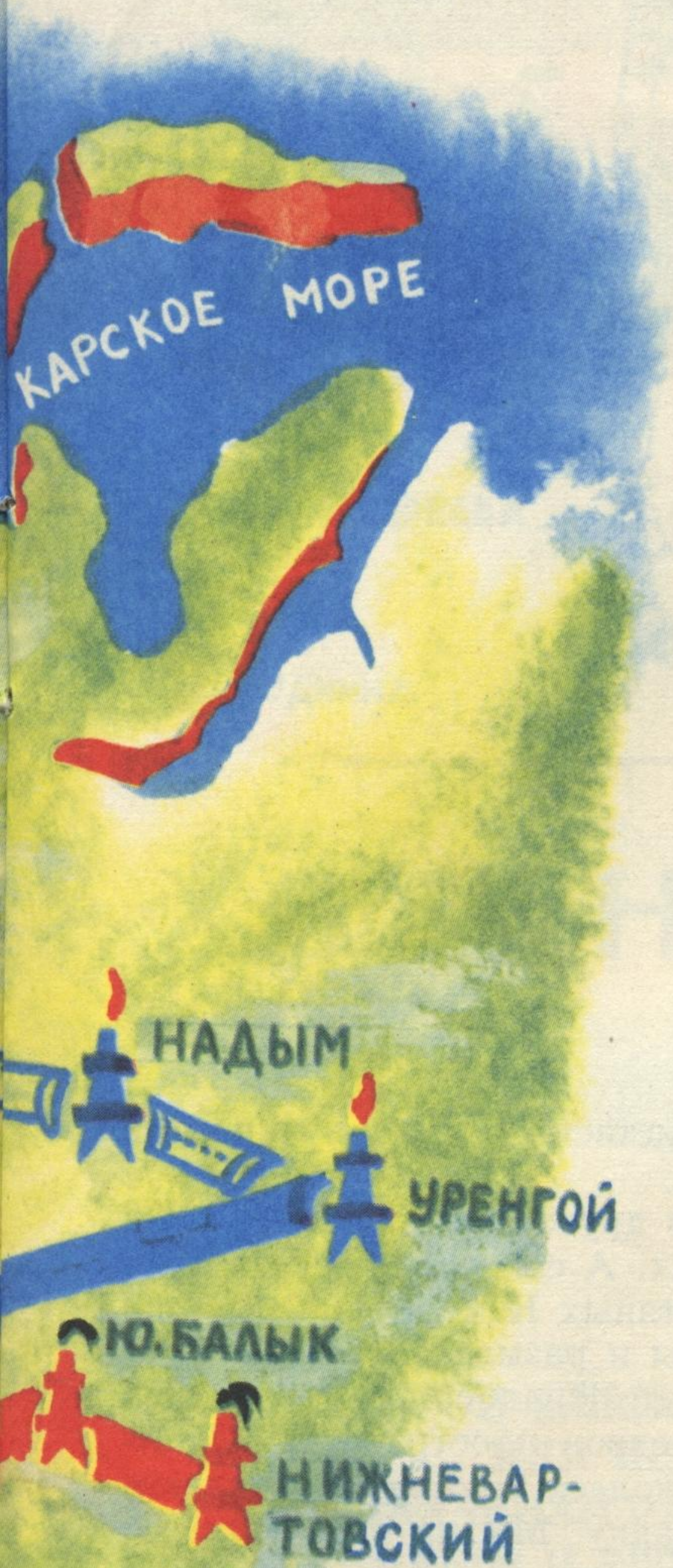

МАРШРУТАМИ
ДЕСЯТОЙ
ПЯТИЛЕТКИ

Рисунки
А. ГРИШИНА.

Свет и тепло текут по трубам

Вы слышали, конечно, об огромных запасах нефти и газа, открытых на востоке нашей страны — в Тюменской и Оренбургской областях, на севере — в Коми АССР и на юге — в Средней Азии.

Нефти и газа добывается здесь так много, что ни железной дороге, ни автомобильному и речному транспорту не справиться с их перевозкой в другие районы страны.

Вот почему так важно было построить сеть подземных нефте- и газопроводов. Сейчас они покрывают всю нашу страну и связывают ее с братскими социалистическими странами, членами СЭВ.

Общая длина магистралей — 160 000 километров. В десятой пятилетке она вырастет еще на 53 000 километров. Теперь все месторождения связаны трубопроводами с предприятиями, где нефть и газ перерабатываются.

На нашей карте — крупнейшие подземные магистрали.

Дальние нефтепроводы. С востока на запад и на юг нефть идет по трассам **Сибирь — Центр, Уса — Ярославль — Мо-**

сква, Сибирь — Новороссийск и в страны СЭВ по нефтепроводу «Дружба». Этот нефтепровод связывает сейчас многие страны Европы, а в будущем станет основой всеевропейского нефтепровода...

На этой же карте показаны и крупнейшие наши **газопроводы**. Среди них самые мощные в мире подземные транспортные системы. Это газовая магистраль «Сияние севера», трубопроводы **Сибирь — Центр** и **Средняя Азия — Центр**. С юга газ поступает еще по двум основным направлениям: **Ставрополь — Центр, Средняя Азия — Урал**.

В десятой пятилетке будет проложен газопровод от **Надыма** к **Ужгороду** через **Северный Урал, Торжок и Минск** длиной около трех с половиной тысяч километров. В десятой пятилетке войдет в строй и газопровод **Оренбург — Западная граница СССР**. Его протяженность — 2 750 километров. Это одна из крупнейших строек стран СЭВ. Рабочие и инженеры из братских стран вместе с советскими строителями уже трудятся на трассе нового газопровода.

Замечательно работают строители! Каждый день трубопроводы становятся длиннее на три-четыре километра. Одновременно возводятся нефтеперекачивающие и компрессорные станции, подгоняющие нефть и газ по трубам.

В десятой пятилетке впервые пойдет по трубам продукция хи-

мических заводов: аммиак, этилен и другие газы. Силой сжатого воздуха по трубопроводам помчатся и контейнеры с рудой, щебнем, песком и другими сыпучими грузами.

Подземный транспорт будет непрерывно расти и расширяться!

В. ИВАНОВ

Рассказы

о морских

нефтяниках

Когда я собиралась на Нефтяные Камни, я думала: разыщу самого интересного человека, расскажу о нем, о его работе, и вы увидите, какие здесь живут люди и что за профессия такая — морской нефтяник, нефтяник Каспия. Вернулась и целый день просидела над чистым листом бумаги, перебирала свою поездку день за днем, пыталась ответить: кто же самый интересный? Да и как было выбрать, если все, с кем я встречалась на «Камушках», — шоферы, подвозившие на буровые, мастера, инженеры, рабочие, геофизики и чайханщик, разливавший крепкий чай в тонкие стаканы, — все оказались людьми необыкновенными. Просто несправедливо было бы выбрать одного. И тогда я решила: пусть будет коллективный портрет! Пусть каждый человек подарит какую-нибудь черточку, улыбку, словечко, принесет с собой «кусочек» истории удивительного нефтепромысла посреди моря.

Я сижу на вертолетной площадке и глаз не спускаю с флюгера. Только бы ветер не налетел! Здесь это случается неожиданно, посреди ясного солнечного дня. Но флюгер вяло висит вдоль древка — не то колпак, не то полосатый носок — висит, не шелохнется. Подумать только, всего в ста километрах от меня город нефтяников, и неизвестно, когда я попаду туда. Утром я уже побывала на пристани. Обычно теплоходы увозят вахты на Нефтяные Камни. Нефтяники, как моряки: пятнадцать суток несут рабочую вахту в море, пятнадцать дней — дома. Штормило — теплоход не вышел в море. Говорят, у Нефтяных Камней сто пятьдесят дней в году шторм...

Нефтяник на Апшеронском полуострове — древнейшая профессия.

Путешественник, приехавший в Баку в середине XVII века, подсчитал, что за год из бакинских колодцев добывалось 12 800 тонн нефти,

причем это было единственное место в мире, где велась добыча нефти.

Отсюда ее везли в другие страны в кожаных мешках на верблюдах. А сейчас танкер за один рейс вывозит с Нефтяных Камней 10 000 тонн нефти. Вот масштабы и размах XX века!

Шестнадцать минут понадобилось нам, чтоб поглотить сто километров пространства. Шестнадцать минут — и колеса вертолета вцепляются в бетонную площадку. Мы на «Камушках».

Как же поточнее сказать, что такое Нефтяные Камни? Шоссе посреди моря на высоких стальных опорах-сваях. Шоссе на ходулях. Двести километров дороги, образующей на бегу площадки — чтоб двум машинам разминуться, чтоб вертолету дать возможность приземлиться. Да надо ж и домам где-то присесть: сбежались в кучку, теснятся друг к другу (дорог каждый сантиметр) общежития, почта, библиотека, столовые, магазины. И главное, ради чего построена эстакада: буровые вышки, резервуары для хранения нефти.

И все-таки это город! Толпа народу валила из клуба после трехчасового сеанса — толпа была городская. Сразу выстроилась очередь к автоматам с газированной водой. В парке на садовой скамейке парнишка читал книгу, учебник физики для девятого класса. У него сегодня контрольная в вечерней школе. А на спинке скамейки вертелся, охорашивался, посвистывая, дрозд. Здесь его дом, и что ему до того, что чайные розы и яблони растут в длинных деревянных ящиках. Каждый приезжающий, рассказывали мне, везет с берега на Камни хотя бы целлофановый мешочек земли. Любит человек Землю. Вот и в море вышел работать, но и в море должен он захватить с собой почву, зелень, птиц — земные запахи, краски, голоса.

Инна АНДРЕЕВА

Рисунки

В. ДУДКИНА.

**ОСТРОВ СЕМИ КОРАБЛЕЙ,
или ИСТОРИЯ,
РАССКАЗАННАЯ РАДИСТОМ ПАВЛОМ
КНУТОВЫМ И ЕГО ЖЕНОЙ РАЙСОЙ
ИВАНОВНОЙ.**

— Примерно на том самом месте, где мы с вами находимся, спрыгнул я с баркаса 3 мая 1949 года. Утки крик подняли, тюлени стали в воду шлепаться. Дурная слава была у Черных скал: семнадцать кораблей здесь на камни напоролись, а лодочки рыбацкие, как скорлупки, бились с хрустом и без счета. Но геологи обнаружили в этом районе большие запасы нефти. А что значила в те годы нефть, представляете? Позарез нужна была нефть. Вот почему в лютую, ветреную пору, зимой высадили на скалу строителей, и поставили они домик на длинных стальных ногах, чтобы волны не смогли до него добраться.

Наладил я рацию, выхожу в эфир, а в свободное время вместе с другими оборудование выгружаю, вышку собирать помогаю. Сейчас в кино смотришь, как на острове Пасхи великанов поднимали, — удивляешься. А мы сорокадвухметровую махину руками, можно сказать, ставили. На скале какие механизмы?

Приехал буровой мастер Михаил Каверочкин, заслуженный бакинский мастер, он с тринадцати лет на промысле работал, даже на фронт его не отпустили, сказали: тут твой фронт. Началось

бурение, я по рации сообщаю: высылайте новые долота, старые затупились, высылайте глину. Вы, наверное, думаете: зачем глину? Без глинистого раствора не получится бурение. Его специально в скважину пускают: он и стенки, как клеем, обмажет — меньше осыпаются, и вроде смазки на породу действует — разбуривать легче. А главное, чтоб газ и нефть раньше времени не вырвались на поверхность, надо столб воды в скважине держать потяжелее.

Передать — присылайте! — легко. А капитанам каково к скалам подходить? По неделям осенью даже близко подступиться нельзя было. Сколько раз без хлеба сидели, борщ на минеральной воде варили: то ли кипит, то ли шипит — кто ее разберет.

— Да ты про седьмое ноября скорее рассказывай! — говорит Раиса Ивановна, жена Кнутова. Она тоже радистка. Она сидит у аппарата, смотрит, не загорится ли красный глазок. Глазок вспыхнет, тут же откликается: «Я — Луна! Я — Луна!».

— Да, седьмое ноября для Нефтяных Камней особый день! С утра тоскливо было ребятам! Сам я в ноябре в отпуск ушел, но рассказывали: по рации марши гремят, в Баку люди на демонстрацию вышли, за праздничные столы садятся. А Каверочкин воду по глоткам распределяет. Одиноко. Так и называли скалу, где первую скважину бурили, — Одинокая. И мысли нехорошие появляются: зря все, не будет нефти. Но в три часа дня в глинистом растворе, что шел из

скважины, промелькнула зеленая искра, потом змейка зеленая проскочила, и показался пузырь — предвестник фонтана. Пошла нефть, не подвели геологи!

— Видели вы буровиков, когда нефть идет? — говорит Раиса Ивановна. — Они, как дети, пляшут, нефтью мажут друг друга!

— А скоро в районе Черных скал открыли около ста месторождений. Надо новые вышки ставить, оборудование подвозить, продукты, воду. А как это делать, если опасны эти места для судов? Самые опытные капитаны ходили к нам, и сколько раз, бывало, перевернет баркас, мы, как робинзоны, ныряем, со дна инструмент достаем. Причал строить? Долго. Нашли выход: отбуксировали из бакинских доков старые, ржавые суда, поставили их полукругом у скалы Одинокой, посадили на мель — получилась бухта. Я рацию на «Ленкоранец» перенес: в каютах живут, на палубе глиномешалка тарахтит.

— Тут и я приехала на Камни, посмотреть, где Павел работает, — говорит Раиса Ивановна. — Стоят корабли, между ними мосточки переброшены, внизу — вода. Ой, думаю, как же он по мосточкам этим бегаёт? А меня утешает: разве это глубина? Каких-нибудь три метра воды! В общем, то ли мужа мне стало жалко, то ли поразила необычность, только я стала с ним радостной работать. В Баку у нас трое детей — младшему десять, старшему четырнадцать. Я их плакатами воспитывала. Приеду в город, обед сварю, плакаты развешу: «Поел — вымой посуду!» Или: «Про уроки не забудь!» Ничего, справились! Младший уже в армии отслужил и работать к нам на Камни приехал.

— А теперь мы, знаете, где находимся? На острове. Мелководье засыпали землей — вышел остров. Назвали его Чванов — по имени одного из судов. А молодежь называет Остров Семи Кораблей. Что ни говори — суша, твердь. Когда ураганы — люди сюда собираются. Электростанцию мощную поставили. А какие дома пятиэтажные строят!

— Я — Луна! Я — Луна! — говорит Раиса Ивановна. — Получено штормовое предупреждение: пять баллов к ночи с усилением до девяти.

...Я прощаюсь с Кнутовыми, выхожу на центральную площадь Чванова. Трудно узнать корабли в длинных серых бараках, обросших антеннами, пристройками. Но если взбежишь по

трапу на палубу, открывается море, беспокойные тяжелые волны яркого голубого или бирюзового цвета. Такого цвета воды нет ни в одном море. И сейчас мостки переброшены с кормы на корму, корабли стоят полукругом, как бы поддерживая друг друга, телами своими прикрывая суда от ярости морской стихии.

СКВАЖИНА № 1963. ТОПТЫГ ГАРАЕВ

Вот она — буровая! Деревянный настил, скользкий от глинистого раствора, черный переплет вышки над головой. И там, на огромной высоте, площадка верхового, открытая всем ветрам, она называется «голубятней». Сейчас в скважину начнут опускать трубы (по этим трубам и пойдет нефть), вон они стоят, задрав кверху дула, огромные железные трубы.

Замер верховой на «голубятне», моторист замер у дизеля, мастер — у приборов. Сколько приборов на буровой! Летчик только «слепой» полет ведет по приборам, а буровой мастер и в самую ясную погоду не может заглянуть в тысячеметровую (и больше!) глубину. Только приборы рассказывают ему, что происходит там, где долото из сверхтвердых сплавов вгрызается, вбуривается в породу, тяжело таща за собой колонну труб.

Внимание! Мотор! От рева дизеля тяжело задрожал настил. Верховой железным крюком подцепил трубу, подтянул ее вверх, вставил в железный зажим (элеватор). Крепко держит трубу элеватор, вот она спускается вниз, нависает над скважиной, ее свинчивают с другой трубой — и железная нитка труб пошла в скважину. Движения людей отточены, отшлифованы многолетней работой, движения людей так согласованны. Кажется, они и усилий никаких не прилагают.

Но вот ритм работы нарушен: на одной из труб сбит нарезка, трубы криво свинчиваются. Прибавил обороты моторист, множество рук подхватили трубу, помогая занять ей единственно нужное положение. Машина и человеческие тела, железо и мускулы напряглись в едином усилии. И труба сдалась. Она уже плывет в скважину. И снова все движения людей подчиняются четкому ритму. Но я уже успела увидеть, какого напряжения требует работа на буровой.

Мастер сбегает к нам по трапу. Он в распахнутой куртке, высокий, горячий.

— Топтыг Гараев, — знакомится он. — Видели? Сколько человек ни придумает механизмов,

рука силы своей не потеряет, рука человека — главное.

Он ведет нас в культбудку, угощает рыбой. На дощатой стене — серебристая связка вяленого каспийского залома. Сколько, оказывается, может рассказать связка рыбы на стене культбудки!

— С буровой поймали! — говорит Топтыг. — Подошла рыбка к эстакаде! Раньше глиняный раствор из скважины прямо в море спускали — и рыба ушла и тюлени. А теперь вода из скважин поступает в водоочистное сооружение, там нефть отделяют, химию выводят. Каспий гораздо чище стал! Вы расспросите нашего бурового мастера, он завтра приедет, Исрафила Гусейнова. Он депутат Верховного Совета СССР, член комиссии по охране природы — он расскажет вам, как Каспий очищают. Он на Камнях уже лет двадцать, а я недавно. Я четыре года под Берлином скважины бурил: газ добывали. Послали туда четырех советских мастеров: с Украины, из Азербайджана и Молдавии. Сначала мы особняком держались, немецкие рабочие — отдельно. А однажды немецкий мастер ногу сломал. Пока машину вызывали, мы его на руки и в больницу потащили. С тех пор жили душа в душу. Хорошие ребята есть! С одной семьей я так подружился, что они в Баку ко мне приезжали. Я их на машине по всей республике промчал, шашлыком из рыбы угостил.

Топтыг говорит то по-русски, то переходит на немецкий и шпарит по-немецки легко, свободно, с наслаждением.

— Язык надо знать, он помогает людям понимать друг друга. Я и дочку свою в немецкую школу отдал. А русский по газетам учил. Еще во втором классе дал себе клятву: выучу! И каждый день переписывал «Бакинский рабочий» или «Известия» от названия до сводки погоды. Без русского языка на Камнях пропадешь. Говорят, у нас представители двадцати восьми национальностей работают. В нашей бригаде русские, азербайджанцы, армянин, татарин. Как разговаривали бы? В нашей работе что главное? Ритм. Люди должны быть, как пальцы на руке.

Топтыг поднимает большую сильную ладонь и шевелит пальцами, показывая, как согласно должны работать люди. И вот он уже бежит на буровую. Работа идет, некогда разговаривать.

ЛЮДИ ВЕЛИКОГО МУЖЕСТВА. МИХАИЛ КАВЕРОЧКИН

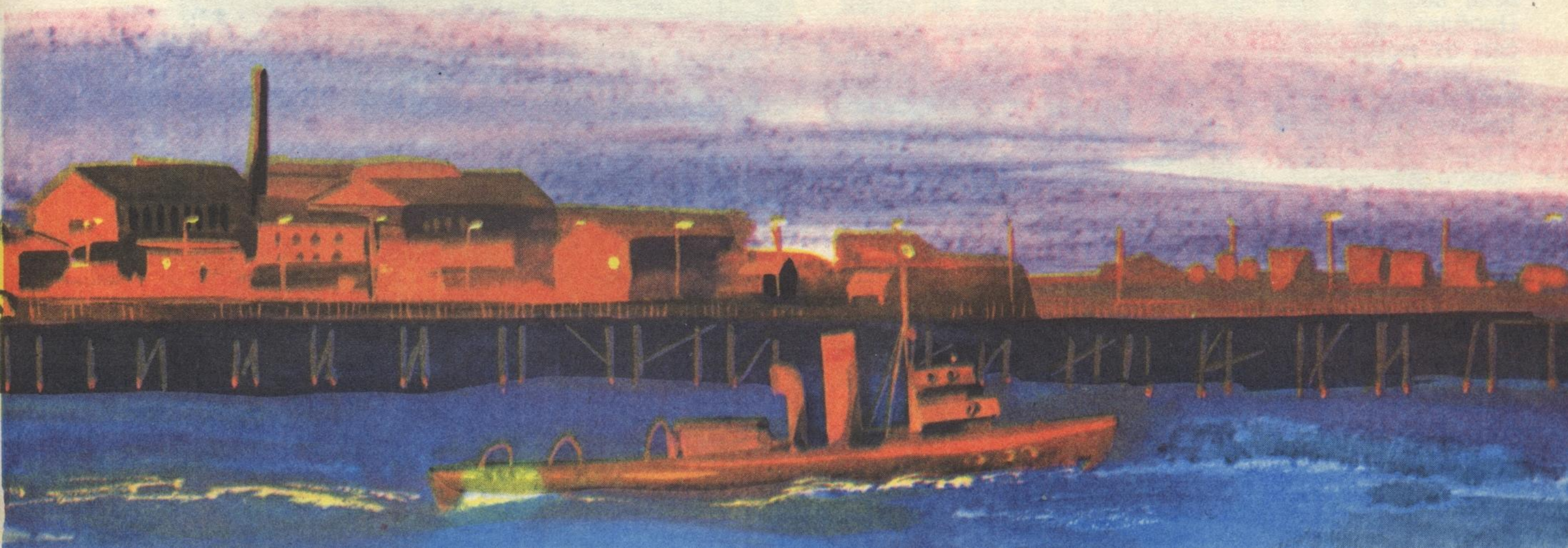
К вечеру поднялся ветер, пошел дождь. Ветер хлопал дождем, словно мокрым полотенцем, встряхивая его, выкручивал так, что брызги во все стороны летели. От такого дождя укрыться невозможно. Всю ночь буй-ревун вздыхал, как больная корова, бередил душу. А там, на скважине № 1963 и на всех других скважинах, работали люди.

Что дождь! Каждый день здесь стоят лицом к лицу с разбушевавшейся стихией. Вот несколько страничек из истории нефтепромысла.

В апреле 1953 года на Нефтяных Камнях ждали танкер. И когда над скважиной 198 показался дымок, обрадовались: танкер идет! Оказалось — выброс газа. Всю ночь пожарный катер крейсировал вокруг скважины — она не подавала признаков жизни. Под утро поселок был разбужен взрывом. Стометровая раскаленная свеча взметнулась и исчезла. С тяжелым шумом в море стала падать черная жидкость, маслянисто растекаясь по воде. И вот горит море. По огненным волнам ходят два пожарных судна, струями воды из пушек сбивают огонь. Главное не допустить пожар к эстакаде: резервуары полны нефти! На полной скорости суда прошли через центр пожара: «обстреляли» скважину мощными струями воды. Пожар удалось потушить.

Через год — новое испытание. Такого еще не видели на Каспии. Зима стояла суровая, весной из северной части моря нанесло льды. Огромные ледяные глыбы тараном шли на эстакаду, ломали сваи, срезали железные островки. На помощь нефтяникам бросилась вся страна. Специальная комиссия, которую консультировал Папанин, разработала план действия. Глыбы бомбили с самолетов, посыпали угольной пылью, чтоб ускорить таяние. И на этот раз отвели беду: ледяное крошево пронеслось между сваями, не успев наделать большого вреда.

Ноябрь 1957 года свалился на Нефтяные Камни ураганом небывалой силы. Вы можете представить тринадцатиметровые волны? Тринадцатиметровые волны перелетали через эстакаду. Волны опрокидывали катера. Ветер, слов-

НАСЛЕДНИКИ.

ИСРАФИЛ ГУСЕЙНОВ

но нитку, порвал нефтепровод. Аварийщики, привязав себя к эстакаде, работая под водой, пытались ликвидировать обрыв. Погас свет. Но на эстакаде люди чувствовали себя защищенными. Каждый год открывали новые месторождения и прямо в открытом море ставили крошечные свайные островки. На таком островке ураган застал Михаила Каверочкина с бригадой. Рядом, на том же месторождении Грязевая сопка, укрывшись за мешками с цементом, лежал Исрафил Гусейнов, и настил качался под ним, как плот.

Утром Михаила Каверочкина срочно вызвали из Баку: у сменного мастера заболел сын. И Каверочкин, не успев отоспаться после своей вахты, отправился на буровую. В тот день ему исполнилось пятьдесят четыре года, и он захватил с собой пирог, испеченный женой: он собирался отпраздновать день рождения с друзьями. Ничто не предвещало урагана.

Радистка Тамара одну за другой вызывала буровые, ее тревожило, что Каверочкин не откликается. «Бронза — 8! Бронза — 8! — повторяла она позывные. — Дядя Миша, что у вас?» На секунду прорвался знакомый голос: «Принимаем все меры, чтоб укрепить основание». И буровая замолчала. Тамара спрашивала соседние буровые, видят ли свет у Каверочкина. «Видим свет», — отвечали они. Потом и свет погас.

Когда суда смогли выйти в море, на том месте, где стояла буровая, плескались тяжелые бурые волны.

Двадцать два человека погибли на Нефтяных Камнях в ноябрьские дни 1957 года. Их имена выбиты на памятнике, поставленном в центре острова Чванов. Живым трудно смириться со смертью. Я не была знакома с Михаилом Каверочкиным, я слышала рассказы о нем. Все рассказы на Нефтяных Камнях начинаются словами: «Когда Михаил Каверочкин...» Человеческая память сохранила столько подробностей, что я вижу его перед собой живым. И хочу, чтоб вы запомнили его живым. С именем Каверочкина связана самая счастливая и самая трагическая минута в истории промысла.

Странное чувство возникает порой на Нефтяных Камнях. Люди работают, рассматривают фотографии детей, жарят картошку и запивают ее лимонадом, пишут контрольные в вечерней школе — идет обычная жизнь, и в то же время слышишь шаг истории, это она шагает по морю, как посуху. Недаром наше время называют веком космонавтики и акванавтики. Ученые подсчитали, что к 2000 году половину всей нефти человечество будет добывать из морей. Пройдет еще десяток лет, и человек станет независим от морской стихии. Уже сейчас ходят по морю плавучие буровые установки «Алшерон», «Азербайджан», «Баку», они могут бурить скважины глубиной шесть тысяч метров, их водят капитаны и штормы им нипочем. А в институте Гипроморнефть можно увидеть макет подводного нефтепромысла, управляемого человеком с суши. Но и тогда, когда такой промысел будет создан, останется голенастый домик на скале Одинокой, и скважина № 1, и фамилии первопроходцев — как живые свидетели мужества, поиска, свидетели Начала.

Первыми вышли они искать нефть в море, а на долю тех, кто выходит первыми, выпадают и блистательные победы, и трудности, и потери.

Утром меня разбудил яркий праздничный гомон под окнами, всплески смеха. Сразу вспомнилось: воскресенье. Но у Нефтяных Камней нет выходных: добыча нефти идет и днем и ночью, в будни и праздники. За ночь дождем прибило ветер, обещанный шторм не состоялся, и из Баку пришел теплоход «Бабазаде». На причале много народа: одни приезжают, другие уезжают.

Уезжает Толтыг Гараев, кончилась его вахта, уезжает к детям, к друзьям. Славный человек, которому хочется, чтоб все люди понимали друг друга. А на эстакаду поднимается буровой мастер Исрафил Гусейнов. Он мне очень нужен. В Москве, в библиотеке Ленина я видела его книжку — рассказ о том, как его бригада бурила скважину, за проходку которой группа инженеров и мастер Гусейнов получили Государственную премию СССР. Рекордсменкой Европы называли эту скважину, а я по книге, честно сказать, не очень поняла, чем она такая замечательная.

Но Гусейнов торопится. Всю ночь работала буровая бригада, опустила колонну труб, теперь надо зацементировать скважину. А из-за шторма цемент не подвезли. Гусейнов убегает добы-

вать цемент. И только когда машины с цементом выехали на буровую, мы смогли поговорить.

Оказывается, строительство буровой в море стоит полмиллиона рублей, поэтому с одной вышки стали бурить несколько скважин. И знаете, каким образом? Одна скважина идет на морское дно прямая, как перпендикуляр, а другие стали делать наклонными, целый пучок наклонных скважин уходит с буровой. С каждым годом росло мастерство нефтяников, наклонные скважины делались все более наклонными и все

*Буровой мастер Исрафил Гусейнов.
Лауреат Государственной премии СССР.*

далее и дальше протягивали свои щупальца по морскому дну. Та, которую бурила бригада Исрафила Гусейнова, дотянулась до месторождения, которое отстояло от буровой на два с половиной километра. Другими словами, под водой, по морскому дну на глубине трех тысяч метров надо было протянуть длинную, в два с половиной километра, нитку труб под углом 70°. Очень трудной была эта работа, но бригада Гусейнова справилась с ней. Теперь на Нефтяных Камнях пробурено двадцать скважин с большим отклонением. Посчитайте, сколько денег сэкономили, если строительство одной буровой стоит полмиллиона!

Исрафил Гусейнов не умеет говорить о себе, он считает, что его жизнь началась 10 июня 1957 года, когда он прыгнул в баркас и поплыл к своей первой буровой. Он оказался в одном баркасе с Михаилом Каверочкиным: буровые стояли близко, на Грязевой сопке, только Каверочкин был прославленным мастером, депутатом Верховного Совета СССР, лауреатом Государственной премии, а Исрафила поставили рабочим. Много лет он будет рабочим, пока не освоит все профессии, необходимые на буровой: и слесарем будет, и верховым, и мотористом. Ураган, который унес из жизни Михаила Каверочкина, для Исрафила Гусейнова станет пер-

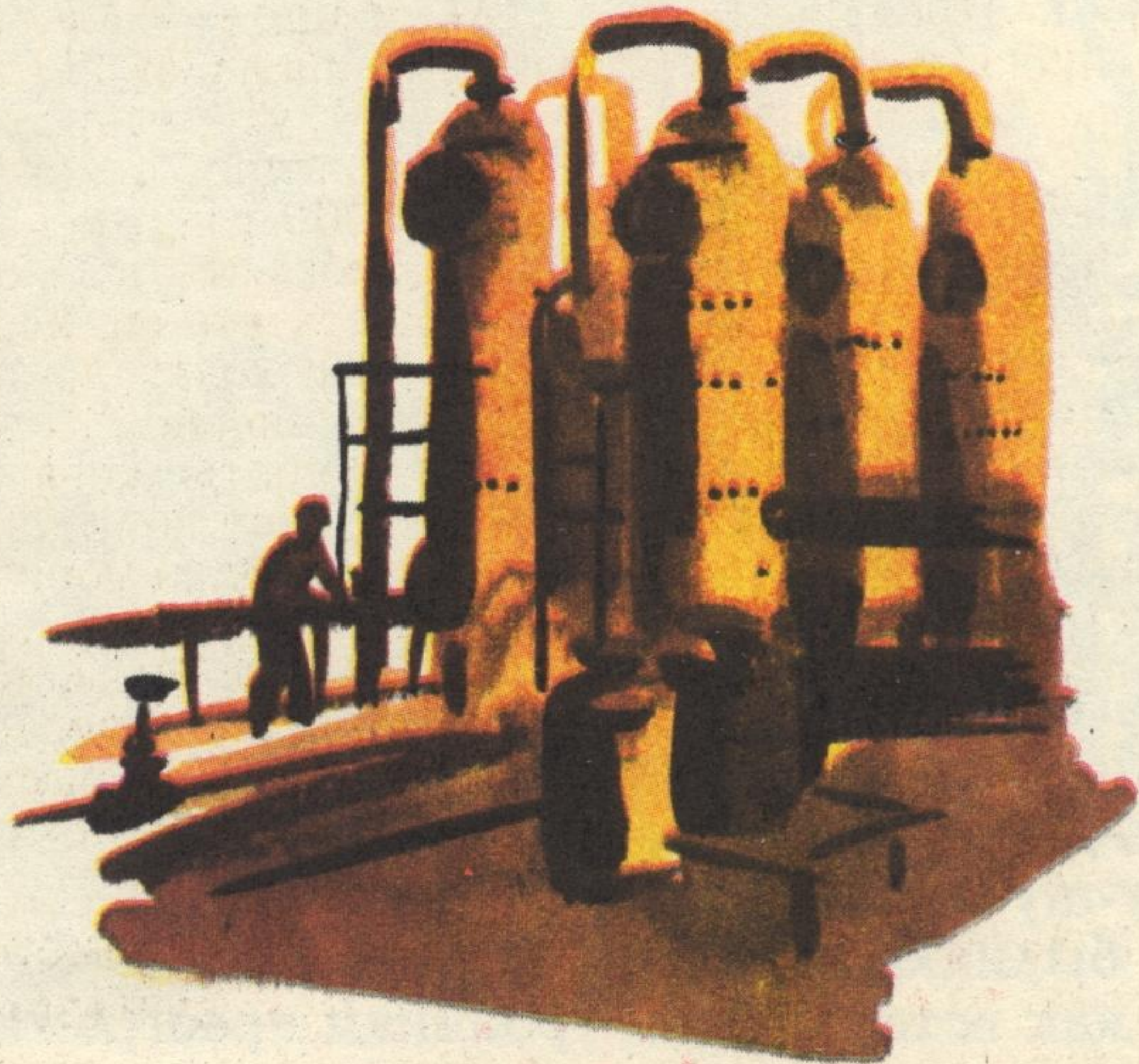
вым испытанием на прочность. Только на восемь суток катер сможет подойти и снять рабочих с буровой.

С той поры Гусейнов пробурил 60 скважин, прошел 96 тысяч метров (выходит, с первого дня записывал, подсчитывал, складывал, сколько метров прошел — это характер!). Почти одновременно он получил диплом об окончании Института нефти и газа и Государственную премию. Но по-прежнему он не знает более интересной работы, чем буровой мастер.

Одна обида у Гусейнова: не его бригаде поручено бурить разведочную скважину № 1 (снова скважину № 1). На этот раз нефтяникам предстоит добраться до глубоких пластов, где надеются найти новые, не распечатанные еще запасы нефти. Отовсюду с эстакады видна буровая № 1; она пятидесяти двух метров ростом, мощнее своих подруг. Ей предстоит опускать трубы на глубину 5 000 метров, придется встретиться с высокими температурами, испытать огромное давление. Много впереди трудностей, но и много надежд связано с этой скважиной. Я понимаю обиду Гусейнова. По складу своего характера он разведчик, первооткрыватель.

Вот какие люди работают на Нефтяных Камнях. Мне удалось рассказать о немногих. Впрочем, еще одного человека я бы непременно нарисовала на нашем групповом портрете — Володю Кафарова. Без него портрет получится неполным. Володя Кафаров поэт, он живет на Камнях по три, четыре месяца, у него постоянное место в общежитии, а в редакции газеты есть свое кресло. Отец Кафарова был капитаном одного из кораблей, что давно стали частью острова, частью Нефтяных Камней. И Володя мечтает привезти сюда своего сына, чтобы научить его упорству, мужеству, высокому мастерству и умению дружить до последнего глотка воды и последнего вздоха.

Вот только детей на Нефтяные Камни привозить категорически воспрещается. Я признаю всю разумность запрета, но в душе согласна с Кафаровым: именно вы должны увидеть город на море и людей, создавших его, потому что вы — настоящие его наследники.

Вольт СУСЛОВ

* * *

Лето!

Лето!

Лето!

Лето!

Никаких уроков нету! —
Отдыхай!

Всем дана команда «вольно».
Ждет на поле мяч футбольный —
Забивай!

Никаких заданий на дом!
Речка — рядом, роща — рядом,
Тут как тут!
Ну, а парта у окошка
И звонок — пускай немножко
Подождут.

Воробей ныряет с крыши,
Рад пернатый: стало тише
Во дворе.
В шуме, в гаме, звоне смеха
Город в пригород поехал
На заре.

Удивляются вокзалы:
Что такое — тесно стало?
Вот беда!..
Дайте срочно отправленье!
Уезжает население —
Кто куда!

Ни о чем не беспокоясь,
У платформы вздрогнет поезд —
И пошел!
Прямо к солнцу!
Прямо к свету!
Прямо в лето!

В лето,
в лето!

Хорошо!

Муравейник

Я
на
гне
сiju
и вижу:
муравьишка
что-то тащит.
Работяга настоящий
муравьишка этот рыжий!
Рядом крутятся братишки,
по траве спешат сестренки —
день-деньской без передышки:
«Шу-шу-шу!» шуршат в сторонке.
Все былинки и хвоинки тянут кверху без ступенек.
Вот как встал вблизи тропинки преогромный муравейник!

Валентина СУВОРОВА

* * *

Море, море, я твой гость,
Подари камней мне горсть!
Сколько их на берегу —
Сосчитать я не могу —

Белых, серых, голубых,
Гладких, маленьких,
больших —

Все обкатаны волной,
Чистой, сильной, голубой!
Море, море, я твой гость,
Подари камней мне горсть!

Алексей КОНДРАТЬЕВ

На велосипеде

Лечу!
Кручу педали!
Хочу увидеть дали!
Меня толкает ветер в грудь:
— Ты скорость сбавил бы
чуть-чуть!

Нет!
Ни за что не сбавлю!
Всех позади оставлю!
Лечу!
Кручу педали!
Вдали смеются дали!
Еще быстрее!
Еще! Еще!
Потерян километрам счет!
Ну, уж теперь едва ли
Вы посмеетесь, дали!
Лечу!
Кручу педали!
Вдали хохочут дали!
Чтоб их догнать,
Не хватит дня!
Все дальше дали от меня!
Постойте,
Подождите,
Куда же вы,
Скажите?!
Лечу!
Кручу педали!..
Вдали пропали дали..
Догнать себя не дали..
Но я кручу педали!..

Наталия КУЛАКОВА

Виктор ЧИЧЕНИН

Синее Черное море

Звезды виснут низко-низко,
Спят седые тамариски,
Спят дома и спят сады,
Горы тоже почивают,
Только изредка вздыхает
Самый главный великан —
Неудавшийся вулкан.

В море черном, а не синем,
Крепко спит семья дельфинья,
Рак-отшельник без подушки
Смотрит сны в своей ракушке.
Я не знаю, спят медузы
Кверху пузом, вниз ли пузом?
Нам они не говорят,
Только знаю, тоже спят.

Берег лег в густую тень.
Завтра будет новый день.
Раньше всех проснутся горы,
Протрубят в Артеке горны,
И опять увидим море
Самым синим, а не черным.

Ромашки

Нарвала ромашек —
Я была в лесу.
Посмотрите,
Сколько
Солнышек несу!

Рисунки Е. ВОЗНЕСЕНСКОЙ.

Леонид ФРОЛОВ

Рисунки

А. АЗЕМШИ.

ГРУЗДИ- РЫЖИКИ

ПЕРВЫЙ
РАССКАЗ

В
«ПИОНЕРЕ»

С неделю, наверно, по несколько раз на дню моросили обмочливые дожди, а потом установилась хорошая погода, и в окрестных лесах так густо повалил гриб-листопадник, что не успевали его обирать. Казалось бы, что может остаться на запорошенной прелыми листьями поляне, когда по ней только что прошнырнула ватага ребят с корзинами и когда следом за ними прошли старухи, кланяясь каждой елочке и выщупывая чуткими ладонями любое вздутие во мху. А Митька и по обитой росе выколупывал из травы рыжик за рыжиком. Были они величиной с двухкопеечную монету — хоть в бутылке соли. И мать нахваливала сына:

— Ты, Митя, как из-под земли достаешь.

А из-под земли и есть. Вот если бы ему вырваться в лес раньше всех, до солнышка бы уйти, сколько б он грибов наковырял! Но мать у него работала в колхозе дояркой, и, пока не обрядится на ферме с коровами, Митьке надо нянчиться с братом, укачивать в зыбке, чтобы Никола раньше времени глаза не продрал, а то до возвращения матери изведет своим ревом всю деревню. Уж такой уродился горластый, что просто мука. И надоел он Митьке хуже горькой редьки. Да ничего не поделаешь — брат.

Алик Макаров, приехавший в Полежаево из какого-то неслыханного села Улумбек, поморщился и покачал головой.

— И чего ты как привязанный вокруг него вертишься? Я бы оставил в зыбке, пусть надывается, сколько хочет.

— Про чужого так легко говорить, — возразил ему Митя.

— Ну, знаешь ли, — обиделся Алик. — У тебя что, своих интересов нет?

— Есть.

— А есть, так почему не даешь им развиваться? — Алик ходил по избе, сунув руки в карманы. Рыжая голова у него была краснее галстука. — Думаешь, у меня брата не было? — горячился он. — Был. Но я не позволял посягать на свою свободу.

Может, и не позволял, кто его знает. У него мать покладистая. Митька не слышал, чтобы она на Алика когда-нибудь повысила голос. Да и в деревне Мария Флегонтовна сразу нашла со всеми общий язык, будто всю жизнь в Полежаево прожила. Обходительная. Но все равно Митька не представлял, как Алик отвоевывал свободу у матери.

Конечно, если у них и в Улумбеке, как здесь было: в одном доме и квартира и почта, которой мать заведовала, — тогда понятно. Заревет Алькин братишка, Мария Флегонтовна откроет боковую дверь и угомонит ревуна. А с фермы не прибежишь.

— У нас в Улумбеке пацаны не с ребятами нянчатся, а занимаются спортом. Хочешь помериться силой?

Митька пока не решался на это, чтобы не осрамиться перед полежаевскими ребятами.

Алик был выше его на полголовы, умел крутить «солнце» на турнике, ходить на руках, и мышцы у него были, как у боксера.

— Видал? — Алик засучивал рукава и давал Митьке пощупать бицепсы.

Такие бицепсы накачивать некогда Митьке. Скажи Митька матери, что у него свои интересы, что он не будет больше нянчиться с братом, она задаст тебе...

— Ох ты, сопляк, — скажет, — интересами меня придумал пугать. Я вот тебе покажу эти самые интересы, с неделю не присядешь...

Нет уж, с матерью об интересах лучше и не заикаться. Да и какие у него интересы? Особо каких-то и нету. Конечно, круглыми днями сидеть с Николой не больно охота. Вон ребята то за малиной отправятся, то на рыбалку бегут, то затеют военные игры, а Митька по рукам и ногам связан — не выскочишь. В окошко на них посмотрит — и хорошо.

А теперь вот пошли грибы. Говорят, Поля-милая вчера уже груздей принесла. Бабы к ней высылали разведку: откуда? Из покотины или с Басалаевского хутора из березняков? Но Поля разве проговорится, пока груздь не понесут с разных сторон. Наоборот, наведет на обманный след.

Вот Митьке бы сейчас поперед всех угадать в Захаровские вырубки. Наверное, там от груздей и земли не видать. Оттуда в худые-то годы и то с пустой корзиной не возвращаешься. А уж нынешнее лето на особицу: как по заказу, перепадает грибные дожди.

Митька любил ходить по лесу. И на час-то вырвется, так обрадует мать: и на варево и на соленье притащит. Он знал, где искать. В сухое лето шарь под деревьями у самых стволов, а в сырое — грибы разбегаются по солнцепекам, выискивают место, где теплее. Старухи и то завидовали Митькиному уменью.

— Ну, у тебя и глаза, постреленок. Сквозь землю видят.

А какие глаза — чутье подсказывало. Продираешься по чащобнику, так примечаешь, что за места: мохом земля затянута — жди встречи с белыми, в мокрой траве не наступи на масляк, по урезу осинника не сомни подрумяненную яблоком шляпку красноголовика, в ельничке не просмотри рыжики.

Но грузди, грузди... Сбирать их Митька любил больше всяких грибов. Они, как правило, селятся не в одиночку, а тянутся мстами. В Полежаеве так и говорят: «Напал на груздиный мост». Рыжики тоже кучно растут. Но от них в корзине не так податливо, как от груздей. А этими — нападешь на хорошее место — за полчаса корзину и берестяной заплечный мешок наполнишь. Наберешь-то за полчаса, да до Захаровских вырубок ходу в три раза больше, чем работы. Как

ни крути, полдня на это дело клади. А где они у Митьки, полдня?

И если бы не Поля-милая, не видать бы Митьке нынче груздей. Как флаг, пронесла по деревне новость:

— Грузди, грузди пошли!

А грузди — упустишь слой — не воротишь: сегодня они есть, а через неделю и искать бесполезно, прекратится рост.

Полежаево всполошилось. Мария Флегонтовна, Аликова мать, и та поддалась панике. Кинулась к Поле-милей:

— Своди моего парня.

А Поля-милая разве поведет.

— Ой, Мария Флегонтовна, не знаю, куда и вести. Я ведь на Басалаевском хуторе была, так все обломала. Мне не жалко, сводила бы, дак впустую время умелем... Ты бы лучше к Микуленку сходила, у него парень, как ищейка, все места знает.

Так и пришла Мария Флегонтовна к Митьке Микуленку. Говорит, и с Николой понянчусь, и если долго не вернетесь, а пригонят коров, так Пеструху загоню во двор, и поросенка закрою. Ни о чем не беспокойтесь, только сводите парня в лес.

Митька боялся, что мать заотнекивается — как же, оставит она с чужими людьми Николу, — но мать без уламывания согласилась:

— Пусть сходят. Алик места узнает, так и один потом сбегает.

То-то для Митьки был праздник.

Они вышли из дому поздновато: пастух уже прогнал по деревне коров. И Митька переживал, что не успеют напасть на грибы, как солнце встанет на их пути. При встречном солнце рябит в глазах, и опавшие листья бог весть за чьи только шляпки не принимаешь. Мечешься из стороны в сторону как угорелый — и все впустую. Грибы лучше собирать, когда солнце стоит со спины. Вот тогда глаз становится спокойнее, зорче.

Тропа виляла берегом речки. На траве слезами лежала роса. Но, уже подсыхая, чадил осот, и пахли медом багульники.

В кустах сновали дрозды-рябинники. В омутках, на солнцегреве, при приближении шагов испуганно всплескивали щурята. День обещал быть знойным.

Тропинка свернула в лес.

Митька слышал, как Алик сопел за спиной, и не оборачивался. Он боялся, что они опоздают к Захаровским вырубкам и что кто-то до них обязательно там уже побывал. Конечно, в лесу места хватит всем. Но обидно идти по чьим-то следам, натываясь на обрезанные корешки груздей. Выйди они сразу из дому пораньше, эти грузди попали бы в их корзины. А так еще неизвестно, что найдешь. Может, слой груздей давно отошел, и Поля-милая наткнулась на его остатки. Вот уж тогда от Алика насмешек не оберешься. Скажет: «У нас в Улумбеке, у нас в Улумбеке...» Митька даже голос его недовольный

услышал. И почувствовал на спине насмешливый взгляд.

Оглянулся: нет, Алик и не думал смеяться. Пыхтел сзади, надламывая на поворотах тропинки лапы елочек. «Дорогу метит», — понял Митька и посоветовал:

— Не бойся, в лесу не оставляю.

— Да это на всякий случай.

Над ними с шумом, обламывая сучья, снялась какая-то птица. Алик замедлил шаг.

— Да это сова, — успокоил его Митька. — Мышковала ночью и над тропой, видно, уснула. Мы потревожили.

— Ишь ты, а у нас в Улумбеке совы не водятся.

— Ну-у, здесь сколько угодно.

Тропа измельчилась на несчетное число рукавов, и ее стало совсем незаметно среди черничника. Алик время от времени делал заломы на деревьях, вырезал на замшелых елях залысины и все оглядывался, видны ли его отметины.

Захаровские вырубki начинались за Естехиным логом. Лог давно не косили, и его затянуло багульником, дудками и камышом, вымахавшим в рост человека. Митька сразу определил, что трава тут немятая: значит, в рубках пока никто не бывал.

— Ну, наша взяла, — сказал он и удовлетворенно потер ладони одна о другую. — Готовь, Алька, корзину.

Пока перебирались через лог, изрядно вымочились в росе, и Алик заежился от озноба:

— У костра бы посушиться. — В нем не было прежней уверенности, он нахохлился, как воробей.

— Да ты что? Это же роса! Для здоровья полезно. Мне бабушка рассказывала, раньше больных нарочно в росе купали.

Солнце выходило с левого боку, высвечивая вершины деревьев. В его лучах поникшие искрились мокрые листья. Митьке хорошо знаком этот рассветный час. Пройдет поверху ветерок, обдунет лес, и листья, обсохнув, расправятся, зашелестят.

— Пошли. На ходу согреешься.

Они двинулись вдоль угора, натываясь на мокрую паутину, обмахивая ее с лица и выбирая проходы пошире, чтобы не угодить под росяной душ с кустов.

Митька издали углядел под лапами ельника сахарную белизну гриба:

— Вот он, родименький!

Груздь обвесился бахромой, был плотный, как дерево. На зеленеющих пластинках его обильно выступило клейкое молоко.

— Самое время ему, — сказал Митька и великодушно передал гриб Алику. — Первый — тебе. А ну, поползай-ка тут на коленях.

Он не дождался Алика, сам шриник к земле и стал шарить руками по подстилке из жухлых листьев. И мост из груздей потянулся от одной кочки к другой.

— Да это сова, —
успокоил его Митька.

Но грибы, как назло,
больше не попадались.

— Ты собирай здесь, а я дальше пойду,— продолжал великодушничать Митька, загорающаяся радостью от ожидаемой и почти уже привалившей в руки удачи: «Есть, есть грузди!»

Алька, не веря глазам, суетливо срезал грибы ножиком и, торопясь, не успевал их складывать в корзину, сбрасывая в кучки, словно кто-то мог опередить его, обобрав те, что оставались пока на корню.

— Да не торопись ты, все твои будут.

Митька не успел выйти из поля Алькиной видимости, как опять напал на грибной мост.

— Ну, не кончились у тебя? — крикнул он Алику и огляделся, велика ли семейка груздей попаласть ему на этот раз. Белые шляпки там и тут топорщились под листвой. — Давай сюда! У меня много.

Алик прибежал сломя голову:

— Где?

Они обломали грибы и по урезу Естехина лога направились в вершину. Насколько хватало глаз, впереди тянулся черничник. Для груздей лучшего места и придумать нельзя.

Но грибы, как назло, больше не попадались, будто под землю спрятались. Митька и в чащобу ельника залезал и на другой берег Естехина лога бегал — только зря вымок. Да что за черт такой!

— Поворотили назад!

Они вернулись туда, откуда начали. Но, кроме обрезанных корешков, мало чего найдешь. Коли мост кончился, так новый за десять минут не вымахал. Митька, правда, рядом со своими же срезами откопал еще два груздочка. Но ведь два — не сотня. Положил в корзину, и не видно, что прибыло.

Под елочкой выпутал из травы штук десять рыжиков — холодные, скользкие, как лягушки. От этих тоже прибавку немного.

Алик подбивал Митьку на волнушки и сыроежки. Этих, как поганок, неспровокаешь. Но стоило ли за ними в такую даль плестись? Их под Полежаевом на угорах хоть лопатой гребь.

Свернули в старую вырубку, затянутую березняком. Если и тут нету, — придется поворачивать оглобли домой.

Но у Митьки теплилась надежда: должны же быть. Земля-то вон какая парная. На черничнике нету, так в березняке уродилось. Год на год не приходится. Одним летом груздь прорезался в ельнике, другим — в березняке. А нынче-то, пожалуй, на березняк и смахивает: дожди не идут. В ельнике-то и без дождей сыро, а после дождей совсем затопило, до грибницы воздуху не проникнуть, какие тут грузди.

От догадки Митька повеселел.

В березняке было просторнее, лес проглядывался далеко.

— Ты иди туда, — Митька махнул рукой в сторону гари, — а я здесь поищу. В четыре-то глаза больше найдем.

Они шли по лесу и аукались.

Грузди попадались здесь чаще, но одиночные. Митька совсем упал духом.

— У тебя-то там как? — крикнул он Алику.

— Пло-о-хо, — отозвался Алик.

— И у меня пло-о-хо, — ответил Митька.

Эхо пронеслось по березняку и затихло.

Солнце уже выкатилось к зениту. Лес ожил от шума листвы, и кусты больше не обдавали Митьку дождем, когда он лез через них напролом.

— Попадает чего-нибудь? — нетерпеливо поинтересовался Митька.

Алик долго не отвечал, и Митька, испугавшись, что он на безгрибье убежал далеко, сложил руки рупором и закричал:

— А-алик!

— Ну, чего тебе? — отозвался тот за ближними кустами.

— Попадает чего-нибудь?

— Плохо.

— И у меня плохо.

Митька решил возвращаться и пошел на сближение с Аликом. Он выскочил к гари и обомлел: поляна была усеяна свежими корешками груздей. Кого это черт носил? Митька присел на корточки, повертел перед глазами один корень, другой — недавний срез: зеленое молоко не успело обсохнуть.

— Алик, — удрученным голосом позвал он товарища, всматриваясь в кусты, за которыми Алик только что трещал валежником. Кусты тянулись к лого, а за ними никого не было видно.

— А-а-лик, а-а-у! — крикнул Митька громче.

— Ау-у, — отозвался Алик вдали.

«Ты смотри, как далеко умахал», — подумал Митька и заторопился на голос. По пути попалось еще несколько одиночных груздей. Митька на ходу очистил их от присохшей хвои и листьев и снова наткнулся на следы моста. И опять корешки были свежие. «Уж не Алька ли обломал?» — подумал Митя и стыдливо отогнал навязчивую мысль.

— А-алик!

Алик вывалился из кустов, тяжело изболевшись. Корзина у него доверху была набита груздями.

— У тебя-то как? — спросил Алик, ревниво заглядывая через плечо Митьки.

— Я же кричал тебе, что плохо.

Алик поставил корзину на землю и, упершись руками в поясницу, прогнулся, разминая затекшую спину.

— Нет, я ничего, на три кустика набрел.

— Да я уж видел обрезки, — сказал Митька тоскливо.

— Хорошие кустики. — Алик самодовольно улыбался.

— Пошли, — сказал Митька сердито. — Дорогу-то домой запомнил?

— А как же. — Корзина у Алика натруженно поскрипывала. — Меня один раз прове-

ди — на всю жизнь запомню. Потом хоть с завязанными глазами пройду.

Они стали спускаться к лого. И — надо же! — под ногой у Митьки неожиданно хрустнуло. Груздь раздавил. Нагнулся Митька, а по всему угору бело. Смотри ты, на солнышко выскочили.

Митька опомниться не успел, а Алик корзину свою отставил и запрыгал от груздя к груздю. Нарезет в подол рубахи — и к корзине. Нарезет снова — и опять вывалит в кучу.

Митька не спеша наполнил корзину. Теперь торопиться незачем: пошли груздочки. Хоть каждый день бегай сюда. А мать увидит, что не пустой вернулся, сама Митьку пошлет в лес. И Николу найдет пристроить к кому.

— Ну, двинулись...

А Алик вертелся вокруг горки груздей и ничего придумать не мог. Рубаху стащил было с себя, хотел ее набить, да комары облепили спину. Пришлось отказаться от этой затеи.

— Митька, ну чего делать-то?

— А я знаю, чего...

— Не оставлять же тут.

— Чего хошь, то и делай.

Алик сложил грузди под елочку, забросал лапником, а на дереве зальсину выстрогал.

— Сегодня же прибегу.

У Митьки пропало всякое настроение. Не груздей было жалко, а чего-то иного, чему Митька не находил объяснения.

Корзина и у него тяжело поскрипывала, а праздника на душе не было.

Ведет
журналист-
международник
Яков БОРОВОЙ.

Выступая на XXV съезде Коммунистической партии с Отчетным докладом, Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев сказал: «Оздоровление международного климата убедительно свидетельствует, что достижение прочного мира — не благое пожелание, а вполне реальная задача. Во имя ее решения можно и нужно продолжать работать, не жалея сил!»

Сегодня в пресс-центре — представители разных стран. Они говорят о значении XXV съезда Коммунистической партии Советского Союза для будущего всех народов, для дела мира.

Ради мира на земле

Рышард Тырлюк, заместитель Генерального секретаря Всепольского комитета мира.

— Мы всегда с благодарностью помним, что родина Ленина — первая в мировой истории страна социализма — всегда находилась в авангарде борьбы за мир и дружбу между народами.

Хуан Маринельо, член ЦК Компартии Кубы.

— Страна Советов — надежный друг всех народов, борющихся против угнетения, за свободу и независимость.

Дружба между советским и кубинским народами крепнет год от года!

Гордон Макленнан, Генеральный секретарь Коммунистической партии Великобритании

— Решения XXV съезда дадут мощный толчок прогрессивным силам для усиления борьбы за мирное сотрудничество, разоружение и международную разрядку.

Жан Венсан, Председатель Швейцарской партии труда.

— Уже самим фактом существования, своей экономической, политической и оборонной мощью Советский Союз способствует борьбе народов за мир, за социальные и демократические права. Всем известна бескорыстная помощь СССР государствам, недавно освободившимся от угнетения.

Франсиско Мендес, глава правительства республики Гвинея-Бисау.

— Народ Гвинеи-Бисау никогда не забудет бескорыстную помощь СССР, оказанную нашей партии в годы вооруженной борьбы против португальских колонизаторов.

Мы гордимся тем, что симпатии вашей великой страны всегда на стороне народов, борющихся за лучшее будущее, за национальную независимость и социальный прогресс.

Не всем
будет
весело
в этот день...

Рисунки
Е. ШАБЕЛЬНИКА.

4 июля американский народ будет праздновать двухсотлетие своей страны.

В шестнадцатом — семнадцатом веках в Северную Америку пришли колонизаторы Испании, Франции, Англии, Нидерландов и Швеции. Англичане захватили большую часть земель. Они жестоко эксплуатировали коренных жителей Америки — индейцев, истребляли их.

Американский народ не выдержал иностранного гнета и в 1775 году начал войну за независимость. В. И. Ленин назвал ее революционной, освободительной войной американского народа против разбойников англичан.

Война длилась до 1776 года. 4 июля была принята Декларация

Независимости. Тринадцать английских колоний в Северной Америке получили независимость от Англии. В Декларации впервые в истории были провозглашены права каждого гражданина на «жизнь, свободу и стремление к счастью». Так началась история Соединенных Штатов Америки.

За двести лет Соединенные Штаты стали богатой капиталистической страной. Создали богатство Америки трудящиеся, но они то в первую очередь и страдают от противоречий капитализма.

В 1787 году была принята Конституция США. В дальнейшем к Конституции добавлены десять поправок, названных «Биллем о правах». Конституция и «Билль о правах» были для своего времени

демократическими. В них записано, что граждане Америки независимо от цвета кожи и материального положения имеют одинаковые права.

Но на деле демократические права граждан нарушаются на каждом шагу. С детства негры сталкиваются с несправедливостью. До 1954 года негритянские дети не имели права учиться в одной школе с белыми. В 1954 году Верховный суд признал, что такое разделение школ противоречит Конституции США. Но до сих пор эта несправедливость существует. Белые расисты заявили: «Никакого примирения!» Они нападают на негритянских школьников, которые протестуют против дискриминации учеников белыми преподавателями, они угрожают, что «звон колоколов по поводу двухсотлетия Соединенных Штатов будет заглушен звоном разбитых стекол в тех школах, где учатся цветные».

В Америке до сих пор существует расистская организация «Ку-Клукс-Клан», хотя она и была официально запрещена еще в 1944 году. Под лицемерным лозунгом «Спасите белых американцев!» ку-клуксклановцы расправляются с неграми.

Коммунистическая партия США борется за то, чтобы все американцы были равны.

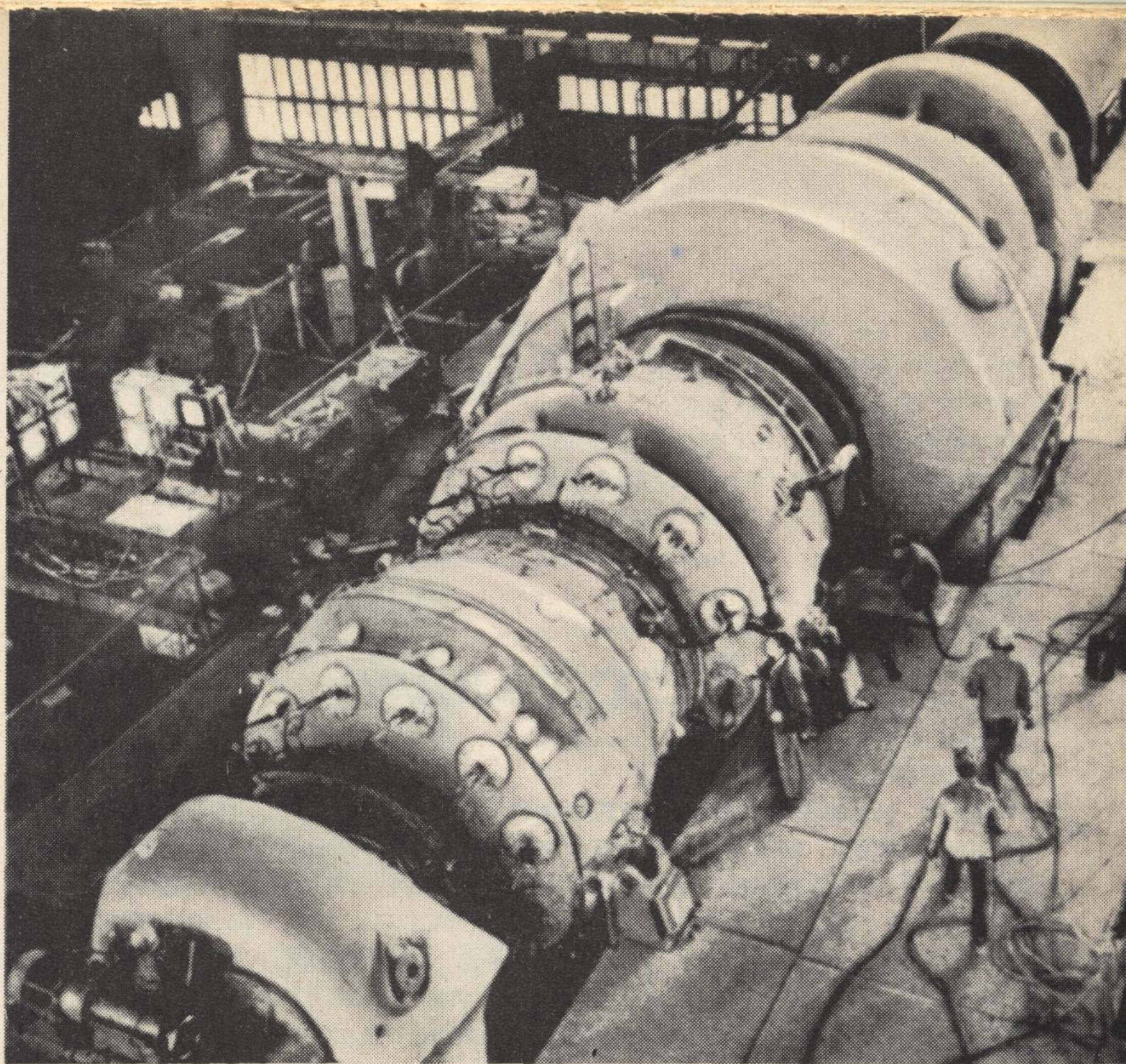
Как же встречают американцы двухсотлетие своей страны?

Самая богатая капиталистическая страна переживает тяжелейший экономический кризис. В США почти десять миллионов безработных.

Коренные жители — чернокожие американцы и индейцы — до сих пор считаются гражданами второго сорта. Вот почему одна пожилая индейка сказала: «Незачем нам праздновать двухсотлетие убийств и заключения в резервации индейского народа».

Да, не всем американцам будет весело в этот праздничный день, 4 июля 1976 года.

У наших друзей

Венгрия вместе со странами, входящими в Совет Экономической Взаимопомощи, участвует в строительстве Усть-Илимского целлюлозного завода, газопровода «Братство», линии электропередачи из Винницы (СССР) в Альбертиршу (Венгрия) и газопровода Оренбург—Западная граница СССР. Его строят Болгария, Венгрия, ГДР, Польша, Чехословакия, СССР и Румыния.

На фотографии вы видите монтаж самой мощной в Венгрии газовой турбины.

Новые

марки

венгерские

Эти марки выпущены в связи с семидесятилетием венгерского автоклуба. На одной из марок — эмблема этого клуба. По обе стороны от нее — эмблемы международных организаций автолюбителей.

На других марках — старинные автомобили: «мерседес» (1901 год), «форд-Т» (1908 год), венгерские «чонка» (1906 год) и «эроу» (1915 год).

Испугались

Вот уже больше пятидесяти лет в Великобритании существует организация «Вудворд Фолкс» («Лесной народ»), которая объединяет детей от шести до семнадцати лет. Эта организация состоит из трех детских обществ: «Элфинс» («Эльфы»), «Пайонирс» («Разведчики») и «Венчурерс» («Искатели приключений»).

В «Вудворд Фолкс» воспитывают детей в духе дружбы с детьми других стран, в духе защиты мира.

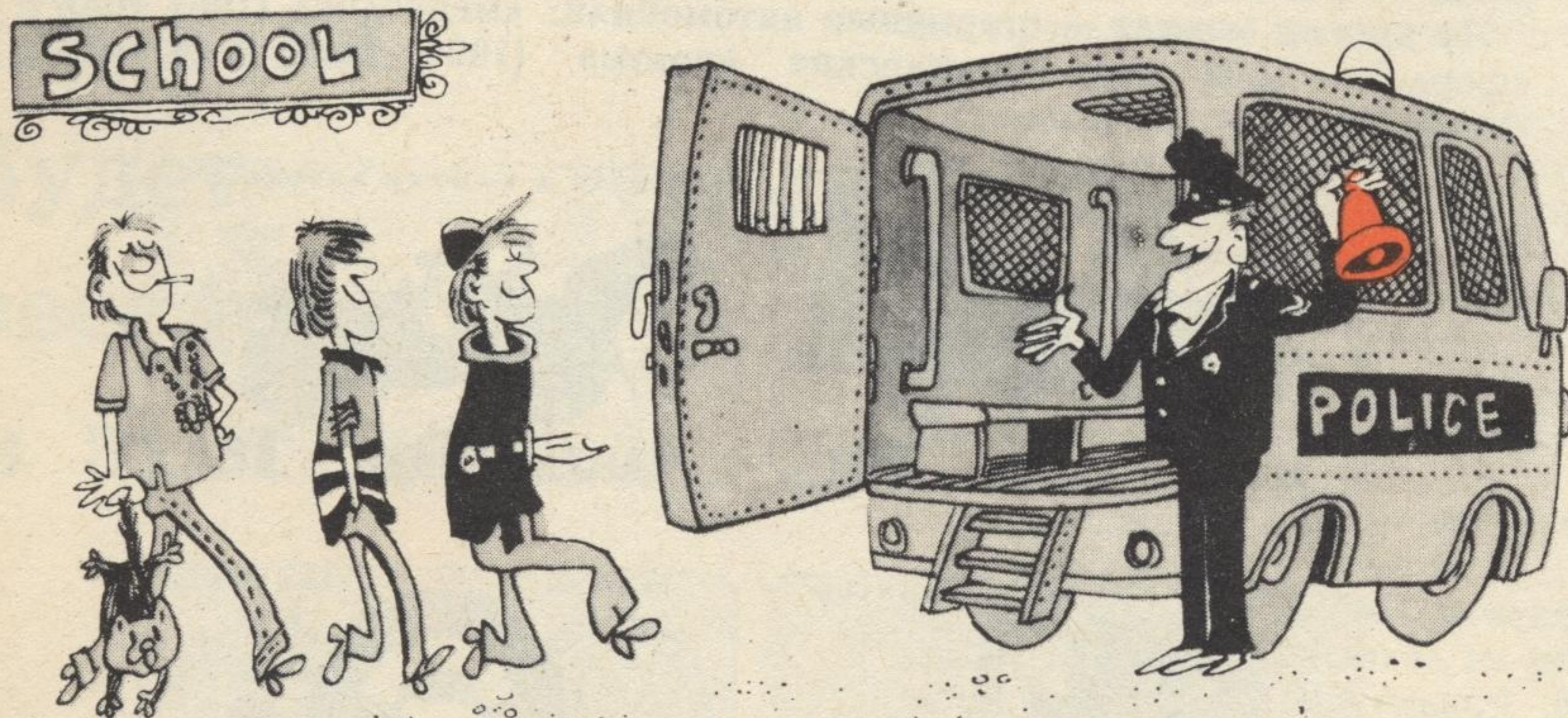
И вдруг тревога! Английская газета «Гардиан» сообщила, что консерваторы озабочены деятельностью этой организации. Они заявили, что эти дети участвуют в «крайне нежелательных и находящихся под влиянием коммунистов обществах».

Лидеры консервативной партии выступили с призывом приложить все силы для отпора «красной опасности».

«Элфинсы действуют!» — испуганно кричат консерваторы. Членам этой группы от шести до девяти лет. Что же такое делают маленькие «эльфы»? Собирают деньги для помощи безработным и бедным, налаживают переписку с детьми социалистических стран.

Глупая, смехотворная кампания консерваторов вызвала, конечно, протест у здравомыслящих англичан. Секретарь «Вудворд Фолкс» Маргарет Уайт заявила: «Считать, что идеи мира и дружбы между народами опасны для нашего общества, по меньшей мере глупо».

В школах капиталистических стран с каждым годом растет преступность. Английский журнал «Панч» пишет, что полицейские в любое время могут подъехать к школе и для них всегда найдется... работа.

— Добро пожаловать в полицейский участок!

ИЗ ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ ВОЗВРАТЯТЬСЯ

Озерные сыны

Есть в Бирме небольшая народность интха (озерные сыны). В старинной легенде говорится, что давным-давно жили озерные сыны вокруг озера Инле в Шанском го-

сударстве. Красные лилии росли на озере, а над ним летали белоснежные чайки. Все было бы хорошо, если бы не злые соседи. Они часто нападали на интхов, разоряли их дома. Тогда интхи решили уйти и построили дома посреди озера, куда не так-то легко добраться.

С тех пор они так и живут на озере.

Посреди озера на высоких бамбуковых сваях стоят дома, пагоды, школы, лавки. Между ними снуют лодки, ялики, челны. Нужно тебе в школу — плыви на лодке, в гости — опять на лодке.

Перед каждым домом — небольшой огород. Сотни раз пришлось хозяину огорода съездить на берег, чтобы привезти землю. Чтобы огород не уплыл, его прикрепляют к бамбуковому шесту.

Интхи — искусные гребцы. Они гребут не только руками, но и ногами. Часто устраиваются соревнования по такому необычному виду спорта. Нужно обладать большим мастерством, чтобы при помощи ног управлять веслами в челне, в который усаживается по десять — пятнадцать человек.

М. ГОДУНОВА.

Журнал

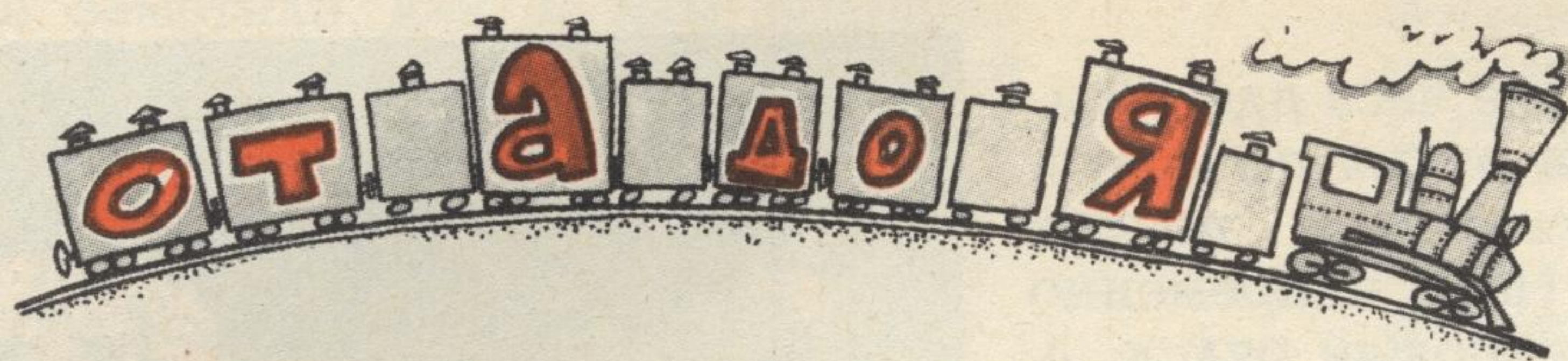
Знакомьтесь!

«Новое время»

Перед вами один из номеров этого журнала, на обложке которого — плакат художника И. Смирнова «Свободу Луису Корвалану!», призывающий всех честных людей мира бороться против злодеяний хунты в Чили.

Если вы хотите узнать, что происходит в мире, — читайте журнал «Новое время». Вы узнаете много интересного и сможете сделать сообщение в классе о событиях в Чили, Анголе, Лаосе, Португалии и в других странах.

В пресс-центр приходит много писем, в которых наши читатели просят объяснить значение тех или иных слов. В этом номере мы отвечаем **Андрею Юракову** из Новосибирска, **Оле Ташкеновой** из Гурьева, **Ире Парахиной** из села Богатое Северо-Казахстанской области.

Коммунистическая партия Великобритании. — Основана в 1920 году. Программа Коммунистической партии носит название «Путь Британии к социализму». Партия защищает интересы рабочего класса.

Делегация Коммунистической партии Великобритании участвовала в работе международных Совещаний коммунистических и рабочих партий, принимала участие в работе XXV съезда КПСС.

СЭВ. — Совет Экономической Взаимопомощи. Международная организация социалистических государств, созданная в январе 1949 года. В эту организацию входят девять стран: Болгария, Венгрия, ГДР, Монголия, Польша, Румыния, Советский Союз, Куба и Чехословакия.

Цель СЭВ — экономическое сотрудничество в разных областях хозяйства, обеспечение мира во всем мире. Страны СЭВ строят свои отношения на принципах полного равноправия, уважения интересов каждой страны, товарищеской помощи и сотрудничества.

Консерваторы. — Члены консервативной партии Великобритании, крупнейшей организации господствующих классов, в которую входят промышленники и крупные землевладельцы.

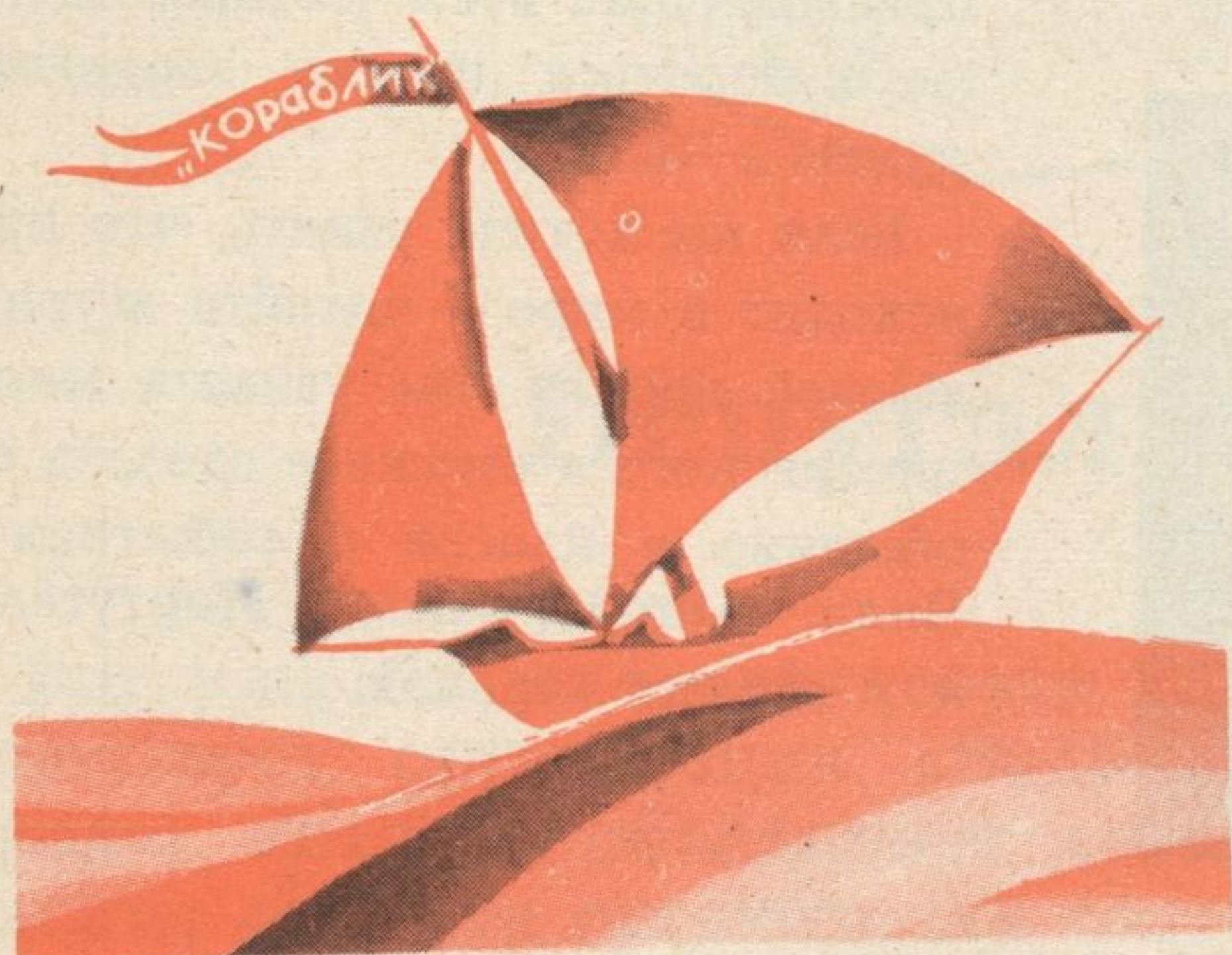
Партия основана в 1867 году. Лидер партии Маргарет Тэтчер. Членов этой партии в Англии называют тори.

Лейбористы. — Члены лейбористской партии Великобритании, одной из ведущих политических организаций страны. Партия представляет интересы мелких предпринимателей, интеллигенции, рабочей аристократии. Лидеры лейбористов стремятся обеспечить «классовый мир» между рабочими и капиталистами.

Основана в 1900 году. Сейчас партия находится у власти. Недавно председатель лейбористской партии Джон Каллаган был избран премьер-министром Великобритании.

У ребят из станицы Советской Ставропольского края есть свой юнкоровский пост. Руководит им учитель литературы Виктор Федорович Лунев. Ребята выступают со своими сказками и стихами в пионерском лагере, в клубе, на школьных вечерах. А сегодня они гости «Кораблика».

Саша ЛУНЕВ

Победа

Лето. Июнь. Вот уже больше часа идем мы, не разгибаясь, с мотыгами в руках по арбузному полю. Надо рыхлить землю вокруг каждого арбузного всхода. Надо непременно пройти этот полуторакилометровый рядок. А жара такая, что кажется, летит с неба Змей-Горыныч и дышит огнем тебе в спину. Мышцы уже одеревенели от усталости. На ладонях появились мозоли. Но самое главное — мучит жажда. Вот там, в конце рядка, под развесистым кленом поблескивает белый бидон. По холодным его бокам из опрокинутой кружки стекают в траву на потрескавшуюся от жары землю искристые капли драгоценной влаги.

Но я не пойду к воде, пока не закончу свой рядок! Смотрю вперед, оглядываюсь, сравниваю. До конца рядка еще метров двести. Двести метров! Разве смогу я столько пройти... Двести не смогу, а вот до того кустика дойду все-таки. Дохожу до кустика и ставлю перед собой новую цель: дополоть вон до той бурьянины. Тут всего метров десять. Потом я пропалываю еще десять метров, потом еще и еще. Смотрю и глазам не верю: конец! Хочется поднять тяпку, как поднимает хоккеист, забивший гол, свою клюшку, закричать «ура!» и побежать к бидону. Но я срубаю последние сорняки. Кладу тяпку на плечо и, прежде чем подойти к зеленому клену, оглядываюсь на свой рядок, на свой Измаил, который я все-таки взял с честью. Срубленная трава уже высохла, мой аккуратный зеленый рядок напоминает мальчишку, который только что побывал в парикмахерской.

А потом так приятно было лежать под тенистым деревом...

Светлана ДУЛЬНЕВА

Ветераны

Мы героев повсюду искали,
А они оказались рядом.
Просто мы их не замечали,
Не встречали приветливым взглядом.
И они проходили мимо
И о чем-то своем мечтали.
Улыбались чему-то мило,
Что-то в лицах наших читали.
И вот в праздничный День Победы,
Удивленные, мы увидали:
Деды, деды, наши соседи,
Гимнастерки надели, медали!..

Таня ШОЛОХОВА

Папин подарок

Когда папа уходил на работу в бригаду, он всегда брал из дому хлеб. Он никогда не съедал его весь и вечером оставшийся хлеб приносил домой. Я у него спрашивала, откуда этот хлеб. Папа отвечал, что это ему заяц для меня передал. Мне зайкин хлеб всегда нравился: зимой от него пахло морозом, весной — цветами, летом — ветром и солнцем.

Сергея МАКСИМОВ

Пирог

Как-то раз моя мама испекла пирог для гостей. Он был такой красивый, что я не мог отойти от него. Тут я и поддался соблазну и отломил кусочек. Он оказался таким сладким, что я отломил еще кусочек. Мне казалось, что пирог пахнет нежными мамиными руками. Когда я опомнился, был уже вечер, а от пирога ничего не осталось. Я вспомнил, что пирог был к чаю, и заплакал. На мой плач из соседней комнаты прибежала мама. Увидев, что на тарелке вместо пирога остались одни крошки, она развела руками. Я думал, что она будет ругать меня или поставит в угол. Но мама не сделала этого. Она подошла ко мне, погладила по голове и ушла.

С тех пор я не поддаюсь такому соблазну.

Слава ДОЛГАНОВ

Дедушкин ежонок

Однажды мы собрались на полянке поиграть. Мы не заметили, как к нам подошел знакомый дедушка. Он понаблюдал за нашей игрой, потом подозвал нас к себе. Дедушка раскрыл руки, и мы увидели у него в руках, по которым лучиками разбежались морщинки, маленького колючего ежонка. Дедушка сказал, что ежонок остался без мамы, и отдал его нам. Мы поблагодарили дедушку и побежали домой. Поселили мы ежика у одного нашего товарища. По утрам мы ходили смотреть, как наш ежик лакает молоко. Вскоре он окреп и превратился во взрослого ежа. Одним летним утром мы выпустили ежа на волю.

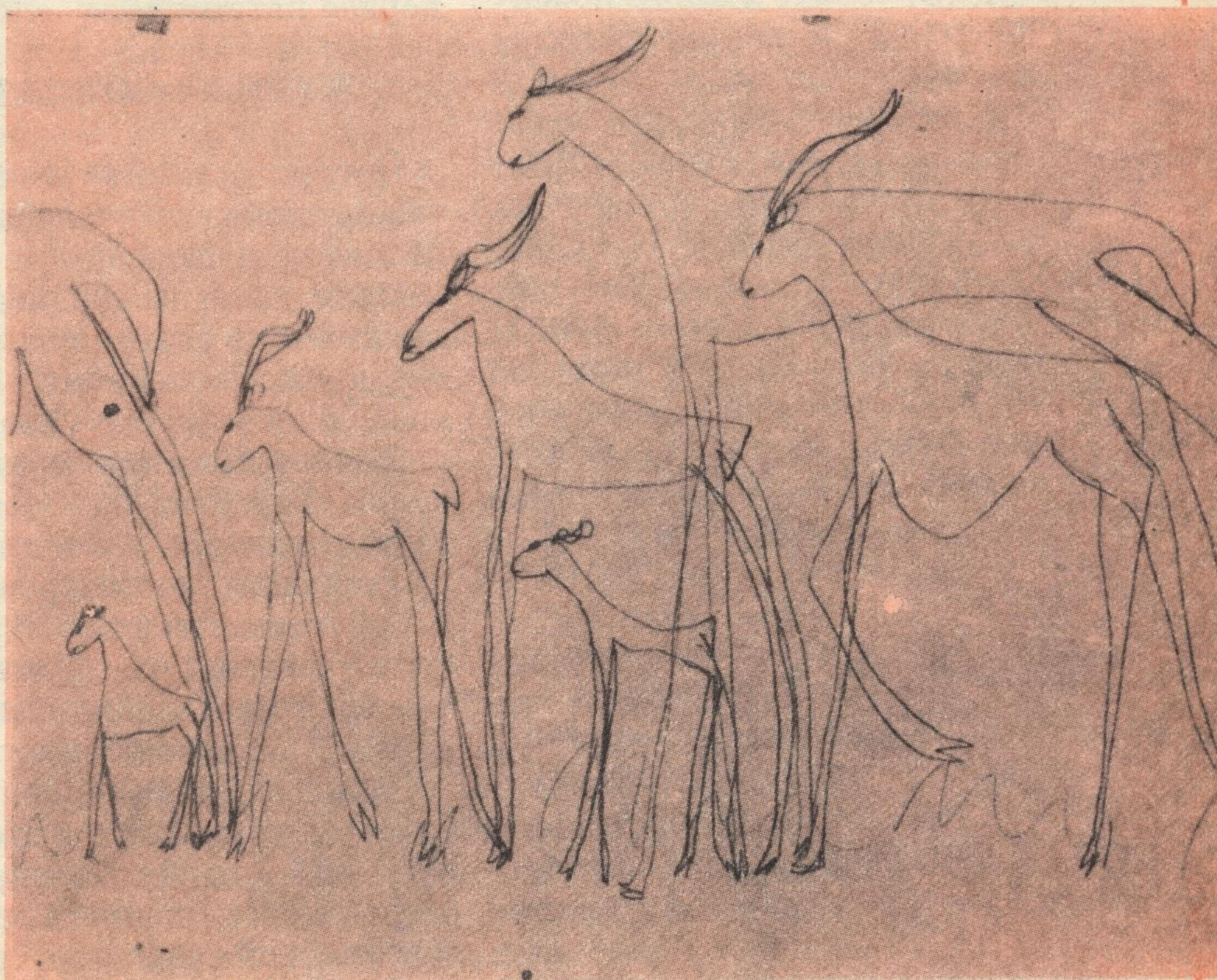
Жанна ТКАЧЕВА

Свист

Хочу свистеть я соловьем.
И друг мой тоже хочет.
И вот свистим мы с ним вдвоем,
А детвора хохочет.
Свистим мы дружно —
Он и я,
Но свист не удастся:
Не льется трель —
Шипит змея!
И детвора смеется.
Смеяться что:
Хи-хи, ха-ха.
Смеяться — дело-чепуха.
А раз хоть свистнуть
Птицей
Попробуй научиться!
Хочу свистеть я соловьем.
И друг мой тоже хочет.
И вот свистим мы с ним вдвоем.
Пусть детвора хохочет!

В прошлом номере нашего журнала ты видел много картинок с Международной выставки детского рисунка, которая экспонировалась в залах Академии Художеств Москвы. Картинки были цветные. А теперь посмотри, как красивы рисунки, выполненные простым карандашом. На этой странице «Кошка и воробьи» Иветты Мюллеровой из Чехословакии и «Косули» ленинградки Иры Жерносековой, а слева — «Свадьба» — гравюра Светланы Штетич из Югославии.

С. ИВАНОВ

Свет

КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

В июле 1936 года, ровно сорок лет назад, появился детский журнал «Костер».

Его создателем был Самуил Яковлевич Маршак. А он очень хорошо знал, что нужно ребятам, чтобы было интересно: прежде всего в журнале должны быть хорошие рассказы, повести, хорошие стихи.

Вот он лежит перед нами, самый первый номер «Костра». Листаешь его, и просто дух захватывает оттого, какие удивительные, прекрасные вещи здесь напечатаны!

«Послушайте повесть
Минувших времен
О доблестном принце
По имени Джон...»

Да! В «Костре» впервые печаталась английская народная баллада «Король и пастух» в переводе Маршака. А рядом приключенческий рассказ, его автор Евгений Шварц, тот самый, который написал потом «Снежную королеву», «Обыкновенное чудо» и другие замечательные свои пьесы-сказки... Тут же невероятно смешной рассказ Марка Твена «Война с велосипедом» в пересказе Даниила Хармса. И «Тиль Уленшпигель» в обработке Николая Заболоцкого. И еще здесь один из рассказов о Ф. Э. Дзержинском, написанный Ольгой Берггольц. И еще первый очерк М. Ильина из книги «Как человек стал великаном».

Вообще довоенный «Костер» — это целые литературные клады.

На его страницах были напечатаны «Два капитана» В. Каверина,

«Мальчик из Уржума» А. Голубевой, «Рассказы о Ленине» М. Зощенко и многие другие замечательные произведения, которые теперь стали классикой детской литературы.

Но не только литературой своей знаменит был довоенный «Костер». С первых номеров в журнале появился отдел «У костра». Ребята присылали письма с вопросами. А отвечали им самые интересные люди страны.

— Надо привлечь к журналу «бывалых людей», — говорил Самуил Яковлевич.

И вот о кино ребятам рассказывали братья Васильевы (те самые, что сделали фильм «Чапаев»), о делах военных — герой гражданской войны, командарм I ранга Шапошников, о литературе — Корней Иванович Чуковский, об освоении Арктики — знаменитый полярный капитан Владимир Юльевич Визе, о том, как он летал на Землю Франца-Иосифа, — летчик Михаил Водопьянов, секреты шахмат раскрывал ребятам юный гроссмейстер Михаил Ботвинник...

Таким был «Костер» в свое первое пятилетие.

ЖУРНАЛ-СОЛДАТ

Но пришел 1941 год. Началась война. Началась блокада Ленинграда.

Одни ушли на фронт, другие уехали в эвакуацию. В октябре сорок первого вышел последний номер «Костра».

Дома у Натальи Владимировны Теребинской, заместителя редактора «Костра», в промерзшей ее квартире в неприкосновенности хранились костровские рукописи, те, что не успели увидеть свет.

Наталья Владимировна пошла в горком комсомола. Нелегкий это был путь: мороз, узкая тропинка среди заваленных сугробами улиц.

В горкоме решили: «Костер» должен выходить!»

Должен. Но бумаги нет, типографии закрыты. И все-таки журнал для ребят будет выходить — так постановил комсомол осажденного, сражающегося Ленинграда.

В феврале сорок второго вышел первый номер «Радиокостра». Редактором его была Наталья Владимировна. Ей помогали Екатерина Боронина, Ольга Кузнецова, Михаил Дудин, Владимир Беляев, Лев Успенский, Николай Чуковский, Николай Григорьев и многие другие. Не теряли они связи с жур-

налом и тогда, когда были уже на передовой.

Как работали в ту пору ленинградцы? Об этом знают теперь все. И этому есть только одно определение — беззаветное мужество. На улицах рвались снаряды. А в радиокомитете каждый четверг ровно сорок минут шла передача «Радиокостра». Сколько же ленинградских ребят грелось около него! Тех самых, у которых на завтрак, на обед и на ужин был один-единственный кусок хлеба с кипятком...

«Радиокостер» рассказывал ребятам о том, как борются советские люди против фашистских захватчиков, о мужестве советских людей на фронте и в тылу, о том, как взрослые и дети, каждый на своем месте, помогают ковать победу.

«Радиокостер» продолжался около двух лет. Но уже с

«Костра»

осени сорок второго года возобновился печатный «Костер».

«КОСТЕР» СЕГОДНЯ

И вот перед нами «Костер» наших дней.

Журнал такой же боевой и веселый, задорный и серьезный. Его любят читать не только ленинградские ребята, но и ребята всей страны. По-прежнему у журнала постоянная связь с читателями. Костровцы умеют откликнуться на ребячьи предложения, подхватить их, помочь

ли редакции много интересных отделов и рубрик. Так появились «Путешествия «Костра», любимый всеми читателями КЮК — «Клуб юных корреспондентов», «Почта Кости Теркина»...

Был еще один увлекательный отдел — «Страна Поэзия». В журнале печаталось очень известное стихотворение, и его автор рассказывал читателям о том, как и по какому поводу оно было написано. Так, Александр Твардовский рассказал о стихотворении «Я убит подо Ржевом...», а Михаил Исаковский — о том, как создавалась его знаменитая «Катюша». В течение нескольких лет наши крупнейшие поэты помогали ребятам понять и полюбить поэзию.

На страницах журнала выступают лучшие люди страны. Они говорят о том, как важно любить свой труд, рассказывают о тех, кто самоотверженно трудится на заводах и в колхозах, рассказывают о новостройках, о десятой пятилетке, о Нечерном земье — этой Всесоюзной комсомольской стройке. Обо всем рассказывает сегодня «Костер» ребятам.

Об этом говорят и названия отделов журнала: «Окно пятилетки» и «Твой современник», «Новости науки и техники» и «Зеленые страницы», «Морская газета» и «Киноклуб».

«Костер» ведет своих читателей пионерскими маршрутами, они участвуют в акции «Берем с коммунистов пример».

Ну и, конечно, в каждом номере журнала есть новые стихи, рассказы, повести.

Главный редактор «Костра» теперь Святослав Владимирович Сахарнов. Он говорит:

— Мы стараемся следовать идее Горького и Маршала о привлечении в литературу «бывалых людей». В бли-

ТВОЙ
ЗАРУБЕЖНЫЙ
РОВЕСНИК

жайших номерах у нас выступят: археолог, сталевар, биолог, пожарный, математик.

— Расскажите, пожалуйста, Святослав Владимирович, о новом, так полюбившемся читателю разделе «Барабан».

— Это как бы продолжение старой рубрики «Костра» — «Клуба юных корреспондентов». Главное в нем — пионерские дела, жизнь звена, отряда, дружины. Ребята активно участвуют в «Барабане». У нас сейчас несколько сот постоянных корреспондентов. И они готовы выполнить любое задание редакции.

— А какие, например, задания бывают в «Барабане»?

— Ну, скажем, написать фельетон. Или конкурс на лучший рассказ: «Вдруг» и «Однажды». Или фотоконкурс «Вот это да!». Основа всех этих заданий и конкурсов — пионерские дела.

— Нельзя ли попросить вас открыть какую-нибудь редакционную тайну?

— Открыть тайну? Но тогда какая же это будет тайна! Впрочем, могу рассказать об одной нашей мечте. Очень хотим, чтобы однажды авторами целого номера «Костра» стали ребята. В редакции уже есть хорошие стихи, заметки, очерки, написанные ребятами. Не хватает только небольшой повести. Но, может быть, теперь, когда ребята узнают об этом...

Так живет сорокалетний «Костер» — молодо, интересно.

Поздравляем тебя, юбиляр!

Пусть всегда ярко горит твой ясный свет!

КОСТЕР
4 АПРЕЛЬ 1976

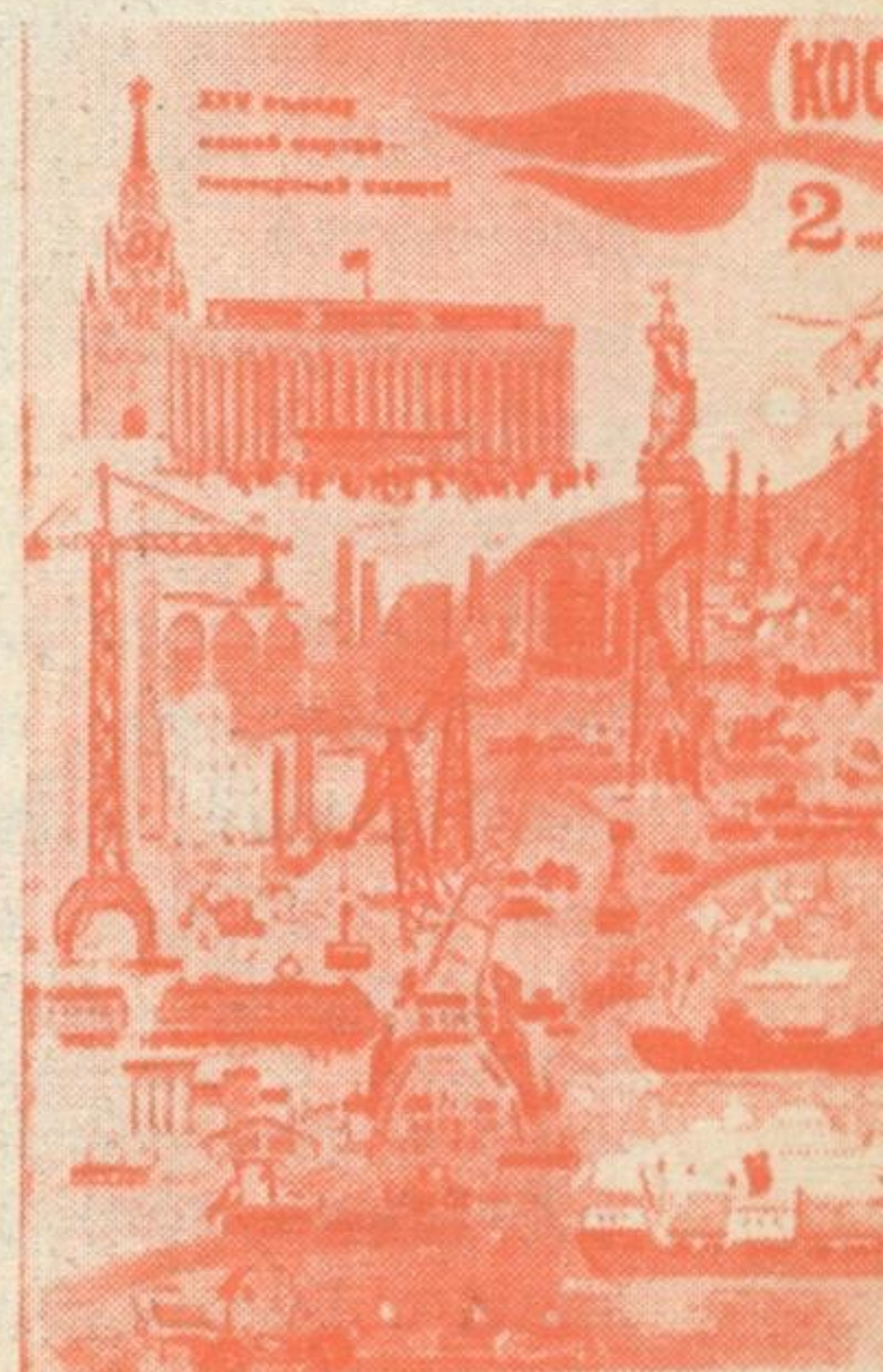
сделать по-настоящему интересными.

Почту обычно разбирал заместитель главного редактора Юрий Антонович Юркан. Он любил детей, и его всегда интересовали их дела и заботы. Он был старшим вожатым в школе, в Артеке, работал в Ленинградском Дворце пионеров имени А. А. Жданова, был членом Ленинградского совета пионерской организации. Около двадцати лет работал Юркан в «Костре». С ребятами его связывала крепкая дружба. Вот почему с таким вниманием смотрел Юрий Антонович редакционную почту. Юрий Антонович принял участие в десятках ребячьих судеб. И сейчас в редакцию приходят взрослые люди, которым, когда они были детьми, не раз помогал советом и делом Юрий Антонович. До самой своей смерти он оставался пионервожатым, энергичным, добрым, сердечным.

Ребятчьи письма подсказа-

за семь
печатам

ГАВРИИЛ ТРОЕПОЛЬСКИЙ

Белый Бим Черное ухо

ПОВЕСТЬ О ВЕРНОМ БИМЕ

Жила на свете собака. Сама белая, одно ухо черное. По кличке Бим. Если собрать все эти сведения вместе, получается, что ее полное имя — Белый Бим Черное ухо.

Бим был из породы сеттер-гордонов. Хорошая это порода, замечательные охотники. И умницы большие. Вот беда только: по стандартам охотничьих собак сеттер-гордон должен быть обязательно «черный с блестящим синеватым отливом — цвета воронова крыла, и обязательно с четко ограниченными яркими рыже-красными подпалинами...».

Бим же, как известно, родился белым. С этого все и началось.

По законам кинологии — науки о собаках — такого пса нельзя назвать породистым. А значит, никогда не видать ему собачьего паспорта — свидетельства о родословной.

Однако хозяин Бима, которого звали Иван Иванович, любил своего питомца и без всякого свидетельства. Любил за ум. За острое чутье. За умение понимать все с полуслова и даже с одного взгляда. А больше того — за дружбу и верность.

И Бимка любил Ивана Ивановича. Любил так преданно, как собаки любят очень хороших людей и никогда не будут любить человека плохого.

Вот так вместе они и жили.

Разные приключения происходили с Белым Бимом Черное ухо.

Собака — друг человека. Это известно всем. Но, к сожалению, далеко не каждый человек — друг собаки. Эту истину Биму пришлось испытать на собственной шкуре.

Удивительное дело! Писатель Гавриил Николаевич Троепольский написал как будто повесть о собаке, а читаешь ее и получается, что книга эта прежде всего о людях. Об их отношении к природе, к «братьям нашим меньшим» — животным и птицам, об отношении друг к другу.

А еще эта книга о Добре и Доверии. О том, как в общем-то неуютно живет на свете людям, к которым теряют доверие даже собаки...

Повесть Г. Н. Троепольского понравилась всем, кто ее читал, и юным и взрослым читателям. Государственная премия 1975 года за лучшее произведение литературы и искусства для детей — достойная награда автору «Белого Бима».

С. ЛЫТКАРИН

Возвращенное слово

У древних римлян была поговорка: книги, как люди, имеют свою судьбу. А потаенные истории многих изданий заставляют по-новому взглянуть и на судьбы людей. Вот одна такая история.

В 1827 году литератор и чиновник А. А. Ивановский, человек вне всяких подозрений, решил издать альманах. Он близко знал многих литераторов и собрал для своего альманаха новые произведения лучших русских писателей.

Через два года после разгрома восстания декабристов скромный издатель напечатал без подписи стихотворение «На смерть Байрона», написанное казненным Рылеевым.

Имена декабристов царь велел стереть из памяти народа, а в альманахе Ивановского воскресло слово одного из вождей восстания. В альманахе, также без подписи, опубликован был отрывок из поэмы Александра Бестужева и повести Корниловича, подписанные разными псевдонимами. Нетрудно представить, какие жестокие удары принял бы Ивановский, если бы власти опознали произведения декабристов.

Смелость Ивановского проявилась и в том, какое название он хотел дать альманаху. В нем был явный намек на альманах, который издавали Рылеев и Бестужев. Декабристы называли свое детище «Полярной звездой», Ивановский — «Северной звездочкой».

Первыми этот намек поняли жандармы: они потребовали сменить подозрительное название альманаха до того, как он вышел в свет. Ивановский вынужден был подчиниться. И альманах его вышел под названием: «Альбом северных муз». Но содержание альманаха не изменилось.

Заглавие-мышеловка

В одной из русских газет прошлого века было напечатано любопытное рассуждение: «Искусство составлять заглавия книг весьма важно в книжной торговле. Иная книга интересна только по заглавию; другая покупается только по заглавию же; третья читается единственно для заглавия. О всемогущее заглавие! Ты часто пророк успеха! Ты для книги то же самое, что головной убор для красавицы...»

Почему газета опубликовала эти строки? В то время бесталанные писаки нашли способ привлекать всеобщее внимание к своим «творениям». Хитрость их заключалась в том, что заглавие их книги или повторяло, или напоминало название какого-нибудь знаменитого произведения. Так после выхода в свет пушкинского «Кавказского пленника» книжный рынок наводнился «Киргизскими пленниками», «Московскими пленниками» и «Пленниками Турции».

В тридцатые годы XIX века шумный успех сопутствовал произведениям А. А. Бестужева-Марлинского. Собрание его сочинений выходило анонимно под заголовком «Русские повести и рассказы». Некий предприимчивый автор не только выпустил свои произведения под таким же заголовком (и тоже анонимно), но даже заказал такой же переплет и такой же типографский шрифт.

Все эти уловки незадачливых авторов, обманывающих читателей, правильно охарактеризовала газетная статья, которой мы начали рассказ: «Все эти заглавия не что иное, как мышеловки, в кои бесталанность старается поймать минутное, даже секундное внимание читателей».

Рисунки
Е. ШАБЕЛЬНИКА

До сих пор перемены как-то отличались друг от друга: были большие перемены и маленькие, а теперь, когда годовые отметки проставлены в дневниках и уроки исчезли, осталась одна большущая перемена — ЛЕТНИЕ КАНИКУЛЫ.

Сегодня на страницы нашей «Переменки» пришли те, у кого каникул не бывает, — писатели, поэты, журналисты, художники, и те, у кого каникулы в самом разгаре, — ребята, которые сейчас вспоминают школу не иначе, как с улыбкой.

КОРОТКО И СМЕШНО

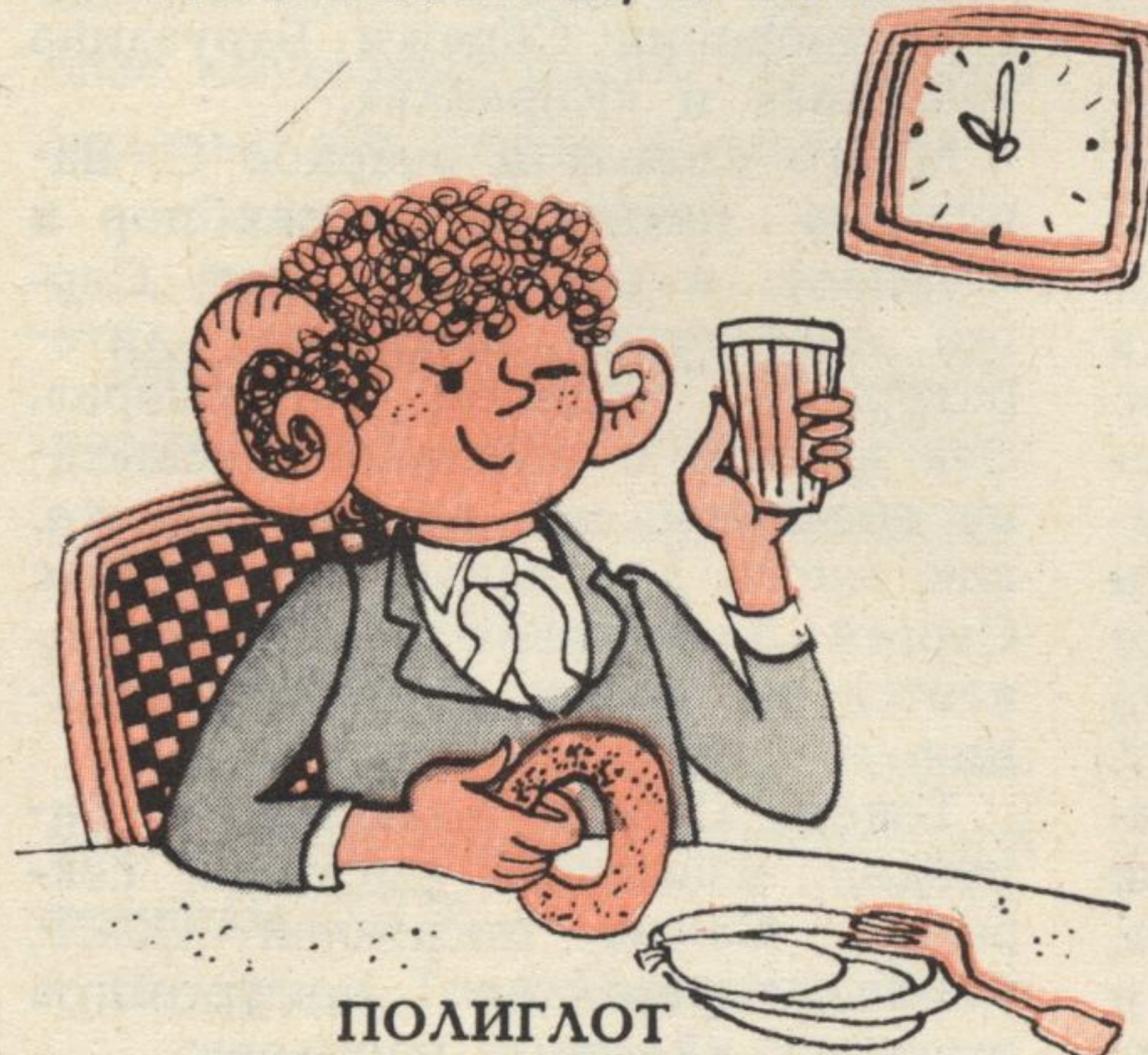
НА УРОКЕ ПЕНИЯ

Однажды мы в классе на уроке пения учили песенку, в которой есть такие слова:

«Где ты был, мой баран?»

И как раз когда мы хором повторяли эти слова, в класс вошел опоздавший мальчик. Он постоял, помялся около двери и испуганно сказал: «Я был в буфете»...

Неля Калюжная, г. Ташкент.

ПОЛИГЛОТ

В пятом классе нас разделили на две группы: одна стала изучать немецкий язык, другая — английский.

Однажды Сережа Карцев не приготовил урока по «инглишу». Бегом — к Игорю Соловьеву, потому что Игорь всегда все выучит, напишет, решит.

— Игорь, дай по иностранному списать, — просит Сережа, дергает Игоря за рукав. А про то забыл впопыхах Сережа, что Игорь учит «дойч», а не «инглиш».

А Игорю что? Он дал. Сережа списал.

На другой день «англичанка» Татьяна Николаевна говорит:

— А ты, Карцев, кроме английского, еще и немецкий изучаешь? Похвально. Я бы тебе советовала перейти в немецкую группу — та-

кое трудное упражнение, и без единой ошибки!.. А по английскому. (ты уж не обижайся) я тебе двойку поставлю.

Аня Сушитская, 5-й класс,
г. Южноуральск,
Челябинская область.

Веселая почта «ЛЕТИ С ПРИВЕТОМ — ВЕРНИСЬ С ОТВЕТОМ!»

«Здравствуй, «Пионер»! В зимние каникулы мы решили собраться у одной из нас. Пригласили еще трех мальчиков, испекли пирог и стали играть в «кис-брысь-мяу». А мальчишки нарочно заперли хозяйку дома на кухне. Ну что это такое?..»

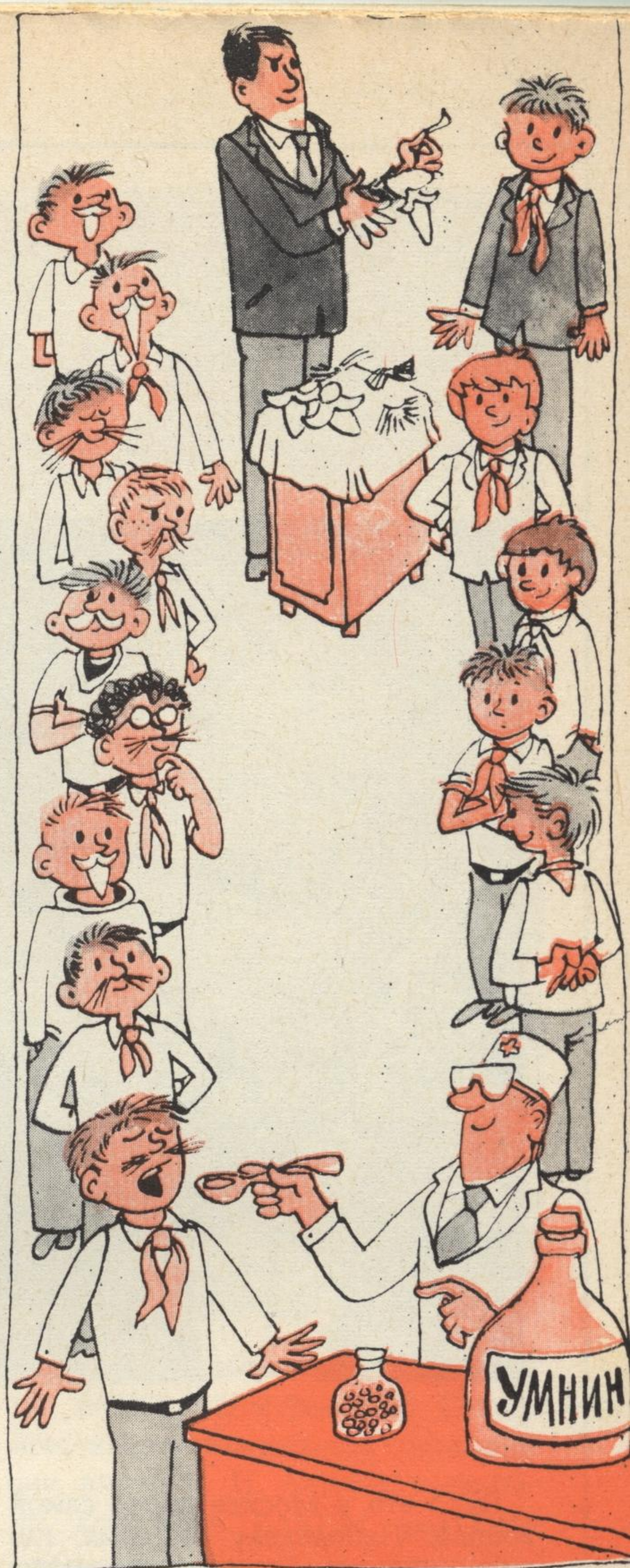
Аэлита, Света, Марианна,
г. Иркутск.

— Девочки, мы не знаем точно правил этой игры... Но, по всей видимости, мышей действительно лучше всего ловить там, где хранятся продукты.

«Дорогая «Переменка»! Тебя очень весело читать. А у нас на переменах пыль столбом. Мальчишки носятся как угорелые, прямо с ног сбивают. Подскажите, как их повлиять?»

Девочки из г. Ужгорода.

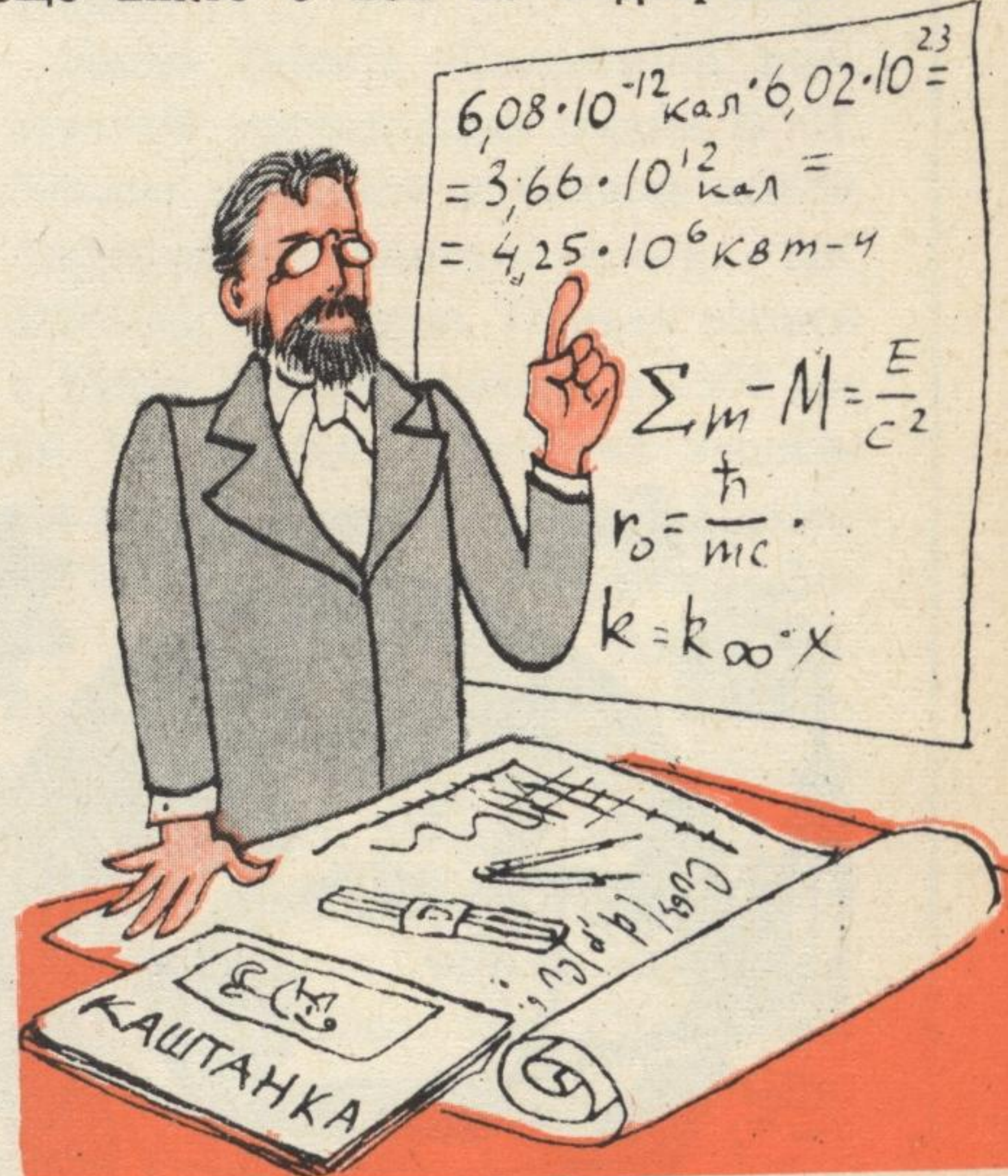
— Надо их поумнеть и повзрослеть.

«Молодец, «Переменка»... Смех, как писал Чехов, действует не хуже атомной бомбы...»

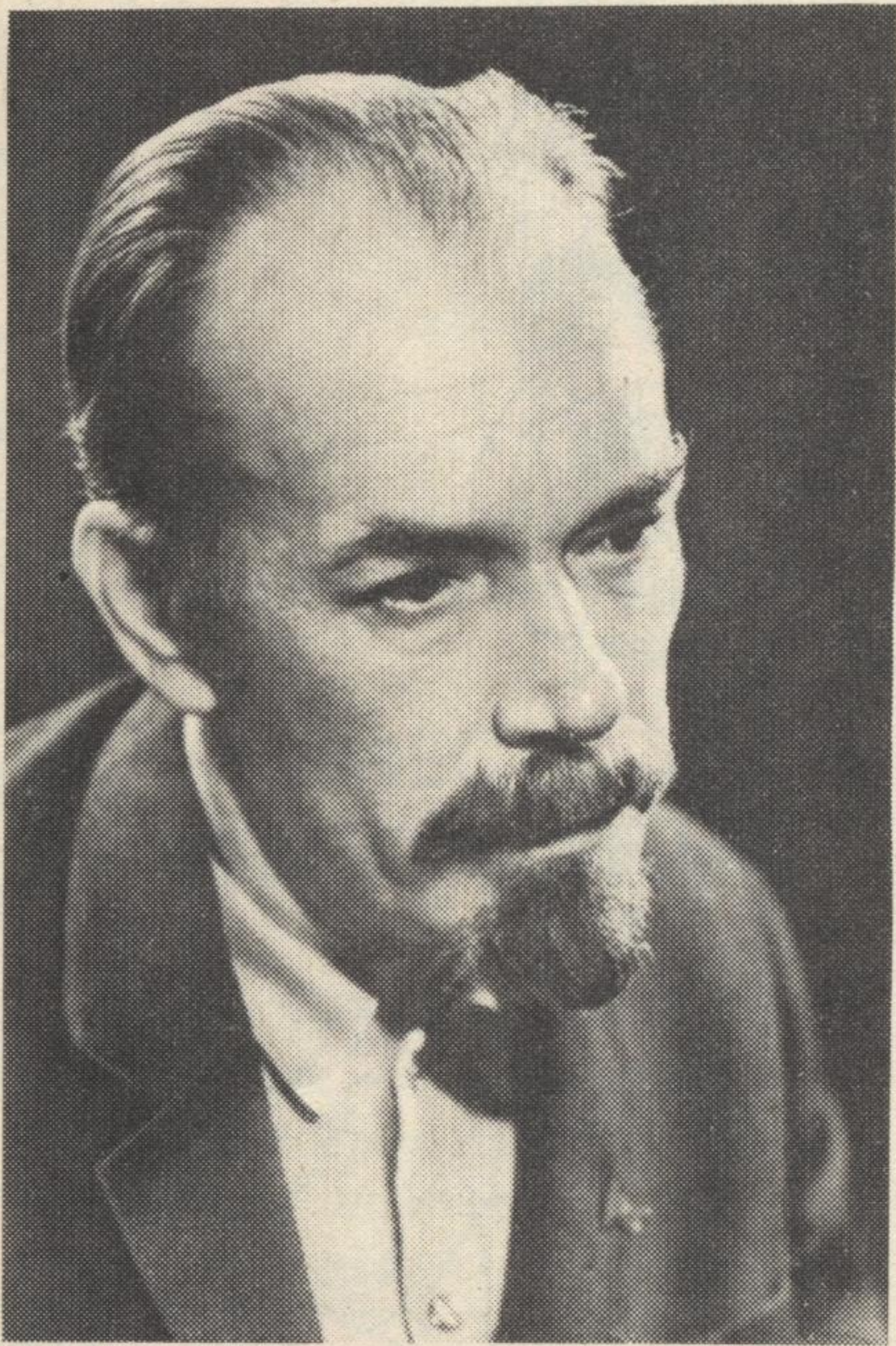
Володя Л., пос. Раменки.

— Нет, это ты, Володя, молодец... И Антон Павлович молодец — оказывается, он знал об атомной бомбе уже тогда, когда еще никто о ней не подозревал.

Редакторы почты «Переменки» благодарят за участие в ответах на письма ребят юмориста и бывшего капитана КВН Ярослава Харечко.

С ЛЮБОВЬЮ К ЛЮДЯМ

Было это в Москве перед самой войной. Неподалеку от дома, где жил мальчик Сережа, на улице Стопани был Дом пионеров. Сережа проводил там буквально все свободное время. Библиотека, читальня, сцена, кино... А каких только кружков там не было! В нарядных залах часто устраивались выставки ребячьих рисунков, моделей, концерты, встречи с учеными, писателями, душевные

*Сергею Алексеевичу
Баруздину
журнал «Пионер»
дарит этот экслибрис.*

беседы. Все было интересно мальчику. И Сережа писал стихи.

Среди особенно дорогих гостей Дома пионеров была Надежда Константиновна Крупская. Свое серьезное, доброе внимание она обратила на Сережу. Понравился ей мальчик самолюбивой застенчивостью, прямоотой и упрямостью, которые легко можно было прочесть в его глазах. Надежда Константиновна одна из первых уловила в стихах Сережи настоящее, обещающее, угадала искру поэтического дарования, напутствовала добрым словом юного поэта.

Но стихи оборвались для мальчика. На нашу страну обрушилась война.

Среди солдат, воевавших с фашистскими захватчиками, был и отец Сережи. А вскоре вслед за отцом ушел из детства и Сережа Баруздин. Сначала к станку, в рабочие, потом в Красную Армию — солдатом-разведчиком.

О войне, которую изведаль в свои юные годы, о борьбе с врагом, о защите горячо любимой Родины Сергей Алексеевич Баруздин напишет потом очень хорошие, чистые и честные книги. Прочитайте непременно эти книги, друзья, когда станете немного постарше. Впрочем, и сейчас они будут вам понятны и дороги.

Я особенно люблю повесть Сергея Баруздина «Повторение пройденного». Ее герой — совсем юный солдатик, вчерашний школьник, — удивительно мил мне, симпатичен и вызывает огромное к себе уважение.

Сто пятьдесят московских юношей (среди них и наш герой), жаждавших подвигов, рвущихся в бой, призываются в армию. Но им, мальчишкам, не обученным искусству войны, до фронта еще далеко. Пока они курсанты. Недели и месяцы учебы... И вот они, уже воины, обеспечивают успех нашей артиллерии. Как это они делают, какие знания, сколько энергии потребовалось от курсантов, какой отваги, находчивости, мужества, и какая гордость за нашу силу и могучую правду полнит сердце, вы узнаете, прочитав книгу «Повторение пройденного». Пусть вас не смущает название, в ней значительная правда о наших юношах, романтика их чувств и дел.

Писатель знает жизнь и людей, любит жизнь и людей. Оттого его книги — а их у Сергея Баруздина более пятидесяти — всегда рассказывают что-то новое, открывают новые характеры. Они учат и воспитывают. Рассказать здесь обо всех книгах нет никакой возможности.

В книгах для ребят Сергей Баруздин пишет не о безоблачной жизни. Жизнь сложна, в ней есть радости и горести, хорошие и дурные люди. Книги писателя помогают ребятам разобраться, что хорошо, а что плохо. Что надо любить, чего сторониться, а с

чем и бороться. Против плохого всегда надо бороться — зовут его книги.

Тонко и нежно пишет Баруздин о любви. Вот повесть «Лето, очень плохое лето». У девочки Лиды грустно на душе. Лида думает: «Что же такое любовь?» И вдруг понимает: это большое, нескончаемое чувство, которое дает силу жить.

Писатель Сергей Баруздин — страстный путешественник. Где только он не побывал! Во всех концах нашей Родины: на Дальнем Востоке, в Якутии, в Бурятии — везде. И в дальних странах. Он интересно рассказывает в книгах о своих путешествиях.

Прочитав «Рассказ о поездке в США», вы как будто побываете там сами, своими глазами увидите Нью-Йорк, Филадельфию, Вашингтон, Чикаго, узнаете об американском образе жизни, познакомитесь с людьми интересными, умными и с людьми не очень приятными, воспитанными капиталистическим строем.

Все вы знаете, любите, читали, наверное, много раз его добрую и интересную книгу «Рави и Шаши». Рави и Шаши — маленькие, милые слонята, которых подарил нам Джавахарлал Неру. Они шалят и, как детишки, плачут, если кто-нибудь их обидит. Любят свою маму-слониху и родные джунгли.

Весной 1942 года в журнале «Пионер» были напечатаны два стихотворения Сережи Баруздина «Москва» и «Корабль».

Много стихов и очерков С. Баруздина печаталось с тех пор в журнале, а несколько лет Сергей Алексеевич заведовал литературным отделом «Пионера». Эта дружба с журналом испытана временем, она крепка так же, как много лет назад. И сейчас Сергей Алексеевич всегда откликается на любую просьбу редакции.

Теперь Сергей Алексеевич Баруздин, известный писатель, секретарь Союза писателей СССР, главный редактор «взрослого» журнала «Дружба народов».

Сергей Алексеевич хороший товарищ, чудесный товарищ. Горячо порадуетесь он твоей радости, участливо разделит твою беду, поддержит, поможет в работе, выскажет смело и прямо мнение о твоей новой книге.

Ему исполняется 50 лет. Много, очень много сделано им за эту вовсе не долгую жизнь. Талантливую, яркую, сложную, трудную жизнь, полную творчества, дружбы и любви.

Желаем Вам всего доброго! Здоровья, творческого труда, много новых книг, дорогой Сергей Алексеевич!

Мария ПРИЛЕЖАЕВА,
лауреат
Государственной
премии РСФСР
имени Н. К. Крупской

Пионерские награды

26 февраля представители лучших пионерских дружин всех пятнадцати республик пришли приветствовать XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза. В Кремлевском Дворце съездов прозвучали слова:

— Толя Попович!
— Здесь!

Пятиклассник Толя вместе с товарищами создал модель линии механизированной упаковки стальных листов. Награжден медалью ВДНХ.

— Володя Семенов!
— Здесь!

Во время пожара третьеклассник Володя смело бросился в огонь и спас колхозных коней. Награжден медалью «За отвагу на пожаре».

— Володя Побожий!
— Здесь!

Вместе с товарищами Володя выводит новый сорт пшеницы «Пионерка». Награжден медалью ВДНХ.

— Елена Водорезова!
— Здесь!

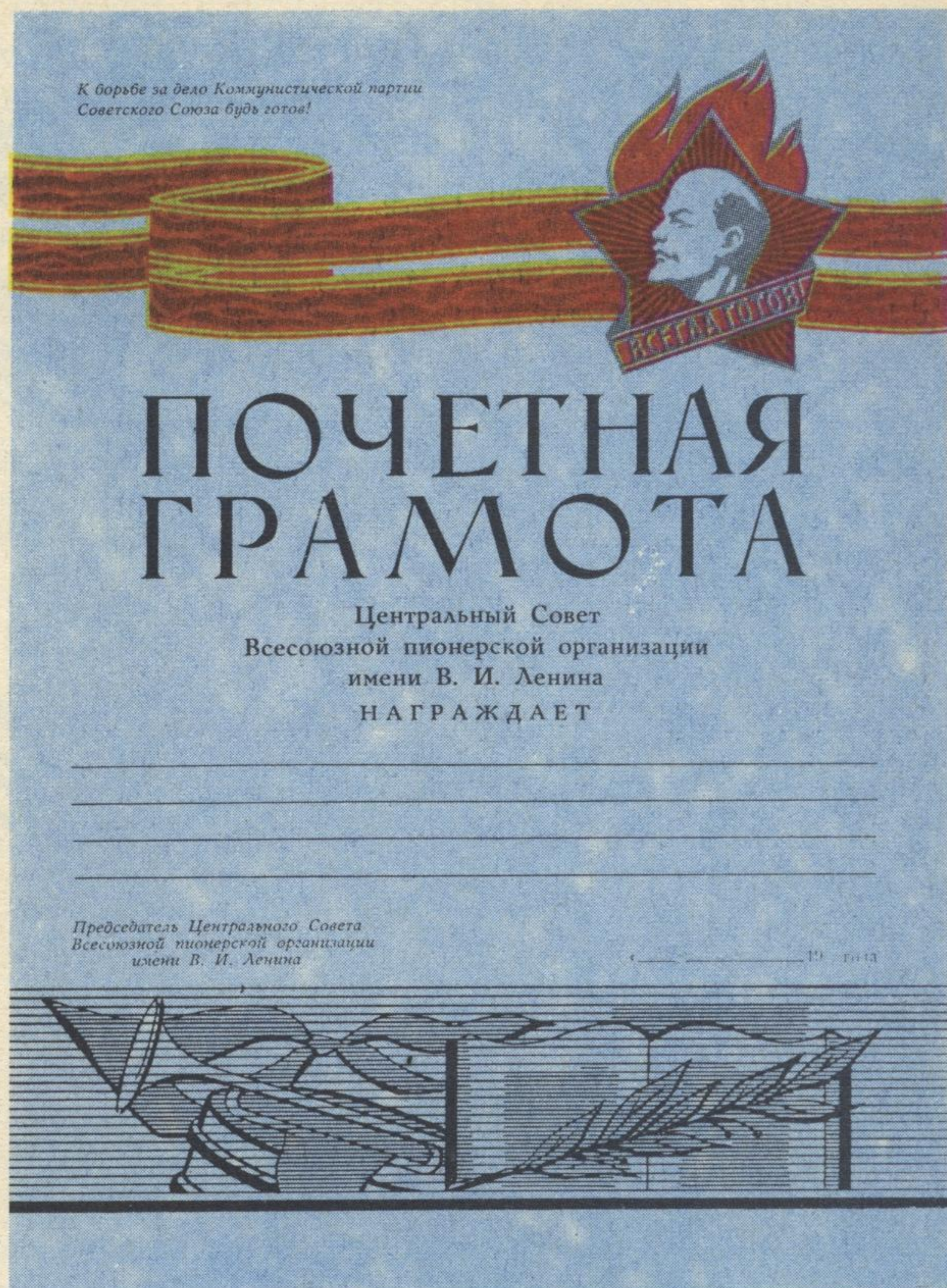
Шестиклассница Елена Водорезова — член сборной олимпийской команды СССР.

На груди Толи Поповича, Володи Семенова, Володи Побожего,

Елены Водорезовой рядом с красным галстуком сиял значок «За активную работу» — самая высокая награда для пионера, отличившегося на Марше «Берем с коммунистов пример!» Этой награды удостоены тысячи юных ленинцев.

В пионерской организации самым достойным выносятся **благодарность**. Ее объявляет совет отряда или дружины на пионерском сборе, торжественной линейке. Лучших пионеров фотографируют у развернутого знамени дружины. За успехи в учении, труде, спорте, за смелые и благородные поступки пионерские коллективы на-

граждаются **почетными грамотами** ЦК ВЛКСМ, Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина, грамотами комитетов ВЛКСМ, редакций пионерских газет и журналов, спортивных обществ и организаций, а также **вымпелами, дипломами**. В Книгу Почета пионерской организации заносятся имена пионеров, совершивших героические подвиги во имя Отчизны, лучшие пионерские коллективы и организации.

Книга Почета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина хранится в боевом штабе Ленинского комсомола — в ЦК ВЛКСМ, в Москве. Первая запись в Книге Почета сделана в 1955 году. На первых страницах записаны имена пионеров-героев: Павлика Морозова, Коли Мяготина, Лени Голикова, Володи Дубинина, Вали Котика, Вити Коробкова, Марата Казея, Коли Зверева, Володи Павлова, Вити Хоменко, Шуры Кобера. 12 апреля 1961 года в Книгу Почета занесено имя бывшего пионера, Героя Советского Союза, летчика-космонавта СССР Юрия Алексеевича Гагарина.

Мы верим, что и ты, дорогой друг, своими хорошими делами заслужишь право получить пионерскую награду.

ВСЕСОЮЗНАЯ ПИОНЕРСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

УДОСТОВЕРЕНИЕ №.....

награждается значком Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина «За активную работу».

Председатель районного, городского Совета пионерской организации имени В. И. Ленина.

Зак. 1953.

ТЕБЕ, ВОСЬМИКЛАССНИК!

Очерк
Леонид
Хитин

Дружба,
которой
пять тысяч
лет

Рисунки
Темур
Базин

При слове «завод» представляешь себе громадные застекленные корпуса, ряды станков, непрерывную ленту конвейера. Но здесь меня встретил не шум станков и скрежет металла, а негромкое ржание и сочный перестук копыт под гулкими сводами ворот. Передо мной был не обычный завод, а конный. Завод от слова «разводить, заводить». В старинном указе Петра I об учреждении первых в России конных заводов так и сказано: «Для заводу лошадей...»

Конный завод № 10 — один из самых старых в нашей стране. История его длинная...

Крепкую и рослую ломовую лошадь зовут битюгом. Откуда такое слово — «битюг»? Есть у реки Дон приток Битюг. Здесь, недалеко от Воронежа, в селе Бобровском и вывели могучую русскую лошадь под извоз. Так и стала она на-

зываться по имени реки — битюгом. Было это в самом начале XVIII века.

А еще через полстолетия, в 1776 году, герой битвы при Чесме граф Алексей Орлов привез в Россию арабского скакуна. Серебристо-белого коня называли Сметанкой. От него и пошли знаменитые орловские рысаки. И рядом с тем селом Бобровским возник конный завод орловских рысаков.

Сегодня на конном заводе почти тысяча племенных лошадей — сухих, мускулистых, тонконогих, с лебединой шеей и чуть горбоносой гордой головой.

В нашей стране 103 конных завода, где выводят буденновских и донских лошадей, ахалтекинских и терских, владимирских и кабардинских — 50 различных пород. А всего в мире их 250.

Зачем нам лошадь?

Среди читателей журнала могут найтись ребята, которые пожмут плечами и скажут:

— А зачем нам сегодня лошадь, когда существуют моторы, в которых лошадиных сил больше, чем на целом конном заводе?

Действительно, зачем сегодня человеку лошадь?

Ну, во-первых, можно сказать и так: а зачем нам крокодилы, бабочки, птицы колибри? Зачем мы охраняем и разводим в заповедниках животных, многие из которых ни сейчас, ни раньше не приносили человеку никакой пользы?

Лошадь — часть природы, одно из самых красивых и умных животных на земле. И мы сегодня охраняем ее так же, как леса, реки, цветы, все живое на нашей планете.

Это во-первых. А во-вторых... Вы помните слова Лиса из сказки Сент-Экзюпери «Маленький принц»: «Если хочешь, чтобы у тебя был друг, приручи меня»?

Пять тысяч лет назад человек приручил лошадь, и с тех пор она стала самым первым его другом и помощником. Человек верхом на лошади путешествовал и открывал новые земли. Человек впрягал лошадь в плуг и пахал, засеивал хлебом поля. Человек седлал боевого коня и отправлялся на защиту своей страны от врагов. Даже в сказках былинные русские богатыри не расставались со своим верным конем.

Разве благородно забыть верного и давнего друга только из-за того, что появились друзья и помощники более могущественные?

Но лошадь и по сей день, когда мы не очень нуждаемся в ее тягловой силе, остается во многих случаях незаменимым помощником человека.

Четыре миллиона лошадей работают сегодня в народном хозяйстве. Они идут там, где не пройдет машина, — по горным тропам и в тайге, в узких каньонах и по глухому бездорожью. Именно в таких местах часто проходит государственная граница, и наши пограничники выезжают в наряд верхом на коне.

Перегоняя стада с одного горного пастбища на другое, чабаны не могут обойтись без лошади.

Лошади служат медицине. Сывороткой, полученной из крови лошади, предупреждают и лечат многие болезни, а среди них такие страшные, как столбняк, дифтерия, гангрена. Из кобыльего молока делают очень вкусный и полезный напиток — кумыс.

Но особой славой пользуются спортивные лошади. У нас знают не только чемпионку мира по выездке Елену Петушкову, но и ее верного коня Пепла. С глубокой древности сохранились у многих народов захватывающие игры. Азербай-

джанская «папах-оюну» — отними папаху, казахская «кызкумай» — догони девушку, грузинская «чоган бурти» — забей мяч, похожая немного на хоккей с мячом, но игроки здесь не на коньках, а на конях. Больше сорока конноспортивных игр у народов нашей страны. Конным спортом может заниматься всякий. Даже маленькие дети. Для этого разводят специальную породу славных крохотных лошадок пони.

Нет, лошадь человеку сегодня нужна. И разведение лошадей, улучшение их пород — очень серьезная, нужная и важная работа.

Тра-па-па-па

Он родился в 1928 году. Отец его, Ловчий, считался одним из лучших жеребцов орловской породы. Ждали многого и от Улова — красивого светло-серого жеребенка с изящным, чуть вытянутым телом. Но вот уже ему три, четыре года — возраст зрелости для рысака. Его сверстники уже показали, на что способны, а Улов все такой же неторопливый, почти увалень.

— Ничего теперь из него не выжмешь, — говорили тренеры-наездники, — уходит его возраст.

Так бы и остался Улов «не оправдавшим надежд», если бы однажды не появился на заводе невысокий, молчаливый человек — мастер-наездник Семичев. Он увез Улова с собой на ипподром. Прошел год, другой, третий... И вот через шесть лет на заводе получили известие: Улов прошел зачетную дистанцию 1 600 метров за 2 минуты 2,2 секунды. Небывалый рекорд! Десятилетний жеребец обогнал лучших молодых рысаков на 8 — 10 секунд.

Семичева поздравляли, удивлялись. А он только пожимал плечами.

— Позднеспелый. И потомство его будет таким.

Многие орловские рысаки сегодня ведут свою родословную от Улова и очень похожи на своего прапрадедушку — высокие, с красивой «лебединой» шеей, с тонкими сухими ногами.

Так Улов стал не только рекордсменом, но и одним из родоначальников целой линии орловских рысаков. Значит, Улову просто повезло? Счастливый случай? Нет. Полагаясь только на случайность, невозможно вывести сотни прекрасных племенных лошадей.

Родословная Рекордсменов

Двадцать тысяч наследственных задатков. Столько может получить каждое животное от своих родителей. Какие же признаки нужно закрепить и усилить? От каких постараться избавиться?

На эти вопросы отвечает селекция — наука о выведении и совершенствовании пород домашних животных и растений. Основной метод селекции — отбор. В природе такой отбор происходил естественно, в течение миллионов лет. Человека такие темпы не устраивают. Селекционер в каждом следующем поколении старается улучшить породу.

У каждой породы своя «специальность»: верховые, упряжные, тяжеловозы. Одних лошадей готовят для спорта, других для работы. Значит, и требования к ним разные. У верховых должна быть широкая спина и крепкий позвоночник, чтобы выдержать всадника. Тяжеловозы должны обладать большой силой и выносливостью. У рысака сухие стройные ноги и легкое тело, чтобы он мог быстрее и дольше бежать.

Селекционеры смотрят, у какой лошади сильнее проявляется тот признак, что нужен для улучшения породы. Так из сотен племенных лошадей на заводе отбирают лучших.

Передо мной огромный, в полстола, том — заводская племенная книга. Давайте полистаем ее...

Забег. Отец — Болтик, мать — Заманчивая. Болтик — от Беседы и Уверенного. Заманчивая — от Заветной и Триумфа. Заветная — от Звонкой и Водопада. Триумф — от Туи и Улова...

Это уж мы добрались до прабабушек и прадедушек племенного жеребца орловской породы

Забег. В книге его родословная идет дальше, до прапрадедов. А каков же он сам, Забег? Что у него за характер?

Конституция сухая, крепкая. Сложение гармоничное. Мускулатура хорошая. Сухожилия развиты хорошо. Связки прочные. Темперамент энергичный. Характер добронравный.

Все заводы ведут племенные книги. А лучшие представители пород записываются в самую главную, Государственную племенную книгу. Это рекордсмены породы, участники ВДНХ, лошади, известные во всем мире.

Единственное в стране

Родился жеребенок. Он красив и гармонично сложен, у него знаменитые родители, и кажется, он много получил от них по наследству. Теперь эти данные надо развить: воспитать быструю, выносливую, послушную человеку лошадь. Этим займутся тренеры-наездники.

В 1882 году при заводе была открыта первая в России школа наездников. Числилось в ней всего девять учащихся...

С этого начиналась история нынешнего Сельского профессионально-технического училища № 15. Сегодня здесь учится 180 человек: 90 на отделении младших ветфельдшеров и столько же на отделении тренеров-наездников. И по сей день это единственное в нашей стране учебное заведение, где готовят тренеров-наездников.

Три ответа на один вопрос

Проста на первый взгляд работа тренера-наездника: запряг лошадь в качалку, «лиру», взял в руки вожжи и кати круг за кругом по дорожке заводского ипподрома.

В книгах по коневодству написано так: «Тренинг — повседневная целеустремленная работа с лошадью». Повседневная, целеустрем-

ленная... Так про любую работу можно сказать. А тут учитель и ученик, да вдобавок ученик этот — лошадь. Как же ее учат? И стал я доискиваться, какой же секрет есть в работе тренера-наездника.

Это для меня было как задачка с несколькими неизвестными. И решать ее пришлось постепенно, действие за действием, получая ответ за ответом.

Ответ первый, или Задача, тренировка

Тишина в классе. Иван Алексеевич Воротилин, преподаватель училища, ведет занятия по тренингу. Он ходит вдоль рядов, рассказывает весело, напористо.

— Самостоятельная жизнь начинается у жеребенка в шесть месяцев. Отнимут его от мате-

ри и отправят в степь. Там его дождичком обмоет, ветерком обдует, травки он поест. Раздолье. Но исподволь, незаметно начинают его учить. Сначала жеребята к компании должны привыкнуть, к табуну. Потом к чистке, к купанию. Приучат их и к недоузду. Это, пожалуй, самое трудное. Жеребята еще необузданные. А сила уже немалая. Ноги тугие — пружинки. Копыта твердые, каждое величиной с булыжник. Попробуй подступись! Не хотят жеребята в узде ходить. Приходится их, как диких лошадей-мустангов, укрощать.

Но вот и осень. Кончились летние каникулы. Возвращаются жеребята на завод, как в первый класс. Начинается учеба. Тренинг.

Иван Алексеевич оглядел ребят, помолчал.

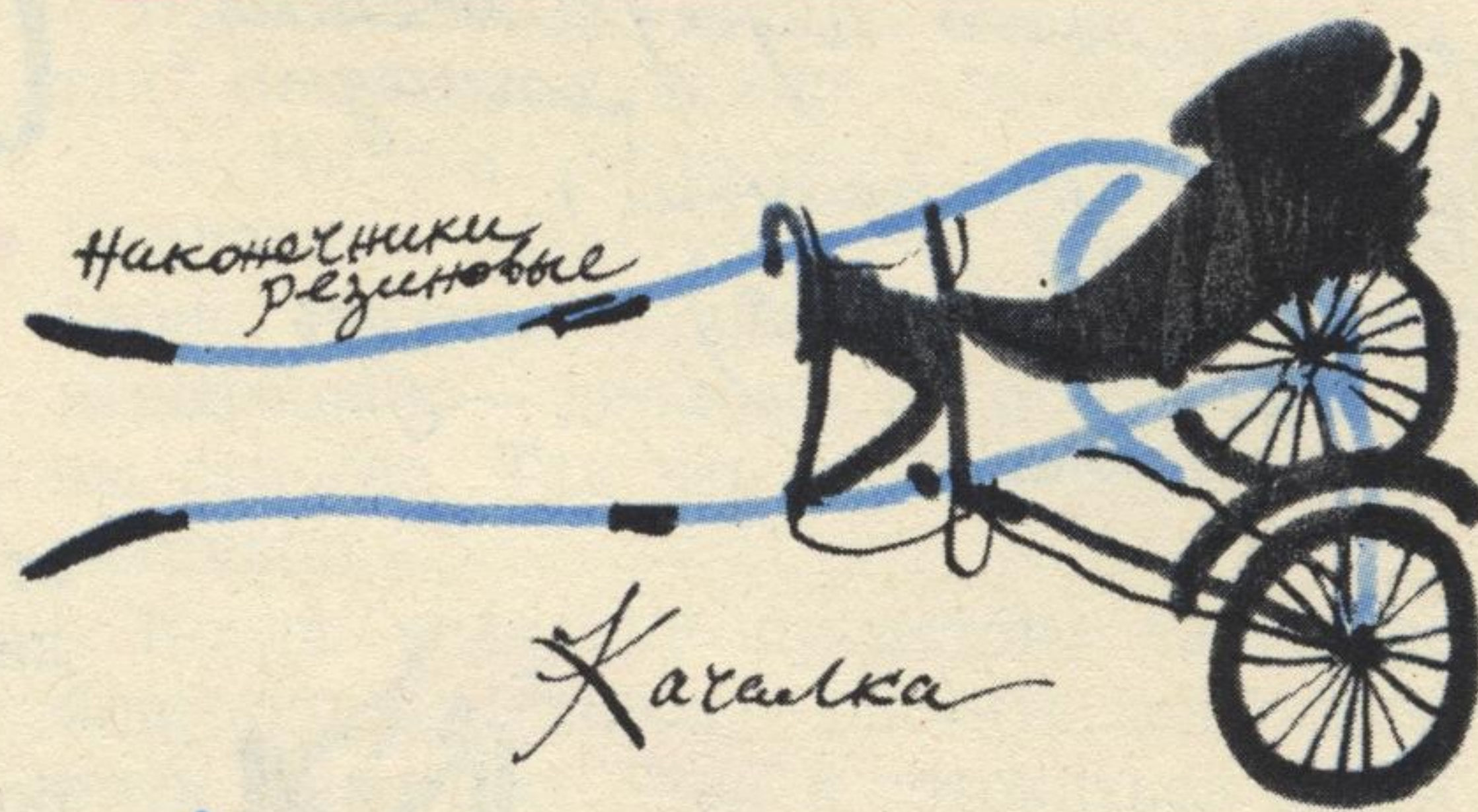
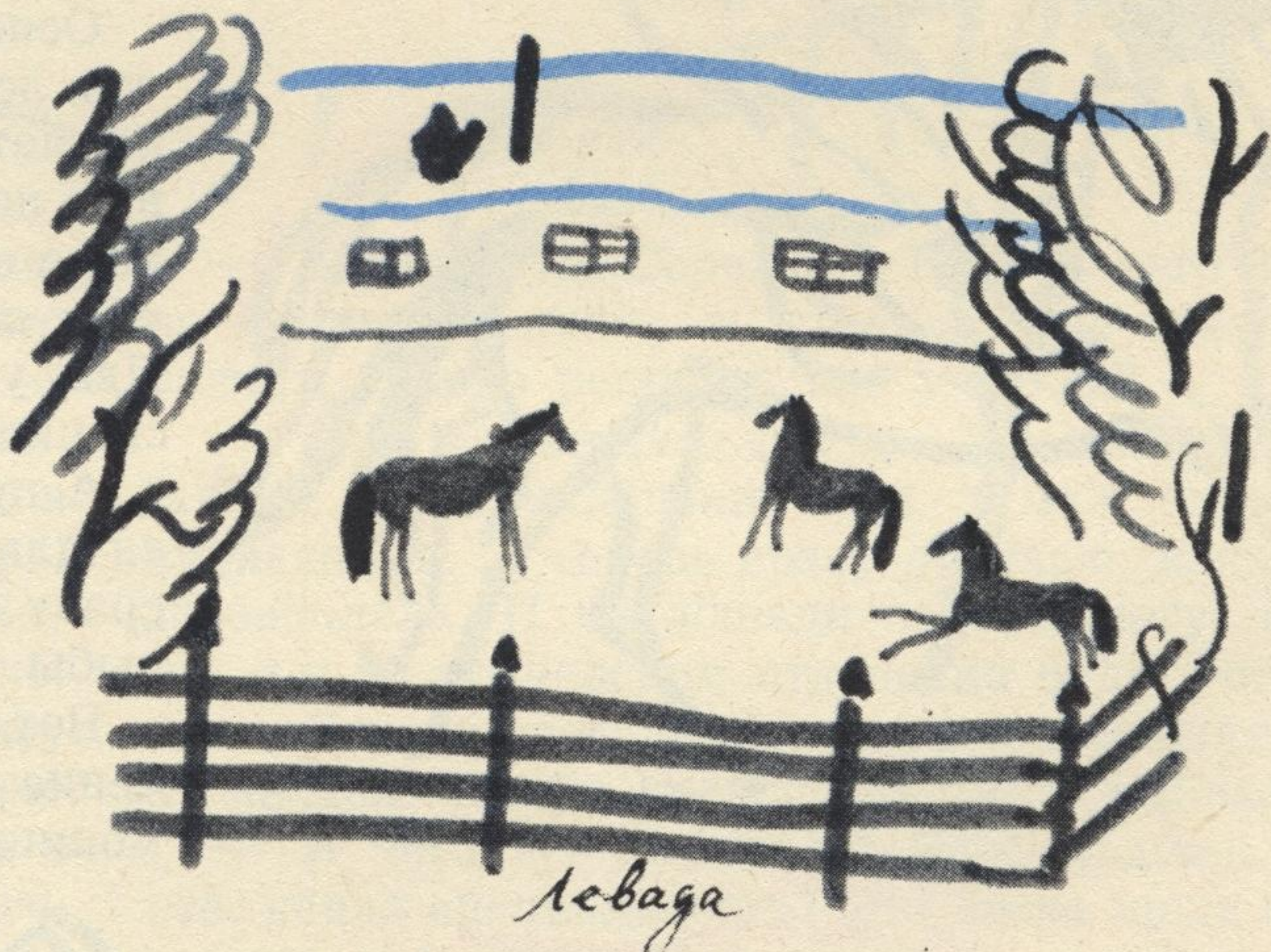
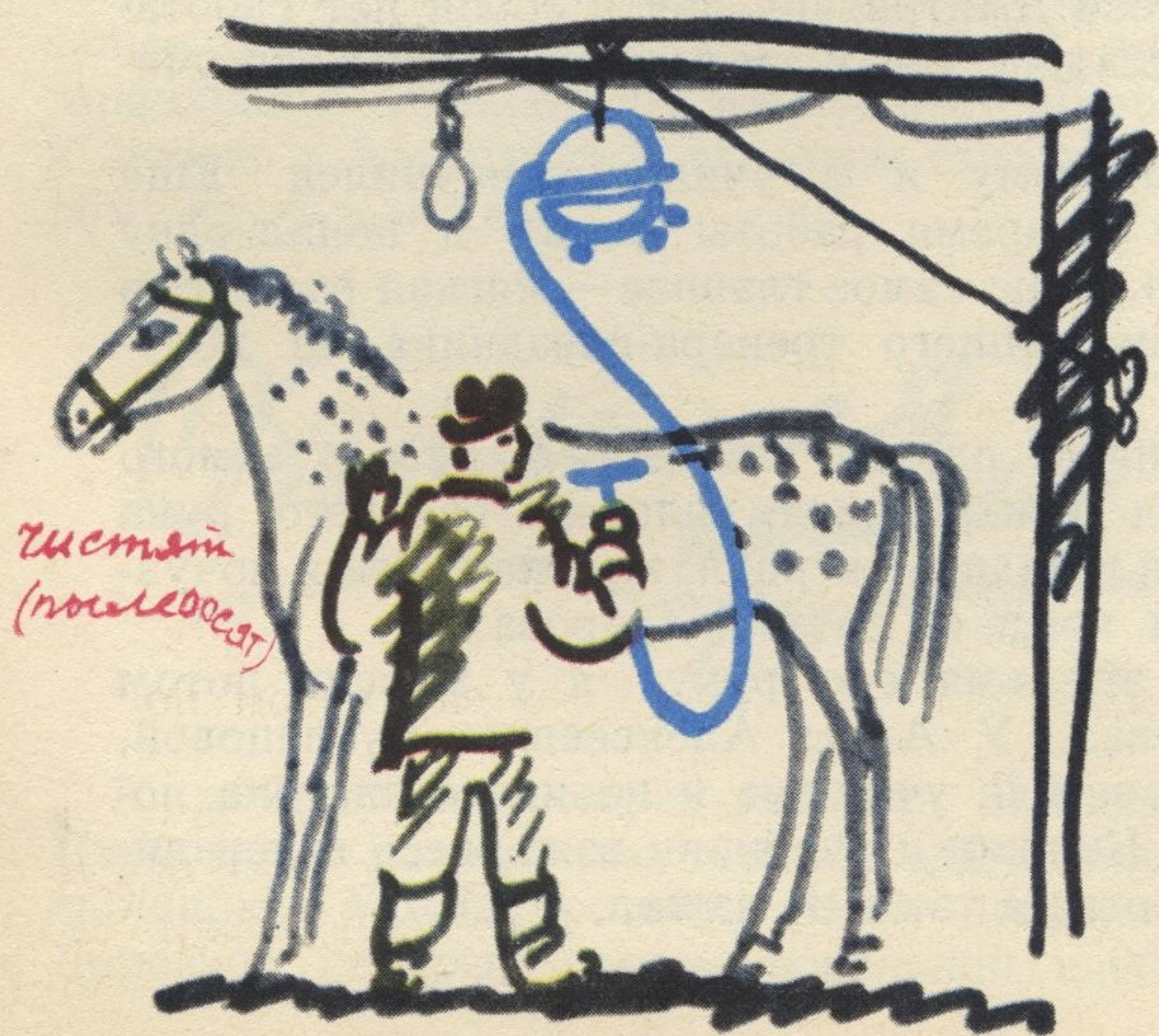
— Запишите тему сегодняшнего урока: «Основы физиологии тренируемой лошади».

Все склонились над тетрадками, быстро записывая. А речь уже идет об условных и безусловных рефлексах, о физиологических и биохимических процессах, происходящих в организме животных. О том, что обычно за минуту через сердце лошади проходит 15 литров крови, а

Клички рысак

Камуля, Звонкая-Песня,
Лунатик, Мальберт, Их-Ма,
Веселый Ухарь, Бенедикт,
Десять, Холстомер,
Хоспитал, Ахальник,
Каверза, Безкаменная-
Ласка

Маски лошадей

Рыжая, бурая, черная,
вороная, вороная в
загаре,
караковая, гнедая, буланая,
соловая, мышастая,
саврасая, серая, чалая,
пудрая, чегая

сердце бегущей лошади должно пропускать 150 литров каждую минуту. И объем воздуха, проходящего через легкие лошади, тоже увеличивается почти в 10 раз!

К такой напряженной работе надо подготавливать организм постепенно, развивать и сердце, и легкие, и мышцы. Вот и первый ответ: тренинг — это тренировка, физическое развитие лошади.

Ответ второй, или
Бегать надо уметь

Два раза в неделю ребята с отделения тренеров-наездников идут на конный завод: практические занятия по тренингу.

Аллюры

Аллюр — способ передвижения лошади
Шаг (тихий, ускоренный)
Рысь (тихая, резвая), Уноходь,
Галоп, Прижог

Старший тренер завода мастер-наездник Алексей Дмитриевич Мещеряков стоит у дорожки заводского ипподрома. Одна за другой выезжают из ворот упряжки, разворачиваются и круг за кругом проносятся мимо него. Алексей Дмитриевич смотрит, иногда бросает замечание:

— Наташа, мягче вожжи держи...

— Володя, точнее посыл делай.

— Не понукай лошадь, на то вожжи есть. Вожжами разговаривай.

«С лошадью разговаривают через удила», — часто повторяют наездники. И верно: легкое движение руки, и лошадь исполнит малейшее желание, любое приказание человека. Она остановится, когда нужно, повернет вправо или влево, пойдет тротом — медленным шагом, или веселым тротом — быстрым шагом, или перейдет на мах — легкий бег, а то и рысью полетит, будто не касаясь земли ногами.

Легко бегут лошади. Размеренно мелькают ноги. Мягко катится качалка. Но, оказывается, и трот, и мах, и рысь — это не прирожденные аллюры (способы хода лошади), а приобретенные тренингом, воспитанные многолетней работой тренера-наездника.

Основное достоинство этих аллюров в том, что лошадь идет ровно. Она попеременно поднимает правую переднюю — левую заднюю, левую переднюю — правую заднюю, словно не четыре ноги у лошади, а две — каждая пара работает слитно. Пум! Пум! Два удара. Пум! Пум! Два удара. Бег получается размеренный, без скачков и рывков.

А природный аллюр — галоп совсем не годится для работы в упряжке: лошадь выбрасывает сразу обе передние ноги, будто становится на дыбы, несется вскачь, бежит рывками.

Вот и второй ответ: тренинг — это еще и обучение лошади, превращение ее в умелого помощника человека.

Ответ третий, или
Мягкая рука

Алексей Дмитриевич почти сорок лет работает с лошадью. Он, кстати, тоже кончил это училище.

— Многому я в училище научился. Еще больше за время работы узнал и понял одну важную вещь: самое главное — мягкая рука. Без этого настоящего тренера-наездника не получится.

Странные слова. Тем более, что у самого Алексея Дмитриевича, человека рабочего, рука крепкая и ладонь твердая, жесткая. Это я почувствовал, когда он со мной здоровался.

Про эту «мягкую руку» я у многих потом спрашивал. У Анны Алексеевны Кузнецовой, преподавателя училища и великого знатока лошадей. Книжки и учебники взял, весь вечер листал, а ответа так и не нашел.

— И не найдете, — сказала Анна Алексеевна. — Нет этого в учебниках. Мягкая рука — это то, чему научить нельзя.

Я, конечно, понял, что и Алексей Дмитриевич и Анна Алексеевна говорят о таланте. Но в чем же он все-таки заключается, талант тренера-наездника? Говорил я об этом и с ребятами. Вот что мне сказала второкурсница Таня Назаренко:

— Берешь в руки вожжи, и лошадь сразу чувствует, что вы за человек, как к ней относиться. Лошадь надо любить и понимать, тогда и она обязательно поймет тебя. У меня даже любимчик есть. Жеребец Баскетбол. Первый раз он меня укусил, а теперь по шагам узнает. Я его Бобик зову.

Оказывается, мягкая рука — значит, любящая и понимающая. Это и был третий ответ.

Три ответа на вопрос помогли мне понять, что же это за профессия тренер-наездник, что для нее необходимо. А необходимы не только серьезные знания по анатомии и зоотехнике, по ветеринарии и селекции, не только мастерство, но и любовь к животным и вдобавок талант, которому научить нельзя.

*Объявляется
присяжный*

— Здравствуй, Сережа. — Голос у него тихий, не «директорский», и улыбка тоже тихая. — Значит, твердо решил у нас учиться?

— Да. На ветфельдшера. У меня отец чабан. Я, когда маленький был, думал, овцы все одинаковые. А теперь сразу отличаю, какая овца заболела. И на лошади верхом могу. Можно, я и на тренерском отделении буду учиться?

— Погоди, погоди. На двух отделениях сразу нельзя. Ты бы прежде подумал, выбрал...

— А чего тут выбирать? Ветфельдшер, знаете, какая специальность? Это когда люди о животных заботятся. Я и лошадей лечить буду...

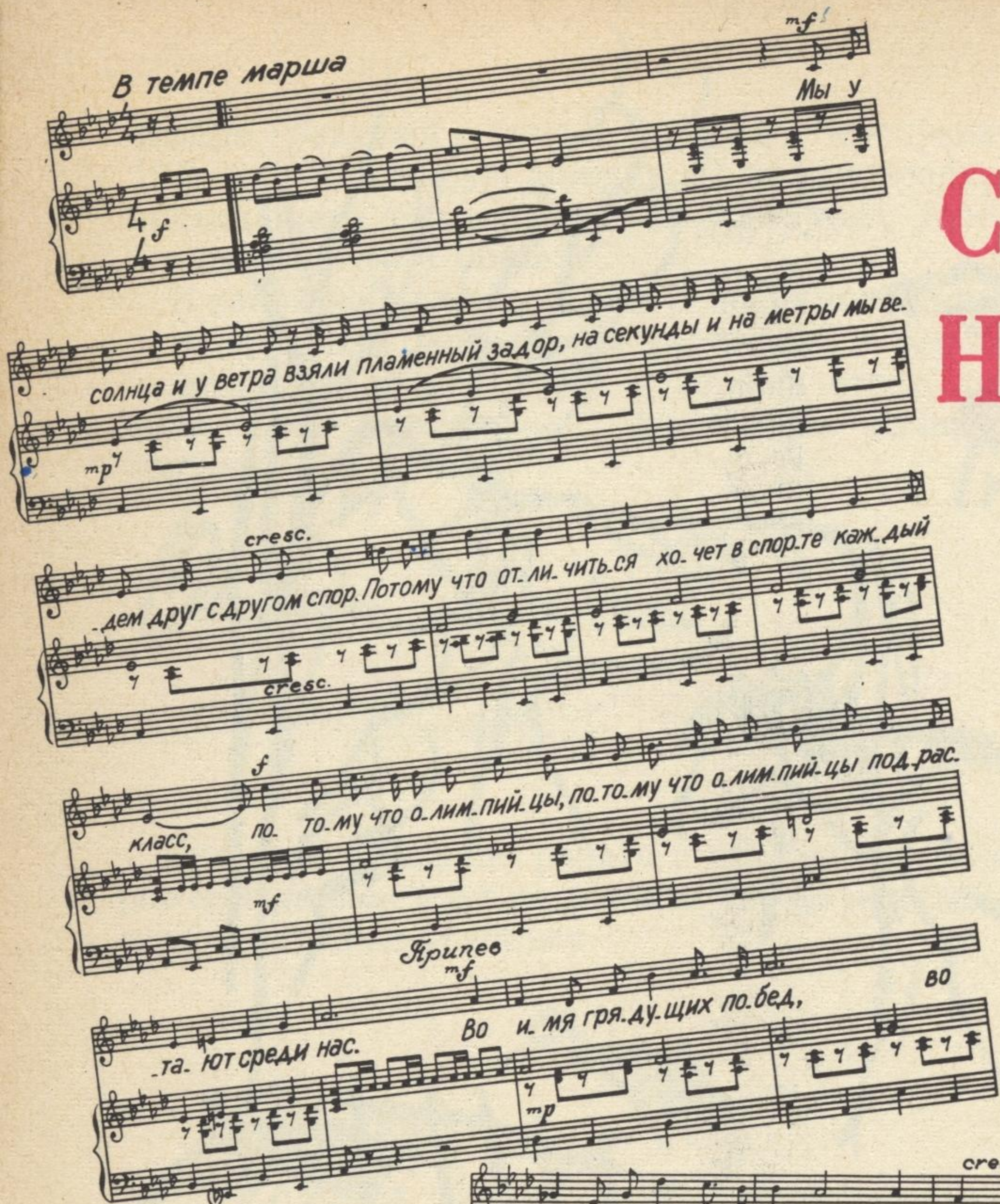
Принимают в училище без экзаменов. Как же так? Выходит, училище — раздолье для лентяев?

— Ничего подобного, — говорит Владимир Павлович. — Поступают-то без экзаменов, это верно. Но зато окончить училище без экзаменов невозможно — диплома не получишь. А экзамены строгие. Так что учатся ребята честно, старательно.

Когда человеку предстоит такая важная и благородная работа — растить, воспитывать и лечить животных, — он и готовиться к ней должен серьезно.

В кабинет директора училища Владимира Павловича Крамаренко вошел светлоголовый парнишка. Молча протянул пачку документов. Директор раскрыл совсем новенький паспорт.

Музыка Ю. ЧИЧКОВА,
лауреата премии Ле-
нинского комсомола.

Слова К. ИБРЯЕВА.

Слова песни — на
последней странице
обложки.

САМИ О СЕБЕ

СТАРТЫ НАДЕЖД

Пешкин дал такой наказ всем своим верным друзьям: **обязательно проведите соревнования шахматистов в пионерском лагере.**

Как провести турнир

Сначала узнайте, кто из ваших новых друзей любит играть в шахматы. Запишите всех желающих.

Турнир может быть классификационным, — участники его могут получить спортивный разряд. А для этого надо, чтобы каждый участник турнира сыграл не менее десяти партий. Наберется у вас в лагере 11—12 участников, и проводите турнир. Если желающих больше, организуйте два или три турнира.

Строго по правилам

Играть надо строго по правилам. Ни в коем случае нельзя брать ходы обратно, партии желательно записывать.

Не играйте больше одной партии в день.

Выберите старосту — пусть он следит за порядком, отмечает результаты игр в таблице, следит за тем, чтобы никто не насмешничал, не подшучивал над побежденными. Это просто глупо: сегодня человек проиграл, а завтра, в следующем поединке, добьется успеха.

Кто получит разряд

После окончания турнира заверьте таблицу результатов у физрука или пионервожатого и отправьте ее в районный или городской Комитет по физкультуре и спорту.

В турнире новичков ребята, набравшие половину возможных очков, получают право на четвертый разряд. Третий разряд присуждается тем, кто наберет 70 процентов возможных очков.

Проведите конкурс

Конкурс проводится так: кто-либо из ребят подбирает несколько интересных задач и проверяет

ОБМАНЩИКИ

В воскресенье мы с моим другом Витей поехали в парк культуры. В тире Витька из десяти раз два раза попал в мишень, и я два раза попал. Все было прекрасно. Но когда стали собираться домой, оказалось, что у нас всего пять копеек.

Подходим к метро. Решили «проскочить» через контрольный автомат вдвоем на одну монету. Если много народу столпится, можно незаметно пробежать. Но нам не везло. Люди шли маленькими группами, по два-три человека. Мы стоим с Витей, выжидаем. И вдруг мне как-то неловко стало: стоим мы, два обманщика, и ждем случая, чтобы обмануть...

Я говорю: «Вить, пойдем попросим контролершу пропустить нас без денег...» Подходим. Контролерша смотрит строго. У меня сердце в пятки ушло, а Витя говорит: «У нас не хватает пяти копеек. Пропустите нас, пожалуйста», — и протягивает ей один пятак. Она пропустила нас и даже не сказала ничего...

Мы ехали вниз на эскалаторе как во сне. А Витя все приговаривал: «Ну надо же, какой человек хороший... А мы ее обмануть хотели».

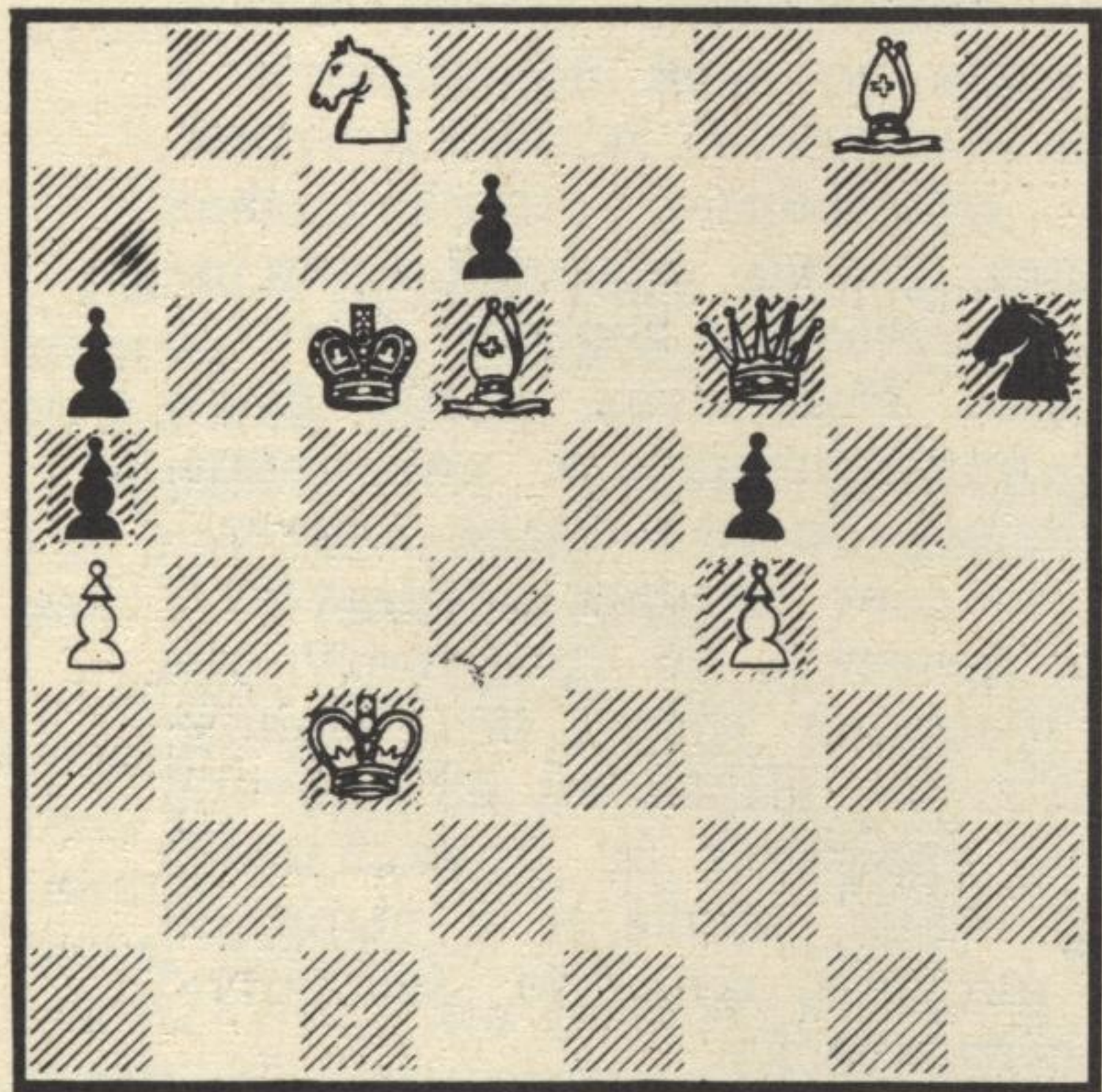
ВАЛЕРА КОРОЛЕВ,
г. Ленинград.

их решения. Участники конкурса садятся за шахматные доски, на которых расставляется позиция первой, самой легкой задачи. Ребята решают ее и записывают свое решение на листочке.

Через 10—15 минут предлагается другая, более сложная задача, за ней третья, четвертая.

Победит тот, кто точнее и быстрее решит все задачи.

Пешкин хочет помочь вам, он дает три задачи, две из них с решениями. Они могут войти в ваш конкурс. А третью Пешкин включает в свой заочный конкурс.

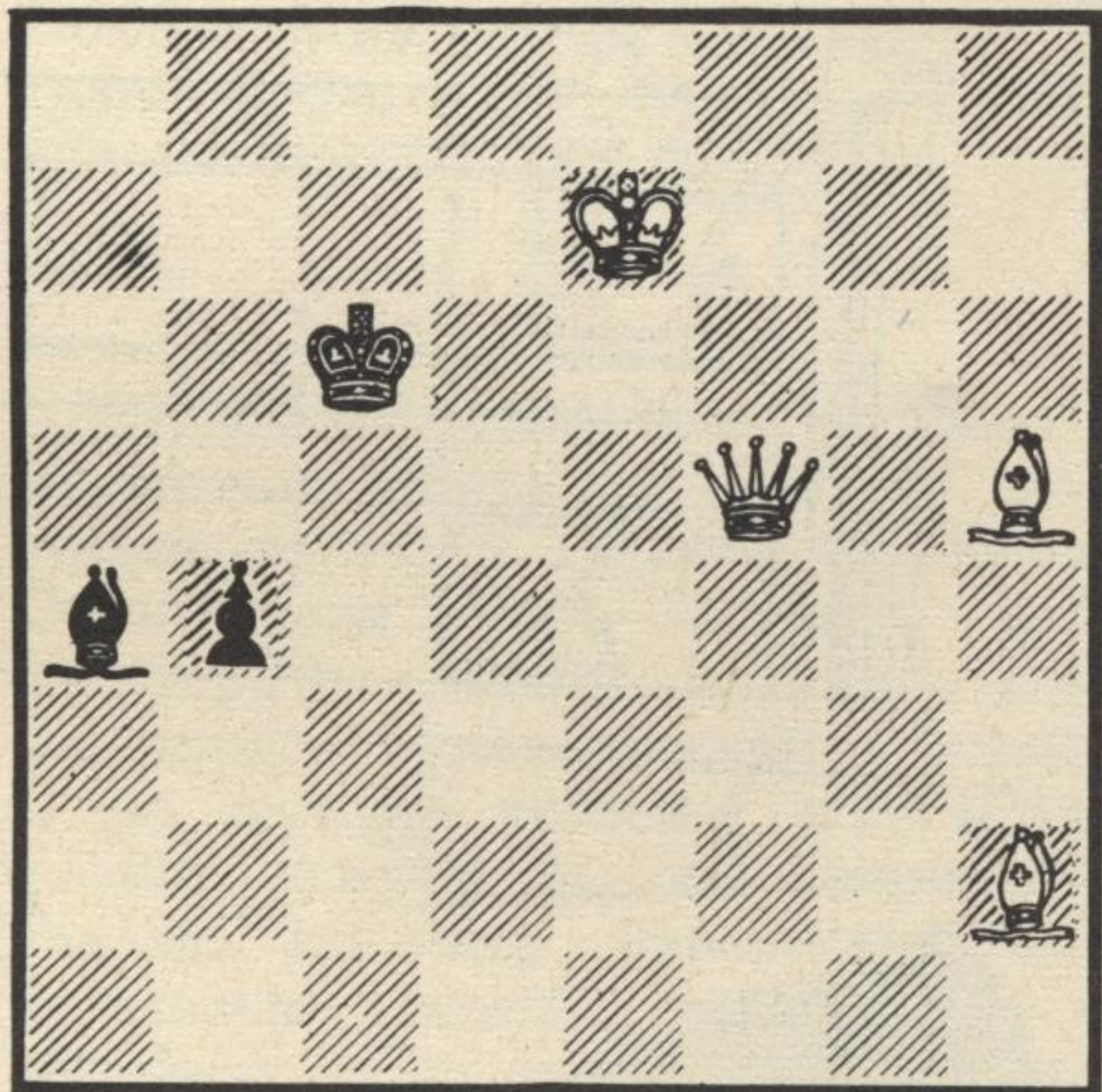

(Диаграмма № 1)

Белые: Крс3, Фf6, Cd6, Cg8, Kc8, п. a4, f4 (7), черные: Крс6, Kh6, п. a6, a5, d7, f5 (6).

Это старинная задача. Она была составлена в 1898 году русским мастером Н. Максимовым. Белые дают мат в два хода, неожиданно уводя ферзя в угол. К цели ведет остроумное продолжение: 1. Фf8—h8!

Те, кто решил задачу, пусть подумают: какую черную пешку можно снять с доски без ущерба для белых?

(Диаграмма № 2)

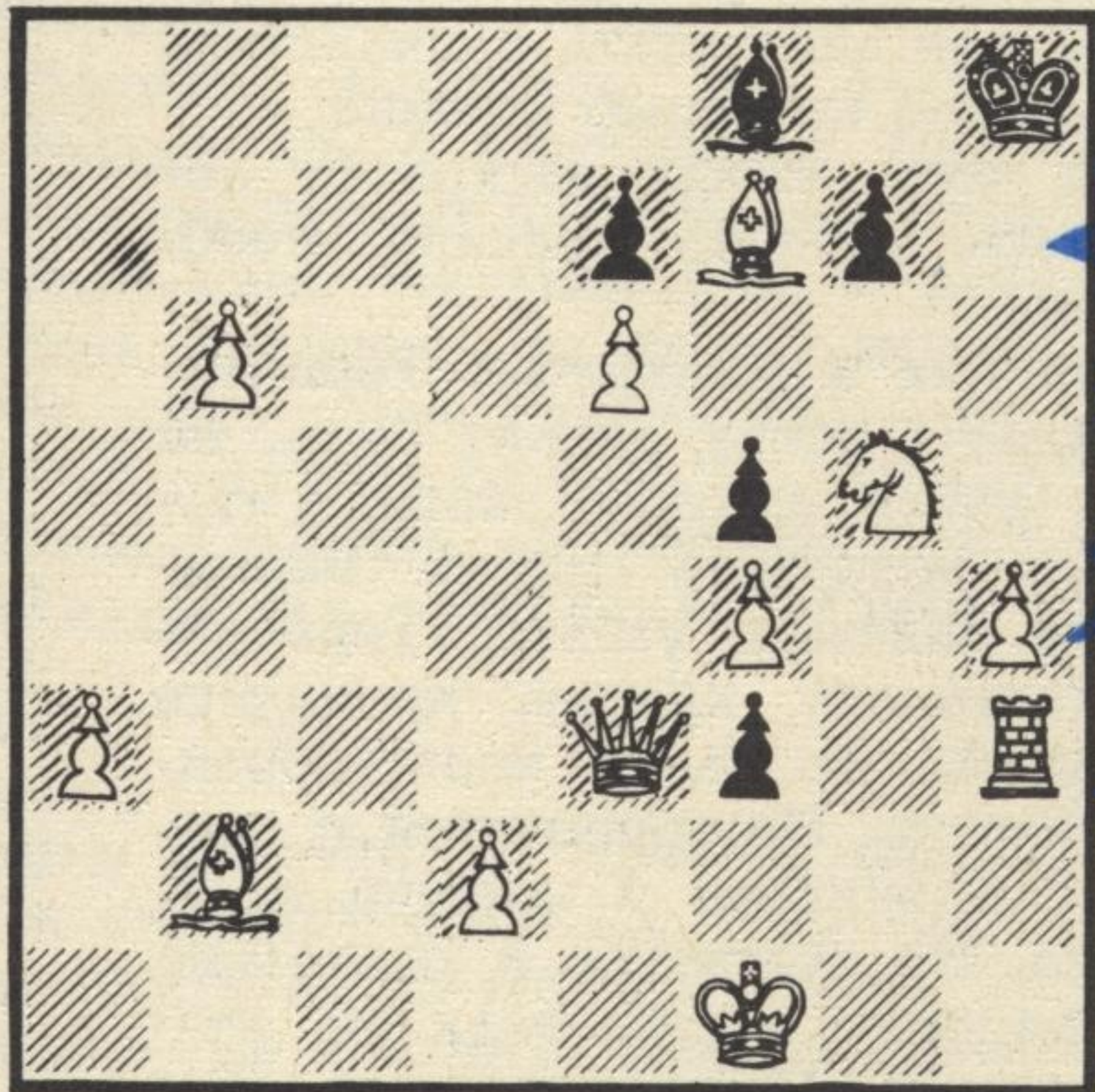
Белые: Кре7, Фf5, Ch2, Ch5 (4), черные: Крс6, Ca4, п. b4 (3).

И эта задача тоже солидного возраста. Ее составил в 1890 году

американский мастер В. Шинкман. Начиная игру, белые дают мат в три хода. Красивое решение задачи—1. Ch5—e2! Крс6—b6 2. Фf5—a5+! и затем 3. Ch2—c7 — мат.

Пешкин дал только основные варианты решений.

А вот задача без решения, конкурсная.

(Диаграмма № 3)

Белые: Крf1, Фе3, Лh3, Сb2, Cf7, Kg5, п. a3, b6, d2, e6, f4, h4 (12), черные: Крh8, Cf8, п. e7, f5, f3, g7 (6).

Как в этом положении белые, начиная игру, дают мат в три хода?

Сто наград Пешкина

Пешкин купил шахматных книг, попросил чемпиона мира А. Карпова поставить на них свой автограф. Этими книгами и «Грамотами ферзя и ладьи» Пешкин наградит ребят, которые хорошо проведут шахматные соревнования в своем лагере и пришлют подробные сообщения об этих соревнованиях.

Почта Пешкина

Ученик четвертого класса **Витя Слукин** из города Жуковского, Московской области, прислал такое письмо: «Я прочитал твои советы, Пешкин, и хочу сообщить, что мы провели шахматный турнир у нас в классе. Победители получили четвертый спортивный разряд. Я тоже имею четвертый разряд.

Я впервые участвую в твоём конкурсе и надеюсь стать шахматистом третьего разряда».

«Я буду очень рад этому!» — ответил Пешкин Вите.

Пешкин желает успеха всем участникам заочного соревнования.

Лёка — человек деятельный и в пионерском лагере «Солнышко», куда они в этом году поехали с Мариной, сейчас же организовала кружок «Все умею сам».

Каждый рассказывал и показывал, что умеет делать: шить, вязать, вышивать, мастерить.

Вот только никто не знал, как раскрашивать майки. Думали, думали, ничего не придумали.

— Что делать? — сокрушалась Лёка. И с первым солнечным лучом отправила экспресс-телеграмму:

«132130-2, первый квадрат, Калининке, 30 июня. Очень прошу, расскажи, как раскрашивать майки. Лёка, Марина».

...День прошел, два прошло, а ответа нет.

— Не дошла телеграмма, — сказала Марина. — Калининка, наверное, сейчас на Сахалин полетела.

— Нет, — упрямилась Лёка, — все равно ей телеграмму вручат.

Еще день прошел... Уже и солнце за лес ушло, уже и соревнования теннисистов закончились, и ужин прошел, и репетиция концерта началась, а Калининки нет.

— Ну, что же, — сказала Лёка и, отрепетировав танец, не осталась, как всегда, до конца всех репетиций, а ушла в библиотеку, захватив «Англо-русский словарь». Она дала себе слово за лето выучить пятьсот шестьдесят английских слов. Очень просто: три месяца каникул — значит девяносто дней, каждый день по шесть слов. За длинный летний день всего-то шесть слов! Утром она их прочитывала, смотрела транскрипцию, в течение дня несколько раз повторяла, вечером записывала в тетрадку и повторяла предыдущие слова. Правда, последние три дня она не раскрывала «Ан-Рус» — очень беспокоилась о Калининке.

Села Лёка в отдельное кресло в углу библиотеки, раскрыла словарь, а там точно в середине вместе с тетрадкой телеграмма с зеленым кленовым листком!

«Солнышко» 1 июля.

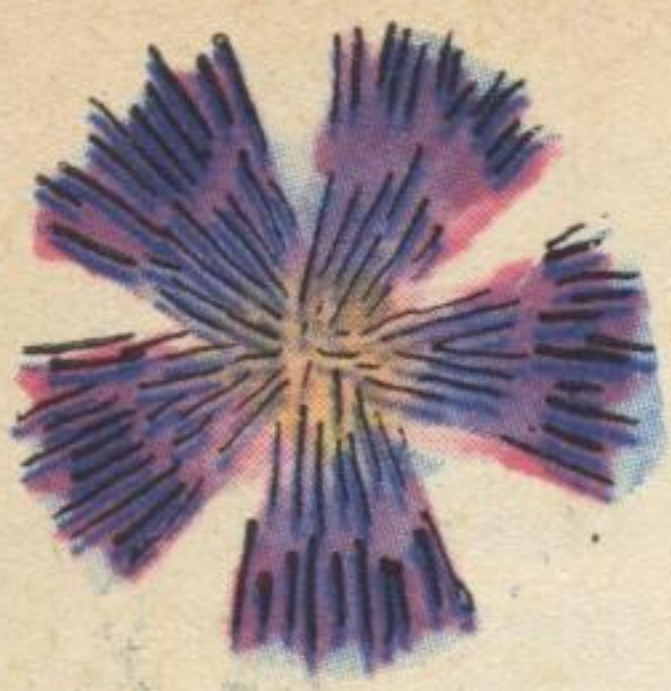
Привет с Сахалина. Купалась вчера в океане. Каталась на дельфине Антее. Нашла на дне Серебряной бухты удивительную ракушку. Антей рассказал ее историю. Узнаете при встрече. Посылаю пять страниц из книжки. Привет всему «Солнышку».

И подпись: Калининка.

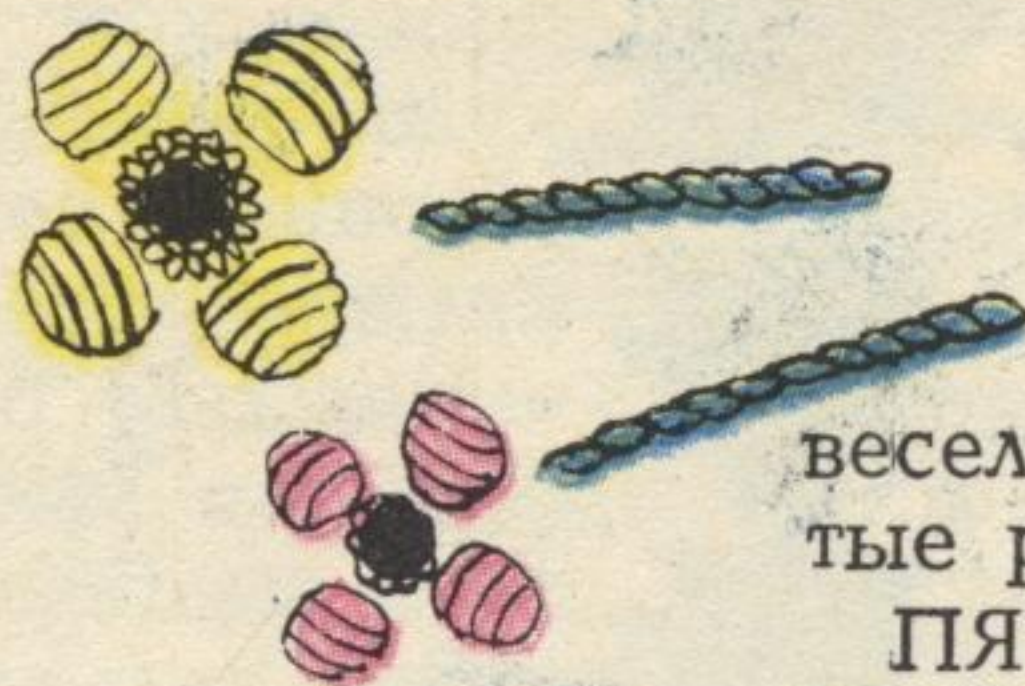
Лёка очень обрадовалась и очень огорчилась: три дня волновалась зря и слово, данное себе, — самое крепкое слово — не выполнила.

Лёка заставила себя сосредоточиться и выучить за оставшийся до отбоя час тройную норму слов.

А завтра ровно в 17.00 вся

ЗВЯЖИ И РАСКРАСЬ

ТУГО ОБМОТАТЬ НИТКОЙ
МАЛЕНЬКИЕ УЗЕЛКИ,

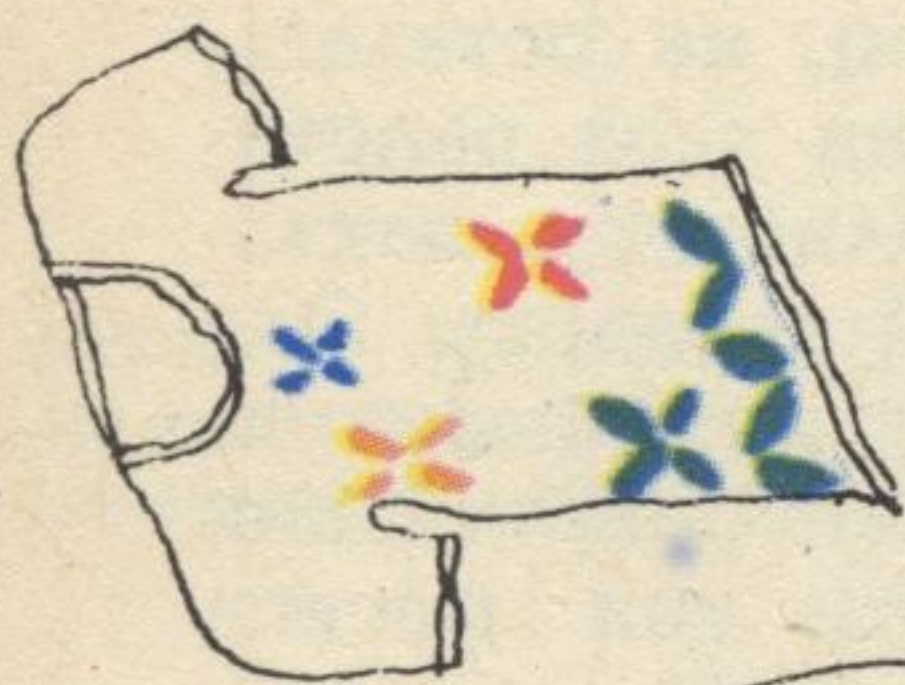
СРЕДИ НИХ НЕКОТОРЫЕ
ТОЛЬКО ОБВЯЗЫВАЮТ СНИЗУ

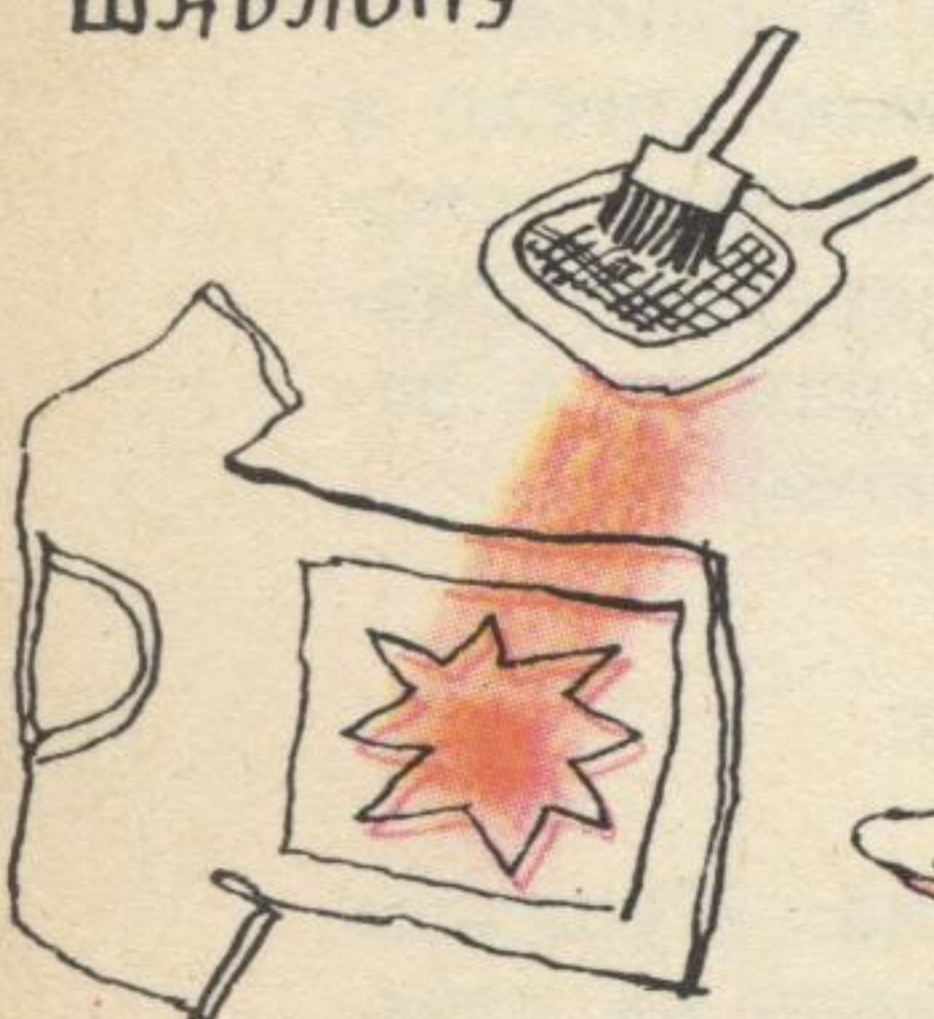
УЗЕЛ
ОБВЯЗАН
ДВА РАЗА

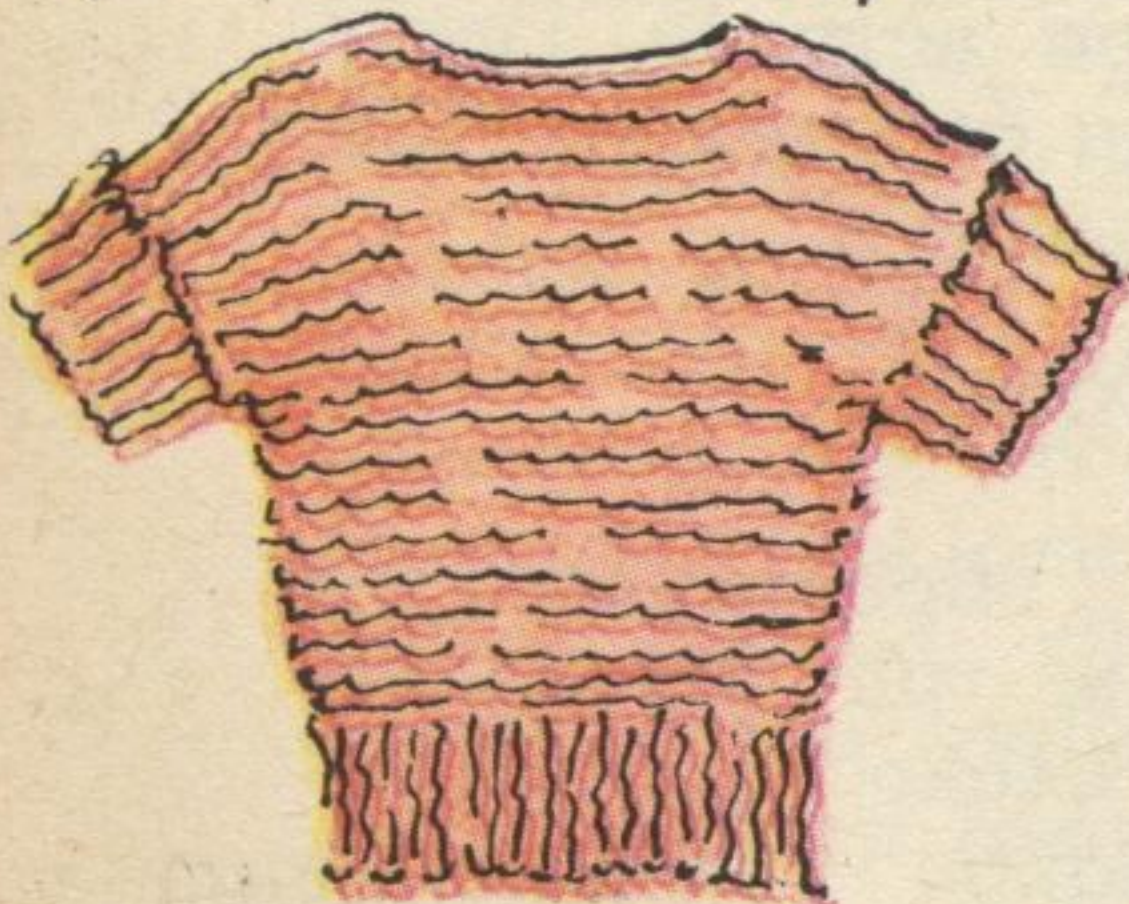
РУЧНАЯ ПЕЧАТЬ ШТАМПИКАМИ

АЭРОГРАФИЯ — РАЗБРИЗГИВАЕМ КРАСКУ ЧЕРЕЗ СЕТКУ ПО БУМАЖНОМУ ШАБЛОНУ

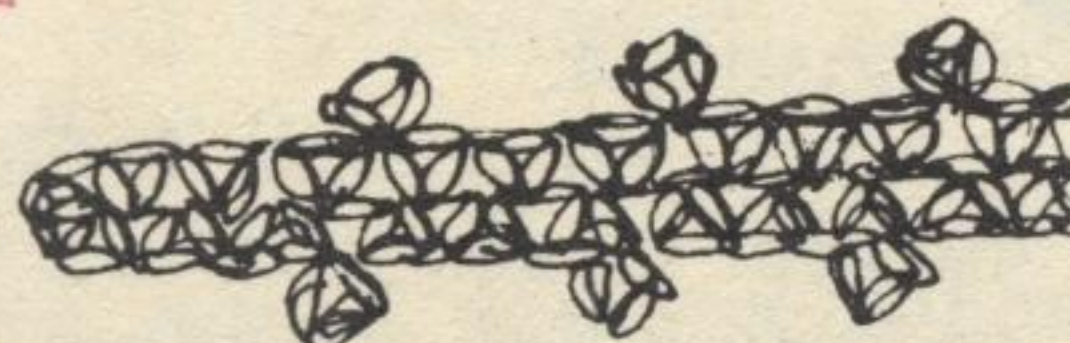
КИМОНО ВЯЖЕМ СПИЦАМИ

8	18	
		18
		22
		12

ВЯЖЕМ ШНУРКИ

КРЮЧКОМ

СПИЦАМИ

веселая ватага «мастеров — золотые руки» изучала.

ПЯТЬ СТРАНИЦ ИЗ КАЛИНКИНОЙ КНИГИ.

Майку можно раскрасить, разрисовать или запечатать одинаковым рисунком с помощью штампа.

Для того, чтобы раскраска получилась хорошо, красиво, необходимы:

терпение и выдержка. Терпеливо сделать эскиз, может быть, не один, найти лучший вариант, чтобы не испортить майку. **Внимательно** завязать узелки. **Терпеливо** составить краску, процедить ее, чтобы не было нерастворенных частиц. **Не торопиться** и дать майке прокипеть и хорошо остудиться. **Не суетиться** и тщательно прополоскать, пока вода не станет светлой. **Терпеливо** раскрасить или вышить необходимые по эскизу узоры.

Не меньше терпения и выдержки нужно, чтобы вырезать штампы или трафареты.

Краски и бензин можно купить в хозяйственном магазине или в магазине канцелярских товаров (масляную краску и кисти).

Осторожность. Бензин легковоспламеняющаяся жидкость. Нельзя заниматься разведением красок у огня.

Резиновые перчатки или какие-нибудь старые, ненужные шерстяные или кожаные, чтобы не испачкать руки.

Большой фартук или старенькие джинсы и рубашка: если посадишь пятно, чтобы было не жалко.

Но самое главное — **желание получить красивую, нарядную вещь.**

РАСКРАШИВАЕМ МАЙКИ

Лучше всего раскрашивать белую майку, но можно и желтую, голубую и даже красную (в этом случае рисунок делать темно-красной, синей, черной краской).

Вырежи из бумаги как бы выкройку своей майки и на ней красками сделай рисунок. Приложи к себе, посмотри. Нравится? Подходит? Тогда можно браться за дело. Есть несколько способов раскраски.

АЭРОГРАФИЯ

По картонному трафарету через металлическую сетку (любое металлическое сито, лучше мелкоячеистое) разбрызгиваем щетинной кистью или зубной щеткой жидкую масляную или нитрокраску.

Где-то набрызгаем погуще, например, в середине рисунка, где-то послабее, добиваясь плавного перехода от насыщенного тона к светлому.

ПЕЧАТЬ ШТАМПОМ ИЛИ ПО ТРАФАРЕТУ

Вырежи на куске дерева (пластика, толстой резины) штамп-пе-

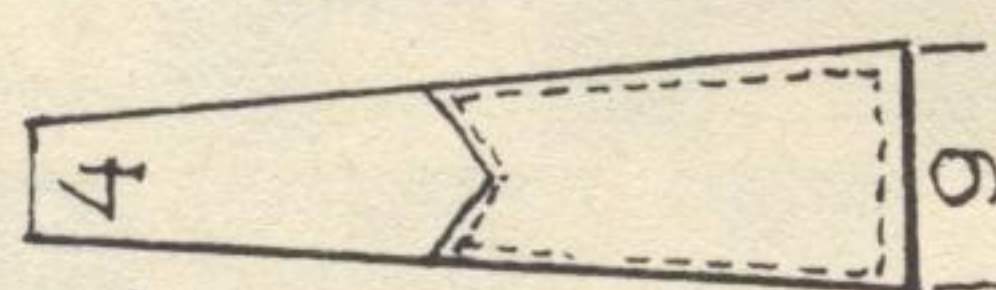
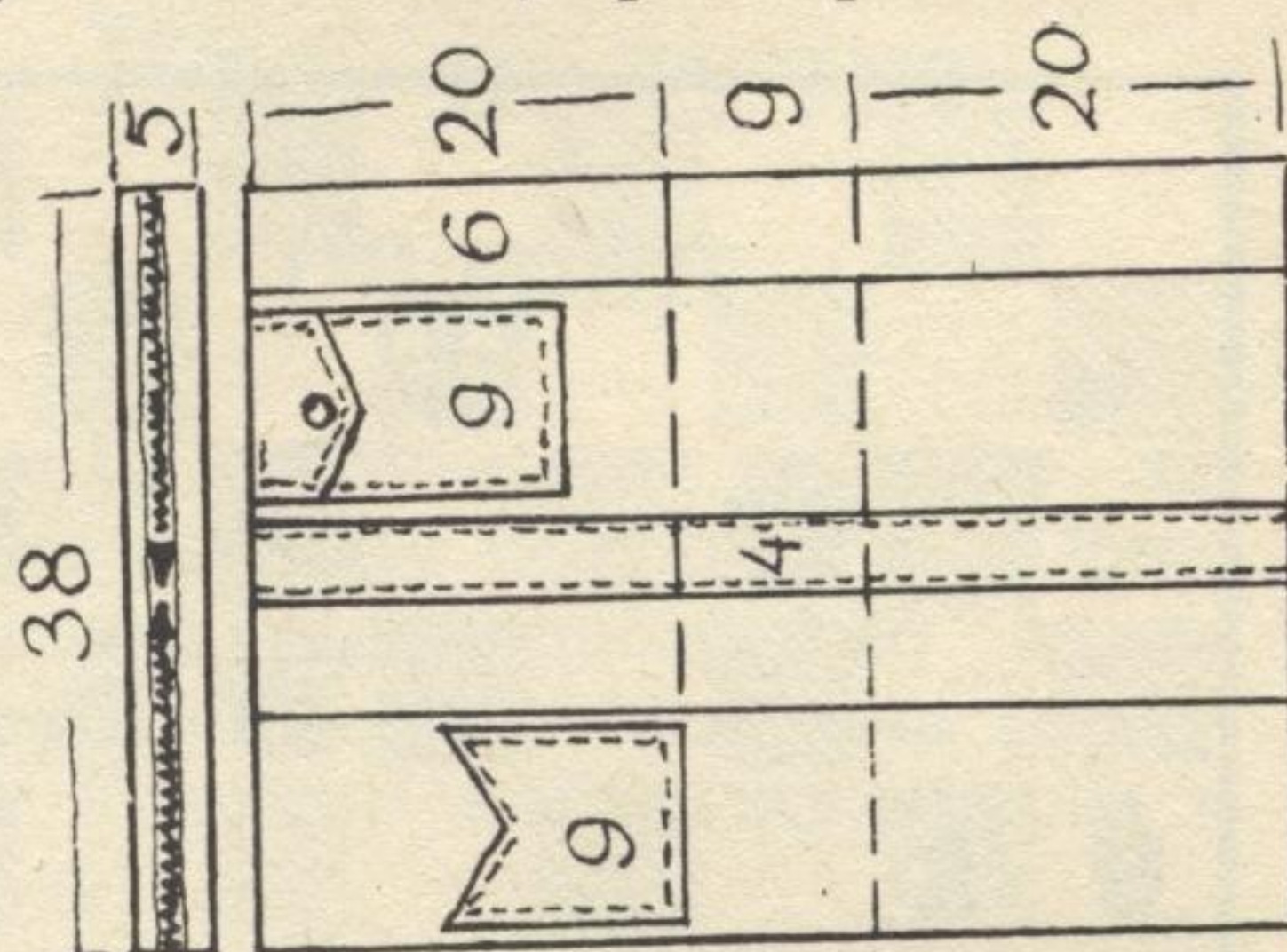
чатку. Можно вырезать 2—3 штампа для рисунка в 2—3 краски. Один штамп — цветок красный, второй — цветок синий, третий — листья зеленые. Разводим бензином масляную краску и, смазывая штамп, прикладываем к ткани, печатаем. Можно печатать «одним прогоном», прикладывая сначала штамп для красной краски по всей поверхности майки, потом пропечатать синим штампом тоже по всей поверхности, а потом зеленым. А можно и «тройным прогоном»: прикладывая красный, синий, зеленый один за другим, печатаем каждый букетик отдельно. Напечатал один букетик — приступаешь к следующему. Второй способ более длительный, но дает лучший результат.

Как печатать по трафарету, мы уже говорили много раз. Напомним вкратце: вырезаем из плотной бумаги трафарет и, прикладывая его к ткани, вбиваем в вырезанный рисунок жидкую масляную или нитрокраску.

1. «Завяжи и раскрась»

На майке туго завязываем нитками маленькие узелки. Можно чередовать лицевые узлы (с лицевой стороны майки) и изнаночные.

Разводим краску. Процеживаем ее. Добавляем соль для бумажной ткани и уксус для шелка или шерсти, наливаем в большую, просторную посудину (обязательно спросив у мамы или бабушки, какую из старых кастрюль можно взять) и опускаем туда намоченную в холодной воде майку. Ставим на огонь. Доводим до кипения. Кипятим минут 20, остужаем и только тогда прополаскиваем много раз в холодной воде. Развязываем узелки. И еще раз пропо-

ласкиваем. Ну, как? Получились белые (голубые, желтые, смотря по тому, какая была майка) разводы на окрашенном фоне. На разводах можно вышить несложные узоры или раскрасить их кистью жидкими масляными или нитро-красками.

А теперь добавлю то, о чем вы с Мариной и не просили.

В этом году вошел в моду покрой «кимоно». Можно связать кофточку «кимоно», очень удобную летом. Днем — сарафан, а прохладным вечером накинул кофточку — и тепло, да и комары не кусают.

КИМОНО ДЛЯ МАРИНЫ

На 42-й размер надо 400 граммов шерсти или синтетики, спицы № 2,5 и № 3,5.

Образец: 34 петли резинкой $3 \times 3 \times 40$ рядов = 10 сантиметров $\times$ 10 сантиметров.

Спинку начинаем вязать с низа правого рукава. Набираем 65 петель на спицы № 3,5 и вяжем резинкой 3×3 всего 18 сантиметров. Затем набираем еще 77 петель и вяжем этой же резинкой все 142 петли, 32 сантиметра в высоту.

Затем закрываем 77 петель, а оставшимися 65 петлями вяжем еще 18 сантиметров в высоту (левый рукав). Все петли закрываем.

Перед вяжем так же, как спинку, только спинку начинаем 3 петлями изнаночными, а перед — 3 петлями лицевыми, чтобы узор резинки не изменился, когда будем сшивать кимоно.

Для резинки набираем 121 петлю, вяжем 12 сантиметров и все петли закрываем. Так же вяжем резинку для переда.

Пришиваем резинки к спинке и переду. Сшиваем бока и рукава. Сшивая рукава сверху, оставляем незащитыми 16 сантиметров для выреза горловины.

Кимоно можно не только связать, но и сшить из кусков разной ткани двух, трех цветов. Посмотри на чертеж, все поймешь.

ВЫШИВАЕМ БЛУЗКИ

Блузки из ситца, батиста, полотна можно сшить по чертежу, который показала Татьяна Ивановна Орынская. Чуть заузить или расширить в талии, удлинить или расширить рукав, изменить ворот, и по одному чертежу получатся разного фасона блузки. Вышиваем гладью, крестом, мережками, отделяем тесьмой, купленной в магазине или связанной своими руками, кружевами, пуговицами.

Красива вышивка не только цветными нитками по однотонной ткани или контрастными нитками

(красными по синей, белыми по зеленой, синими по белой), но белыми нитками по белой ткани или нитками, цвет которых лишь слегка отличается от цвета ткани. Например, по белой ткани светло-серыми нитками или по светло-красной ткани темно-красными нитками.

Можно вышивать не только нитками, но и пуговицами. Пуговицы подбираем цветные, плоские, пять — семь миллиметров в диаметре, нашиваем их густой цепочкой через равные промежутки, немного отступив от шва. Из пуговиц можно вышить несложный узор на карманах, кокетке, воротнике.

ШЬЕМ СУМКИ

На рисунке и чертеже видно как смастерить сумку. Верх можно сшить из джинсовой ткани, из холста, из плотной декоративной ткани с некрупным рисунком. В ручку встраиваем бортовку, для подкладки используем любую тонкую ткань.

БОСОНОЖКИ ДЛЯ ПЛЯЖА

Подметку можно выточить из дерева, вырезать из пробки, пенопласта или из двух слоев резины и толстой стельки, а верх состроить из джинсовой ткани с вышивкой или сплести из толстого шнура.

ПЛАТЕМ ШНУРКИ

Тесемки и шнурки (для кос, для отделки платья и кофточки, для того, чтобы расшить сумку и босоножки) можно связать из любых ниток — бумажных, шерстяных, шелковых, можно взять разные нитки (бумажные, шелковые, шерстяные), однотонные или разных цветов.

ТЕСЬМА И ШНУРКИ

Вяжем крючком обычную косичку, косичку с зубчиками «пико» из трех петель, столбиками с пико. Такая тесьма хороша для отделки платья, юбки, блузки.

Вяжем спицами шнурок

1 ряд — две петли вместе провязать на лицо, 1 петлю добавить на спицу, вытянув из-под первого ряда, не провязывая.

Вяжем тесьму спицами

Набираем число петель, кратное пяти.

1 ряд — все петли изнаночные.

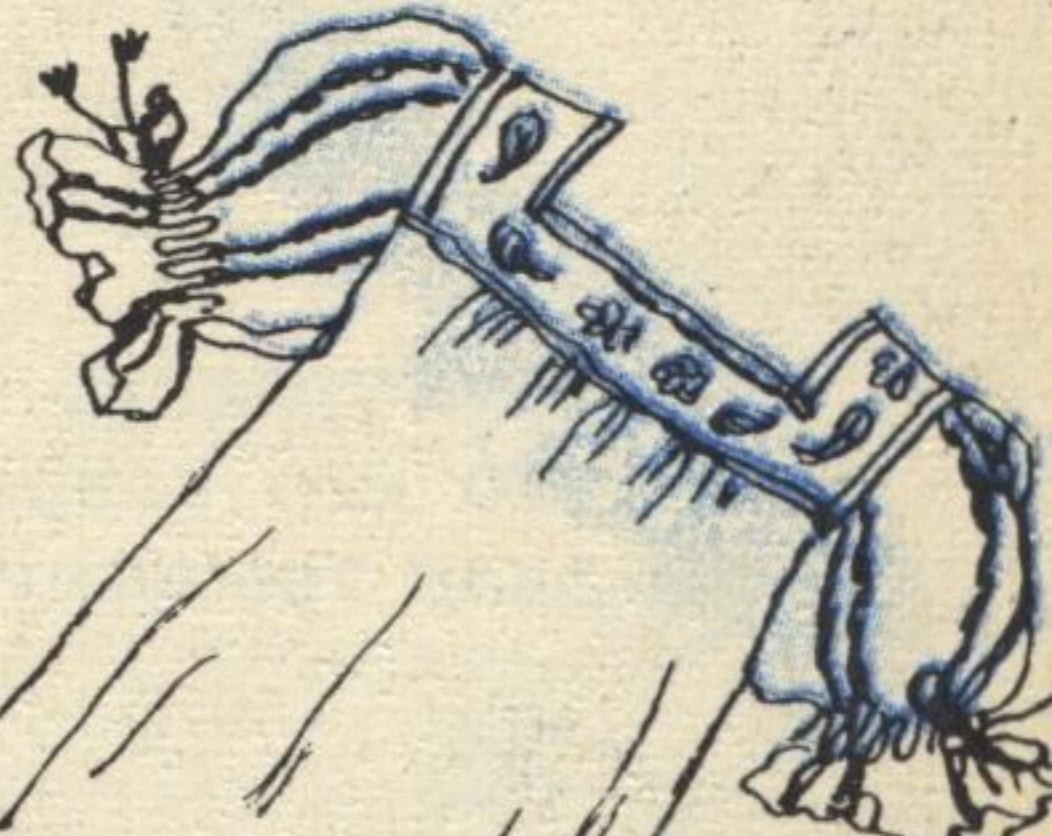
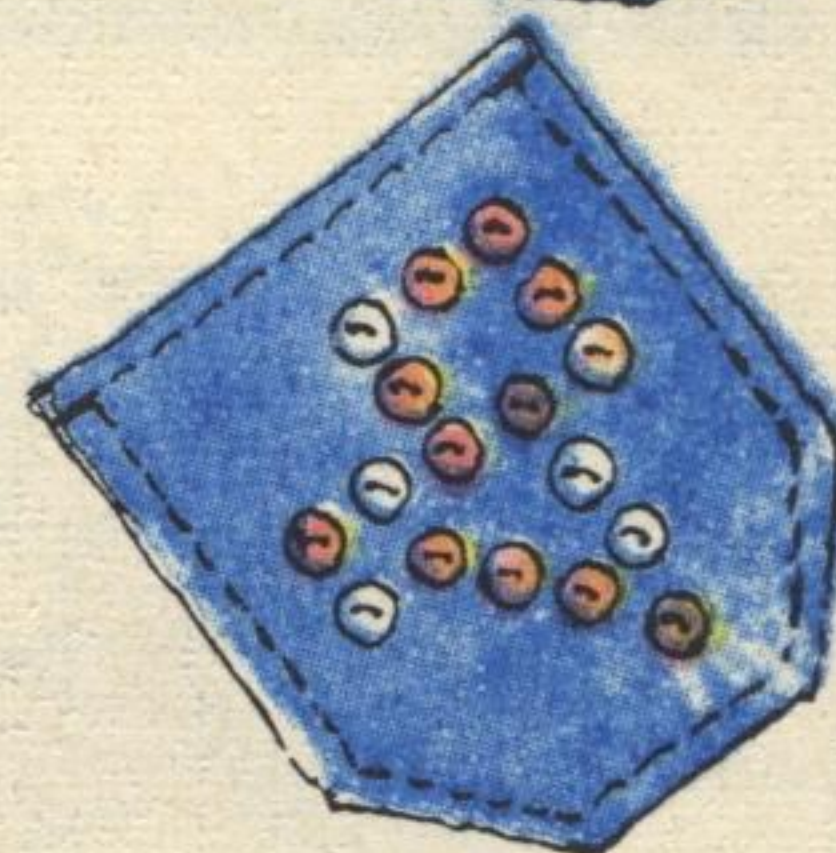
2 ряд — 5 петель лицевых, 1 петлю добавить на спицу, вытянув ее из-под первого ряда и не провязывая.

3 ряд — все петли изнаночные, вытянутые петли не провязывать.

4 ряд — как третий, только петли лицевые.

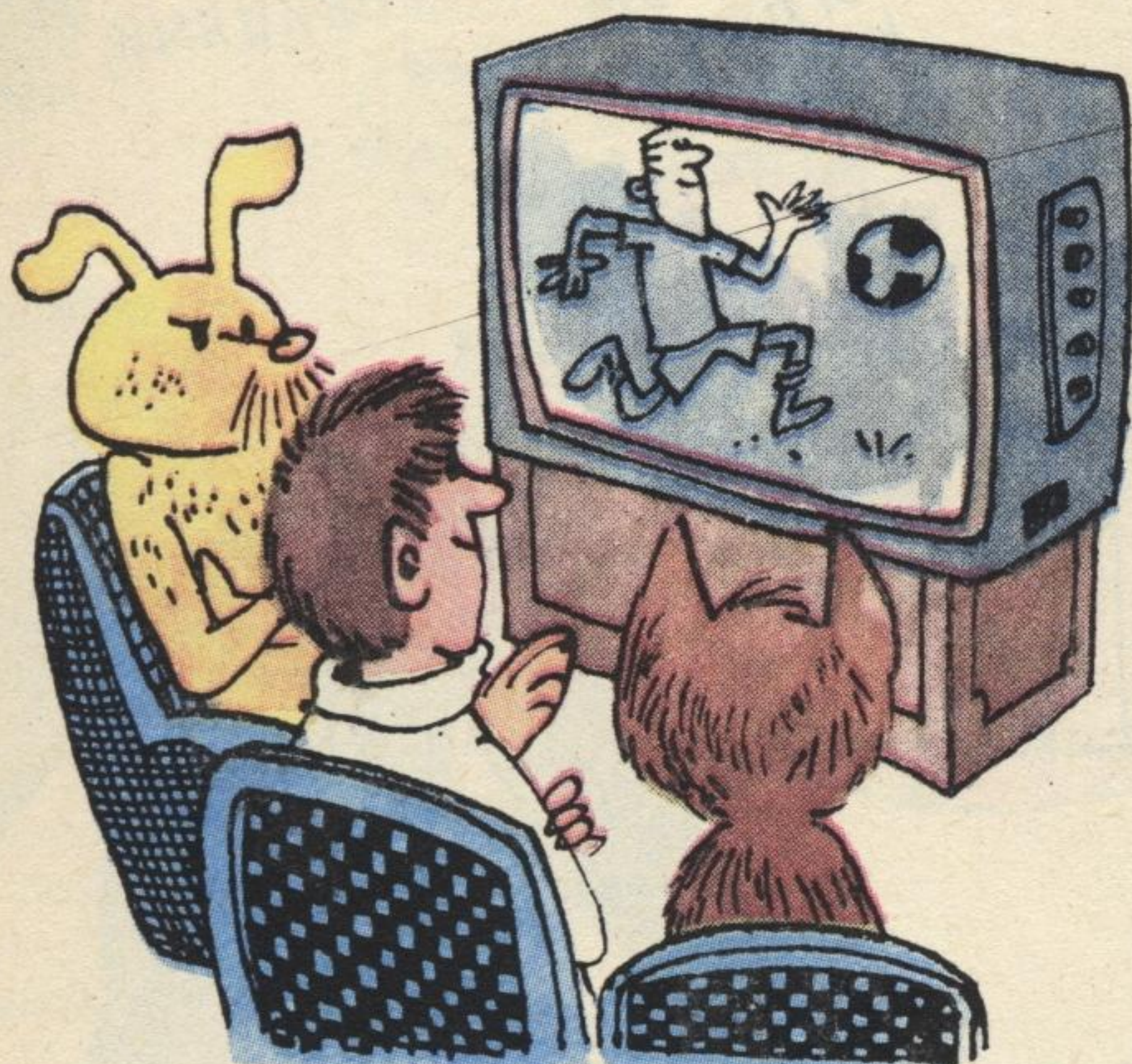
5 ряд — закрыть все петли.

ВЫШИВАЕМ
МЕЛКИМИ ПУГОВИЦАМИ,
БИСЕРОМ,
ГЛАДЬЮ,
КРЕСТОМ

ИЗ ШКОЛЬНЫХ СОЧИНЕНИЙ

«Собаки и кошки живут с человеком одними интересами».

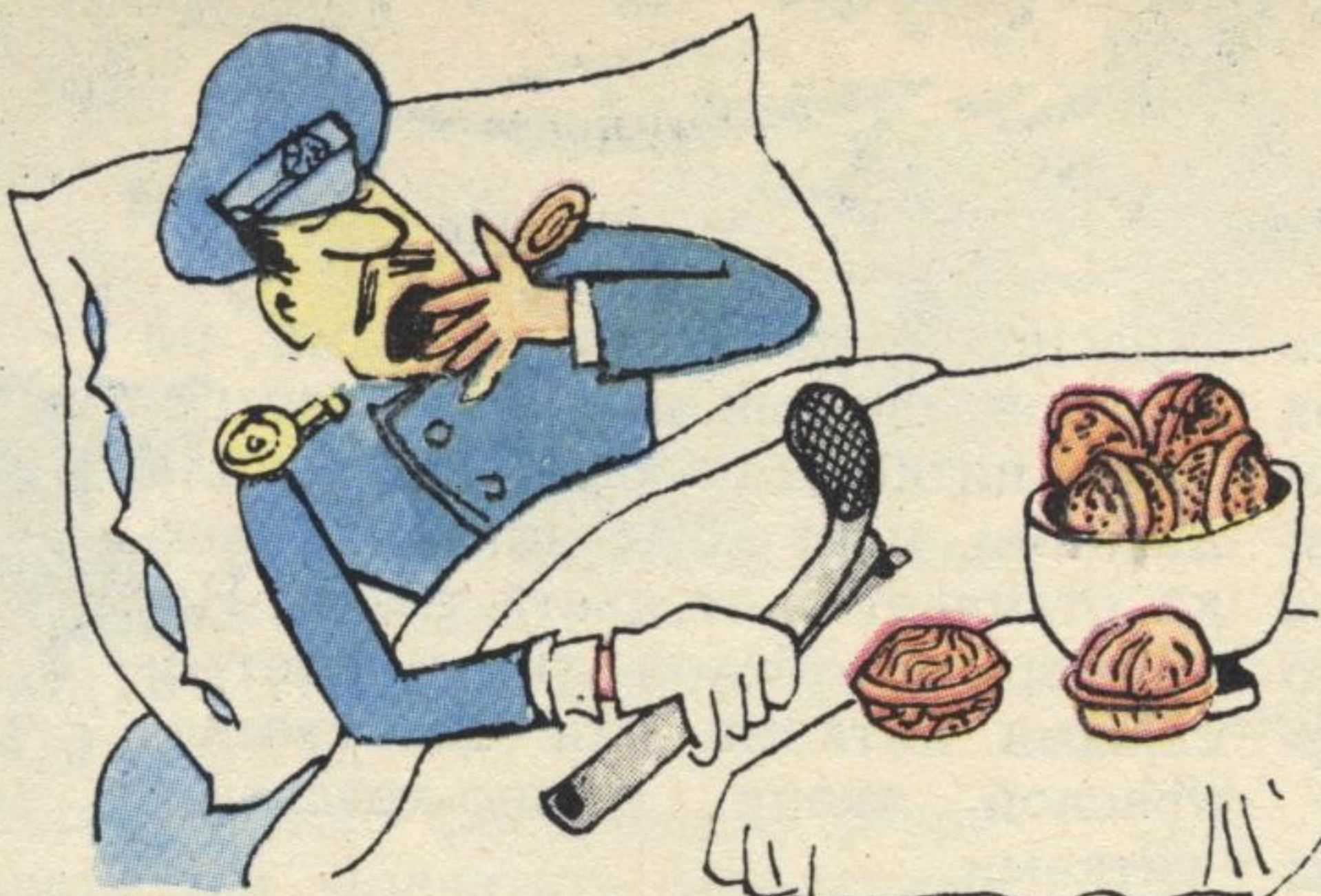
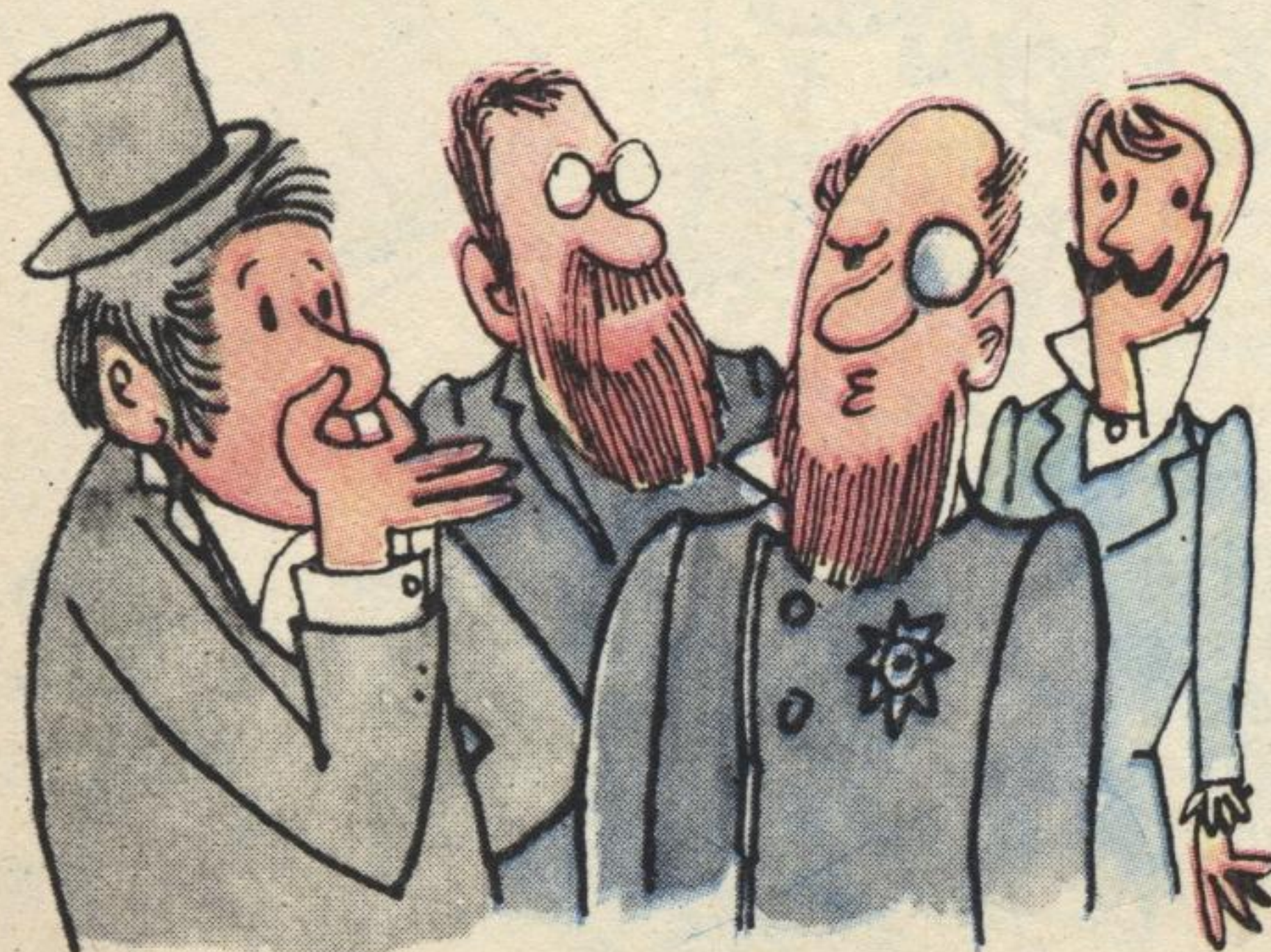
«Утки улетели, оставив на песке свои перепончатые лапки».

«Агроном был одет просто. На голове у него была фуражка, рубашка и брюки».

«Тургенев первым почувствовал, что его современники прогнали и дали трещину».

«Печорин ничего не делал и постепенно превратился в Обломова».

«Катерина хотела быть птицей, но в царское время это было невозможно».

Юрий Шанин — писатель и ученый, специалист по Древней Греции — решил напомнить, что 1976 год — Олимпийский, а потому следовало бы открыть
**«СЛОВАРЬ
СМЕКАЛИСТЫХ
СПОРТСМЕНОВ»...**

БАСКЕТБОЛ.

Слово английское. Но в баскетбол, несмотря на его англо-американское происхождение, играют одинаково азартно и в Принстоне, и в Прилуках, и в Канзасе, и в Казани. Корнями своими баскетбол уходит в Древнюю Мексику: тут еще за 1000 лет до нашей эры индейцы-мая изобрели игру «тлачтли», в которой тоже бросали мяч по кольцу. Но тлачтли имела одно неприятное правило: в случае поражения капитану проигравшей команды отрубали голову (после чего он уже играть не мог). Поэтому капитаны в плохих командах менялись довольно часто.

Как видите, современные баскетболисты играют в гораздо более приятных условиях. И это должно их вдохновить на новые победы!

КРОСС.

По-английски это слово означает «резать», «пересекать».

Некоторые слишком сообразительные (и не слишком честные) бегуны «режут углы», сокращая дистанцию. Но после этого их уже никто не называет спортсменами.

Главное в кроссе — успеть финишировать до того, как судейская коллегия уйдет домой.

МЯЧ.

Хотя и круглый, но очень многогранный предмет: а) орудие проверки прочности оконных стекол; б) на воскресной прогулке в лесу — лучший способ сплотить недружный класс... и так далее.

А вот частушки, которые сочинил для «Переменки» Владимир Панков при активном участии школьницы-дочки:

Костя наш неаккуратен,
Насажал на книжку пятен.
Чтобы пятен не сажать,
Книг решил он не читать.

Сеня игры обожает,
Игроком заядлым стал.
Он за год в библиотеке
Десять книжек «заиграл».

У Степанова портфель
Дышит еле-еле.
А ведь он на нем катался
Только две недели.

Александр КРЕСТИНСКИЙ

«Коля все время сплетничает про всех, а сам считает себя рыцарем и настоящим мужчиной...»

Лора З.

СЛУЧАЙ НА СРЕДНЕВЕКОВОЙ ДОРОГЕ

Рыцарь рыцаря спросил:
— Где твой конь тебя носил?
Отвечал сосед соседу:
— Из далеких странствий еду,
Новостей хоть отбавляй,
Только ухо подставляй.
Сообщаю по секрету:
Поль влюбился в Генриетту.
Откровенно говоря,
Он ухаживает зря.
Абсолютно между нами —
Я любезен этой даме.
И поверишь ли, сосед,
Интригован высший свет!
А намедни, брат, намедни,
Возвращаясь от обедни...

Сплетню он не досказал —
Был повержен наповал.

За точность всего, что происходит на КАНИКУЛЯРНОЙ «ПЕРЕМЕНКЕ», отвечает Н. Ростовцева.

Борис ЛАСКИН

рыба сорок пятого размера

ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Не знаю, как у вас, а в нашей компании, когда я был мальчишкой, многие любили прихвастнуть. Кто чем. Вовка Тюрин — своим родным дядей, знаменитым летчиком. Вовка говорил: «Мы с дядей Сережей летали, мы с ним «мертвые петли» делали. Одну он, другую я». Вовке, конечно, никто не верил, но, чтобы доставить ему удовольствие, мы все дружно восхищались: «Вот это да!» Димка Добродеев хвастался, что встречался один на один с медведем. Ксюша Фомина спросила: «И тебе не было страшно встречаться с плюшевым медведем?» Димка в ответ презрительно усмехался, а когда мы потребовали, чтобы он нам поведал все подробности, выяснилось, что медведь и правда был не плюшевый, он был живой, но встречи их состоялись в зоопарке.

Хвастуном номер один был у нас Сенечка Жильцов, по прозвищу Семен Мюнхгаузен. Сенечка, например, как-то сообщил всей нашей братии, что лично он поймал на крючок акулу и было это на Черном море около Артека. Мы закричали: «Ха-ха! Хо-хо!», — но Сенечка нисколько не смутился: «Не верите, да? Дело ваше».

Однажды Сенечка довел до всеобщего сведения, что ему достался первый приз за игру на аккордеоне. И тут же кто-то из ребят вынес аккордеон: «Попросим артиста Семена Жильцова исполнить что-нибудь». Но Сенечка заявил: «Я без нот не играю. И вообще у меня сейчас голова совсем другим занята: я изобретаю подводную лодку на батарейках, и мне некогда с вами ласы точить».

Теперь вы представляете, какой был звонарь наш Семен Мюнхгаузен?..

Но вообще-то говоря, если честно признаться, я тоже иногда кой-чего придумывал. Не то чтобы очень хвастался, нет, просто я в некоторых случаях немножко преувеличивал. Я вот, например, здорово плавал вольным стилем и на спине. И лихо нырял. Метров шесть мог бы проплыть под водой или десять. Как когда.

И вот как-то раз идем мы с Сенечкой из школы, и он вдруг говорит: «Знаешь, какой мы с тобой можем трюк сделать?.. Когда на берегу все соберутся, ты нырни, заплыви в осоку, там незаметно высунься, подыши и опять нырни, а когда вынырнешь, все ахнут — сколько ты был под водой, как человек-амфибия. Понял, какой ты можешь отколоть героический номер?»

Я говорю: «Вообще-то, конечно, но ничего героического в этом не будет. А будет небольшая хитрость, и все».

Сенечка говорит: «Тогда слушай, я другое придумал. Я на берегу снова напомним про акулу, ребята, конечно, опять начнут смеяться, а я тогда скажу: «Жаль, у нас в озере акулы не водятся, а то я бы вам показал класс рыбной ловли. Я знаю такую наживку, на которую клюет самая крупная рыба Советского Союза». И тут я закину удочку, поплавок дернется, я подсеку и вытащу вот такую здоровущую рыбину!»

Я спрашиваю: «Где ж ты ее поймал?»

Сенечка отвечает: «А она уже поймана. Вернее, куплена в рыбном магазине. Это зеркальный карп. Мама его из магазина привезла в ведерке. Она его завтра жарить будет. Но это завтра. А сегодня, когда мы будем на берегу, ты с этой рыбой замаскируешься в осоке. Я удочку закину, ты нырнешь и прицепишь рыбу на мой крючок. Понял?»

Я говорю: «Пожалуйста. Это я могу. Принеси свою рыбу прямо в ведерке, чтоб она живая была».

Собрались мы вечером на берегу, и Сенечка прямо сразу завел разговор про свою акулу. Я спрятался в осоке, а ведерко с карпом поставил на мостки. То ли я заслушался, то ли немного отвлекся, вдруг вижу — ведерко исчезло и тут же рядом оказался Петька Маслов.

Я ему говорю: «Где ведерко, что тут стояло?» А Петька говорит: «Спокойно. Ты уже озяб. Тебе сейчас нельзя нырять. Я намеченную операцию проведу не хуже тебя!»

Я подумал: «Интересно, откуда же он узнал, что мы наметили с Сенечкой? Скорей всего Ксюша проболталась, которой я по секрету изложил операцию «Мюнхгаузен».

Я отдал Петьке ведерко с карпом и говорю: «Раз ты в курсе дела, действуй. Я не возражаю».

Вылез на берег, подхожу к нашей компании, вижу — Сенечка уже закинул удочку и вовсю языком работает: «Самое главное — перехитрить рыбу. Это мне сказал один рыбак. Он очень старый. Ему сегодня ровно девяносто девять лет».

И тут в этот самый момент Ксюша говорит: «Смотри, смотри! У тебя клюет!»

Сенечка говорит: «Вижу. Прекратите разговоры! Чувствую, что клюет крупная рыба. Смотрите все!..»

Р-раз! Сенечка подсек и вытащил блестящую, огромную, не меньше чем сорок пятого размера галошу...

Вы представляете, какой начался хохот? Все прямо каталось по траве.

И здесь из-за мыска спокойненько выплыл Петька. Один я знал, кто провел эту операцию, кто нацепил на крючок старую галошу. А Петька вылез на берег и спрашивает: «Как идет рыбалка? Клюет?»

Сенечка подозрительно глянул на меня, на Петьку и тихо спрашивает: «Где рыба?»

Петька говорит: «Я ее уже отнес к тебе домой. Маме отдал».

Сенечка снял с крючка галошу, нацепил червячка, вздохнул и снова закинул удочку.

...Прошло много лет. По моим сведениям, у него до сих пор не клюет.

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ.

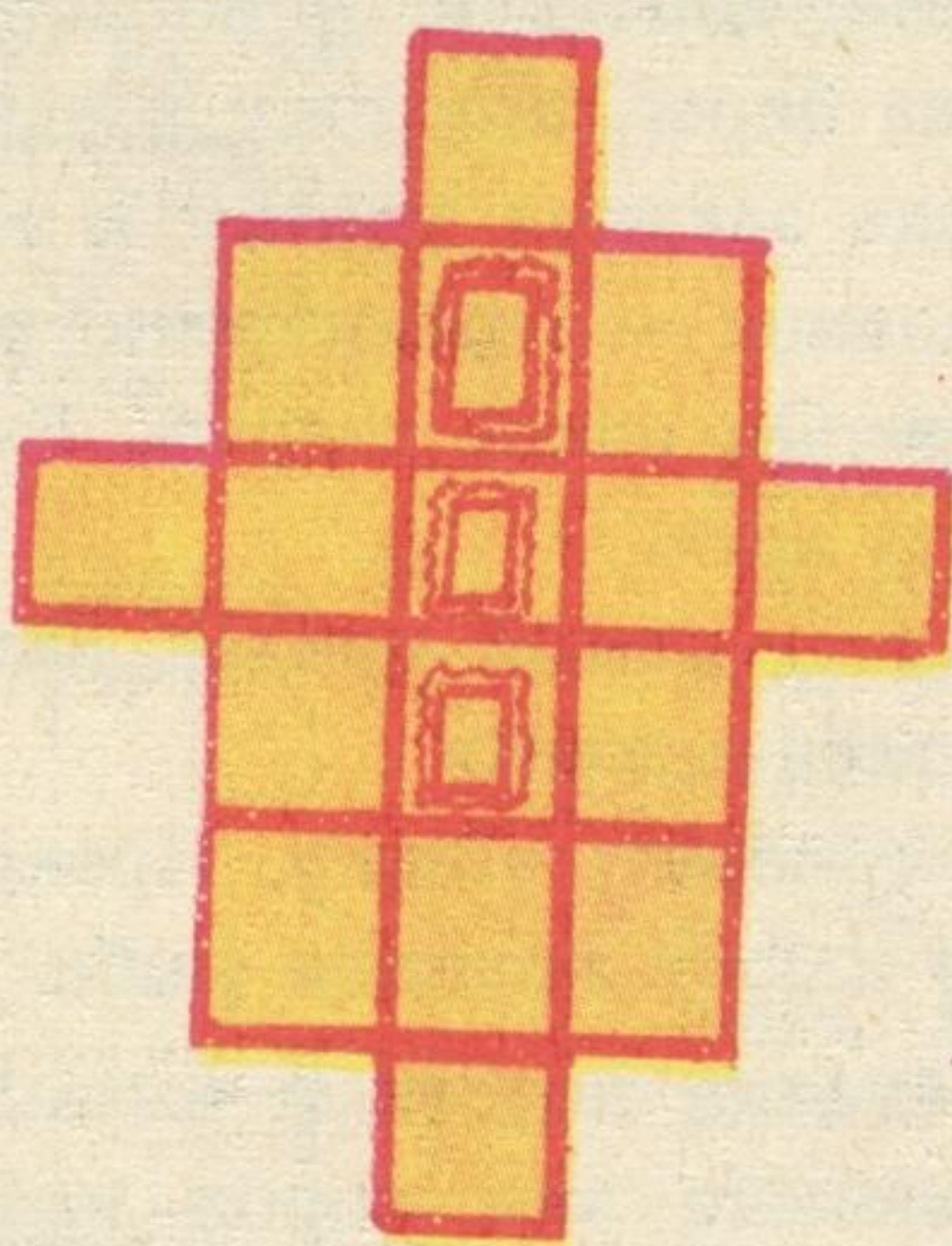
Рисунки А. ВОВИКОВОЙ

Сегодня «Ума Палата» появи-
лась на страницах «Пионера»
в сотый раз. Восемь лет назад
мы познакомились с читателя-
ми журнала и до сих пор дру-
жим с ними. Спасибо всем, кто
прислал нам в этот торжест-
венный день поздравления.

У нас день рождения, и мы
приглашаем вас всех в гости!

Игры Луны и Пинцета

Расставьте сети

Три рыбы из холодных вод Антарктики — такими марками может гордиться каждый собиратель фауны — Пинцет поместил в альбоме на отдельном листе. Посмотрите, какие он нарисовал сети! Можете нарисовать такие же, не отрывая от бумаги карандаша и ни разу не прочерчивая одну и ту же линию дважды? Жедаем успеха!

Луна и Пинцет.

3 ПРЕДМЕТА

Докажите, что у вас
самый острый
в мире глаз!

Спрятал в погреб царь Кощей
Много всяческих вещей.
У маркиза Карабаса
Их в чулане тоже масса.
Незаметно сразу это,
Но — болтать не стану зря! —
Есть похожих три предмета
У маркиза и царя.
Повнимательней взгляни,
Где находятся они.
(Подчеркнуть хочу я все же,
Ты об этом не забудь,
Что совсем они похожи
И во всем, а не чуть-чуть).

Живживка.

Эта утка в огород
На себе гнездо несет.

У Т К А

Эта утка с рюкзаком
На Кавказ идет пешком.

У Т К А

Эта утка — вид кино,
Все смеются, всем смешно.

У Т К А

Эта утка круглый год
Перед чашкой шею гнет.

У Т К А

Ну и утка! Хвост у ней
То короче, то длинней.

У Т К А

Эта утка с рукавами —
Вы ее носили сами.

У Т К А

А у этой крыльев нет,
Но летает сотни лет.

У Т К А

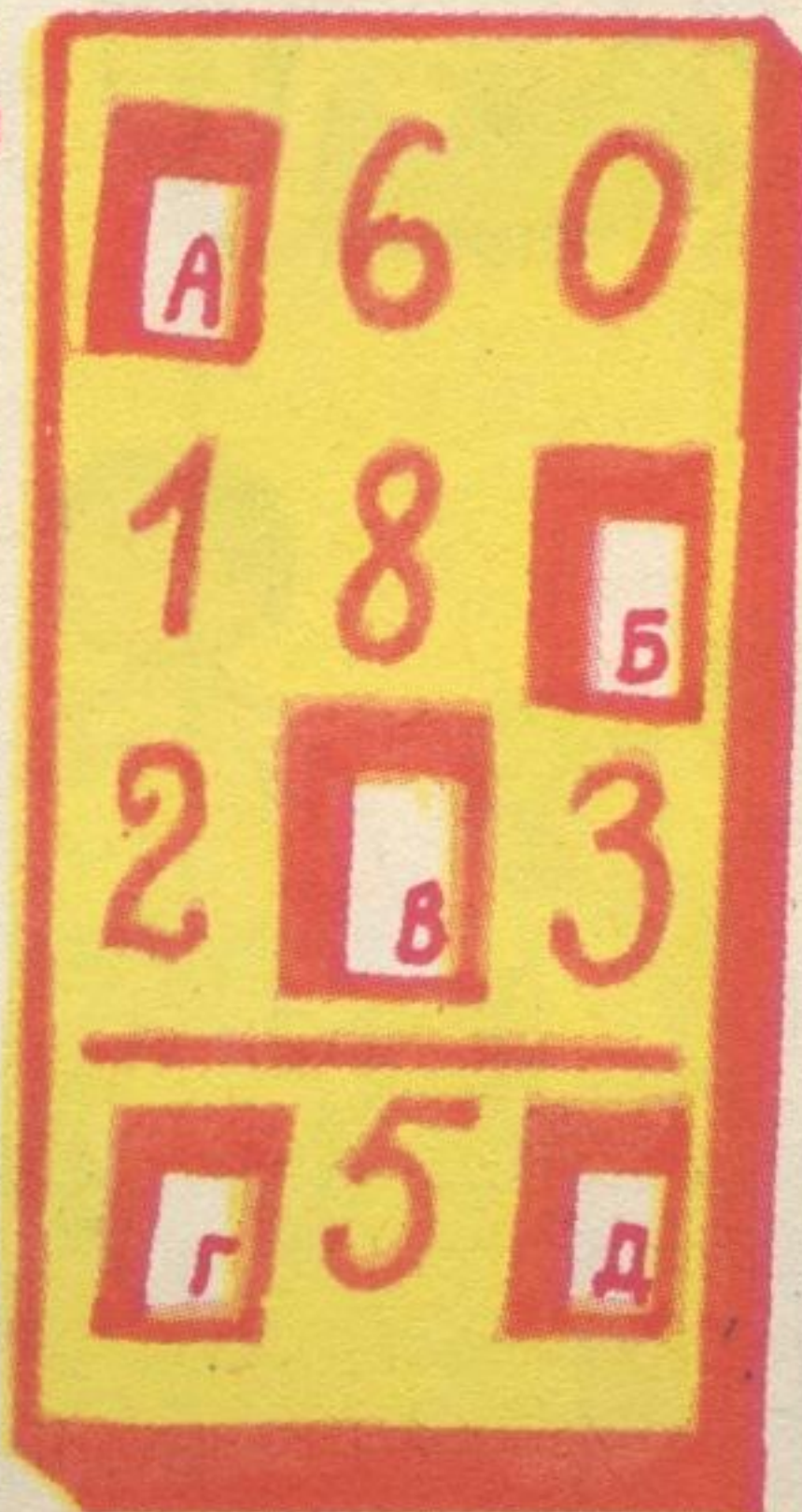
Присылайте мне отгадки. Не ленитесь! БУКВОЕД.

Помогите
Ослу

8 5 4 3 2 1 0
+ 7 6 5 4 3 2 1
+ 5 4 3 2 1 0
+ 2 1 0
+ 1 0
+ 0

Вид огорченный у осла:
Сложил он верно три числа.
Вдруг 8, 7, 1, 3, 5
Решили выйти погулять.
Задача вовсе не проста —
Найди в примере их места!

Живживка.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 6

Капитан Перо ищет помощника
В записке написано: «Завтра все дол-
жны явиться в три часа». Чтобы рас-
шифровать записку, надо по очере-
ди читать сначала первые, потом вто-
рые и т. д. буквы в словах.

Игры Лупы и Пинцета
Логическая задача

Мяч уравновесят девять шариков.

На рыбалку в Малави

Нужно разделить два кляссерных ли-
ста так, как на рисунке.

**ВСЕМ, КТО ЛЮБИТ КУПАТЬСЯ,
ХОРОШИМ ПЛОВЦАМ И ТЕМ,
КТО УЧИТСЯ ПЛАВАТЬ,
НЕСКОЛЬКО СОВЕТОВ:**

Плывя, дышите равномерно, не торопитесь, не гонитесь за скоростью;

если устали, отдохните, лежа на спине. Научитесь так держаться на воде.

Купайтесь не более двух-трех раз в сутки и не дольше пятнадцати — двадцати минут. При более продолжительном пребывании в воде наступает озноб и даже могут появиться судороги.

Категорически воспрещается:

заплывать за ограждения,
подплывать к проходящим судам, катерам и яхтам;

взбираться на предупредительные знаки, буйки, бакены;

прыгать в воду с лодок, катеров, парусников;

плавать с досками, автомобильными камерами, надувными матрацами;

купаться у причалов и плотин;

нырять в незнакомых местах;

купаться у крутых, обрывистых берегов, в водоемах, заросших водорослями.

Ребята! Соблюдайте сами эти правила и не позволяйте нарушать их товарищам!

Вступайте в секцию «Юных олимпийцев»! Помогайте взрослым осуществлять лозунг: «БЕЗОПАСНОСТЬ—ВОДЕ!»

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СОВЕТ
ВСЕРОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
СПАСЕНИЯ НА ВОДАХ
(ОСВОД РСФСР)**

СОДЕРЖАНИЕ

Через трудности к звездам.— Л. Турищева. Записал С. Иванов. Рисунки И. Урманче. Фотографии А. Бочинина	1
Красная тетрадка	
На острове за Волгой.— В. Чернявский. Фотографии В. Постникова. Рисунки В. Костицина	6
Лесное справочное бюро «Ау!»	8
Равных им нет.— С. Зигуненко. Рисунок Ю. Пожарской	10
Нечерноземью — пионерские Школы Умелых Хозяев! Посчитаем наши выгоды.— И. Голубева. Рисунки Ю. Бондаренко	12
Ковер-самолет.— Повесть В. Крапивина. Рисунки Е. Медведева. Оформление Ю. Алексеева	14
Море зовет.— Очерк Ю. Бехтерева. Фотографии В. Постникова. Рисунки А. Борисова	34
Маршрутами десятой пятилетки	
Свет и тепло текут по трубам.— В. Иванов. Рисунки А. Гришина	38
Рассказы о морских нефтяниках.— Очерк И. Андреевой. Рисунки В. Дудкина	40
Лето! Муравейник. Море, море... Синее Черное море. Ромашки. На велосипеде.— Стихи В. Сулова, В. Суворовой, Н. Кулаковой, В. Чиченина, А. Кондратьева. Рисунки Е. Вознесенской	46
Грузди-рыжики.— Рассказ Л. Фролова. Рисунки А. Аземши	48
Международный Пресс-центр «Пионера».— Ведет Я. Боровой. Рисунки Е. Шабельника	54
«Кораблик»	58
Свет «Костра»,	60
Что нам читать?	62
Переменка.— Рисунки Е. Шабельника	63
С любовью к людям.— М. Прилежаева. Рисунок Н. Марковой	64
Малая пионерская энциклопедия	65
Тебе, восьмиклассник	
Дружба, которой пять тысяч лет.— Очерк Л. Яхнина. Рисунки П. Багина	66
Старты надежд.— Музыка Ю. Чичкова. Слова К. Ибряева	72
Сами о себе	72
В стране шаха — владыки черных и белых полей.— Международный мастер М. Юдович	72
Академия домашних волшебников.— Рисунки Т. Ларионовой	73
«Рыба» сорок пятого размера. Юмористический рассказ В. Ласкина. Рисунки Е. Шабельника	77
Ума палата.— Ответственный дежурный Никита Разговоров. Рисунки А. Вовиковой	78
На обложке:	
Через трудности к звездам.— Рисунок И. Урманче.	

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

О. И. ГРЕКОВА, А. А. ДЕРКАЧ, В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, Н. В. ИЛЬИНА, Е. Л. КОВАЛЕНКО (ответственный секретарь), В. П. КРАПИВИН, Ф. В. ЛЕМКУЛЬ, С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, В. А. ПОДДУБНАЯ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, С. Ю. САХАРОВА (главный художник), Л. С. СИМОНОВА (зав. отделом школьно-пионерской жизни), Ю. М. ЧИЧКОВ.

Технический редактор В. П. БОРИСОВА.

Макет А. М. ГРИШИНА.

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва, А-37, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73. Рукописи не возвращаются.

© Издательство «Правда», «Пионер», 1976 г.

Сдано в набор 20/IV 1976 г. А 00923. Подписано к печати 1/VI 1976 г. Формат 84×60¹/₈. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 460 000 экз. Изд. № 1535. Заказ № 2163.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

НАШ ЛЯГУШАТНИК

Ответы на задачи из № 5

БЕК X A = 1976

Здесь проще всего перебрать все однозначные делители числа 1976. На 3, 5, 6, 9 оно не делится. Подумай, почему? Остается проверить числа 2, 4, 7, 8. Число 7 тоже не делитель для числа 1976. Из чисел 2, 4, 8 (они все делители для 1976) подходит только 8. Значит, у этого ребуса только одно решение: $247 \times 8 = 1976$.

ИКС + ДАЗЕТ = ИГРЕК

Это сложный пример. Он рассчитан на семиклассников. Если ты не смог решить его, не очень огорчайся.

Решений у этого ребуса нет. Для того, чтобы это показать, попробуем найти решение. Мы увидим, что не сможем этого сделать!

Заметим сначала, что обязательно $a = 0$ и $г = 0$ (подумай, почему?).

Посмотрим теперь на столбец десятков.

Может ли сумма $k + e$ оканчиваться цифрой e ? Может, конечно, если $k = 0$. Но нуль уже занят!

Значит, при вычислении десятков мы не могли просто находить сумму $k + e$: был еще перенос из разряда единиц. Поэтому получаем, что число $1 + k + e$ оканчивается цифрой e . Это может быть, только если $1 + k = 10$, то есть $k = 9$. Но девятка тоже занята!

Значит, буква k получается «непристроенная» — вместо нее нельзя вставить никакую цифру, и пример поэтому не имеет решения.

ЕЩЕ РАЗ НЕИЗВЕСТНЫЕ

Задача ИКС + ИЗЕТ = ИГРЕК тоже не имеет решений. Действительно, мы к трехзначному числу прибавляем четырехзначное и получаем пятизначное. Это возможно, только если четырехзначное число очень большое (среди четырехзначных, конечно), а пятизначное очень маленькое (среди пятизначных). Но тогда четырехзначное должно начинаться девяткой, а пятизначное — единицей, а ведь цифры эти (по условию) должны быть одинаковы!

ВМЕСТО ЧИСЕЛ — МЕСТОИМЕНЕНИЯ

Лягушонок в одном из своих равенств оказался невнимательным. Он не заметил, что в примере $24 \times 1 = 24$, буквы $т$ и $м$ заменяются одной и той же цифрой.

Кроме того, Лягушонок не заметил, что есть много решений, в которых множители $Т$ и $М$ оканчиваются нулем:

$$20 \times 3 = 60, \quad 20 \times 4 = 80, \quad 30 \times 2 = 60, \quad 40 \times 2 = 80.$$

Все другие решения он нашел верно.

СТАРТЫ НАДЕЖД

Слова К. ИБРЯЕВА.

Музыка Ю. ЧИЧКОВА.

Мы у солнца и у ветра
Взяли пламенный задор.
На секунды и на метры
Мы ведем друг с другом спор.

Потому что отличиться
Хочет в спорте каждый класс,
Потому что олимпийцы,
Потому что олимпийцы
Подрастают среди нас.

ПРИПЕВ:

Во имя грядущих побед,
Во славу советского спорта
Да здравствуют школьные старты надежд,
Ведущие к новым рекордам!
На старт, друзья! Звенит заря
Лучистым золотом медалей.
На старт надежд, на штурм побед
Зовет нас пламенный рассвет!

В спорте нет путей коротких
И удач случайных нет —
Познаем на тренировках
Все мы формулу побед:
Это стойкость и отвага,
Сила рук и зоркость глаз;
Это честь родного флага,
Это честь родного флага,
Окрыляющего нас.

ПРИПЕВ.

Мы ребята боевые,
И под силу нам вполне
Все рекорды мировые
Подарить родной стране.

Мастерство с годами зреет,
И придет наш «звездный час» —
Ведь не зря, друзья, болеет,
Ведь не зря, друзья, болеет
Наша Родина за нас.
ПРИПЕВ.

Индекс 70 694

Цена 25 коп.